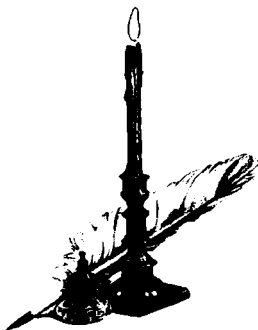

И.Ю.Юрева

ПУШКИН и ХРИСТИАНСТВО

Сборник произведений А.С.Пушкина
с параллельными текстами из Священного Писания
и комментарием

Издательский Дом "Муравей"
Москва 1998

Научные редакторы:

Л.М.Аринштейн,
В.Г.Моров

Послесловие:

В.С.Непомнящий

*Сборник подготовлен по Пушкинской программе
Российского Фонда Культуры*

Юрьева И.Ю. **Пушкин и христианство:** сборник произведений А.С.Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. М.: ИД “Муравей”. 1998. 280 с.

В книге рассказывается о религиозных исканиях А.С.Пушкина от лицейского стихотворения “Безверие”, насмешек над Священным Писанием до произведений, источником которых послужили священные тексты христианства. Приводятся отрывки из более чем ста стихотворений, писем и других текстов Пушкина, содержащие прямые и скрытые цитаты из Библии, литургии, молитв, житий святых, а также воспоминания современников о кончине поэта и сведения о не осуществленных им замыслах духовных произведений, среди которых - драма об Иисусе, переложение Книги Иова.

В книге приводится указатель обращений Пушкина к Священному Писанию, значительно дополняющий справочный аппарат академического Полного собрания сочинений Пушкина в 16-ти томах.

ЗАО ИД “Муравей”, 123363, Москва, а/я 81

ISBN 5-88739-056-5

© ИД “МУРАВЕЙ”, 1997

© И.Ю.Юрьева, 1997

***По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II***

***Из письма Его Святейшества
Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II***

о книге “Пушкин и Христианство”

“...Тщательный и благодарный научный труд, который вы, по Милости Божией, этим подъяли, является не только вкладом в восстановление правды духовного лика А.С.Пушкина, но и значительной помощью в нравственном укреплении ныне живущих и будущих поколений всех обращающихся к творчеству великого русского поэта людей.

Особенно важны ваши исследования и находки в преддверии 200-летнего юбилея Поэта, который непосредственно предшествует году празднования 2000-летия Христианства, ибо лучшее в российской высокой культуре обязано ему...

Призываю благословение Божие на ваши труды”.

A handwritten signature in black ink, consisting of a large, stylized loop followed by a smaller flourish and a cross-like mark at the end.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От научных редакторов	6
От составителя.	7
Несколько предварительных замечаний	9
Какую Библию читал Пушкин?	10
Священное Писание и храмовое действо	15
“Апокалипсические песни”	18
“Собрание старых басен” или “божественное Евангелие”?	25
Как составлен сборник	27
Произведения и письма А.С.Пушкина	
1813-1837 гг.	31
“Дух отрицанья, дух сомненья”	33
“Безумные шалости”	51
“Подражания Корану”	61
“Пушкин-историк о религии и Церкви”	69
“Высокая поэзия священных книг”	83
Смерть поэта и его неосуществленные замыслы	235
Современники Пушкина о его кончине	236
Неосуществленные замыслы Пушкина	239
Послесловие В.С.Непомнящего	247
Приложение	249
Источники и литература	250
Обращения Пушкина к Священному Писанию	255
Алфавитный указатель цитируемых произведений и писем Пушкина	269

*Памяти
Учителя М.М.Баринова*

**Автор выражает
благодарность за
неоценимые советы и
помощь в подготовке этой
книги:**

- Дмитрию Сергеевичу
Лихачеву;
- профессору Р.-Д.Кайлю
- научным редакторам
Л.М.Аринштейну и
В.Г.Морову;
- автору послесловия
В.С.Непомнящему;
- зав. рукописным отделом
Государственного
музея А.С.Пушкина
А.И.Фрумкиной.

ОТ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ

В море изданий о Пушкине, появляющихся в преддверии 200-летнего юбилея великого поэта, сборник “Пушкин и христианство”, составленный И.Ю.Юрьевой, выделяется выверенностью состава, строгостью и научностью комментария.

Подобную книгу уже давно ждет российская общественность. Дело в том, что творчество Пушкина насыщено характерными для русского менталитета начала XIX века цитатами, намеками на религиозные тексты от Ветхого и Нового Заветов до молитв и богослужений годового церковного круга. Весь этот фон, постепенно утраченный еще в атеистический период начала XX в., был подвергнут насильственному искажению в последующие годы.

В результате значительный пласт пушкинского творчества остается непонятым современному читателю, исчезает глубина мыслей Пушкина, теряются его иронические, подчас очень тонкие намеки и замечания, в целом многие произведения теряют ту полноту поэтического звучания, которая была заложена в них поэтом.

Конечно, восстановить полностью в сознании современного читателя весь этот пласт знаний едва ли возможно. Во всяком случае, это задача не одного дня и не одной книги. Сборник “Пушкин и христианство” закладывает фундамент такого понимания и является пусть первым, но очень весомым шагом на пути к адекватному восприятию творчества величайшего национального гения.

*Л.М.Аринштейн
В.Г.Моров*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Что есть истина?

Эти евангельские слова Пушкин взял эпиграфом к стихотворению “Герой”. Они могут быть эпиграфом и к нашей книге:

“Иисус отвечал: ... Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина?” (Ин. 18: 37-38).

На вопрос Пилата в Евангелии от Иоанна отвечает Сам Спаситель, обращаясь к Небесному Отцу: “слово Твое есть истина” (Ин. 17: 17).

Сегодня уже нет необходимости доказывать, что без обращения к Библии невозможно постичь глубинный смысл пушкинских произведений, что священные тексты христианства послужили одним из важнейших источников поэтики Пушкина. Об этом уже написаны книги о. Бориса Васильева, Г.А.Лесскиса, В.Г.Морова, М.Ф.Мурьянова, В.С.Непомнящего; несколько лет подряд выходят сборники “Пушкинская эпоха и христианская культура”.

Однако в “полных” и “избранных” сочинениях Пушкина духовный смысл его произведений до сих пор вольно или невольно скрывается от нас издателями. Даже прямые обращения Пушкина к Священному Писанию толкуются странно или не толкуются вообще.

Разумеется, в 1930-е годы, когда готовилось Большое академическое издание, писать на эту тему было невозможно. И все-таки Н.В.Измайлову удалось под видом именного указателя дать ссылки на многие обращения Пушкина к Священному Писанию в лирике и в письмах. Малое академическое комментированное издание несколько раз выходило совсем в другие, либеральные времена. Но здесь почему-то не назван источник эпиграфа к “Герою”, стихотворение “Чудный сон”

спрятано среди черновиков другого произведения, а “Молитва русских” - среди “коллективного”. Пушкинское заглавие стихотворения 1836 г. “Молитва” изъято из всех советских изданий. Как в Малом, так и в Большом академическом собрании сочинений отсутствуют обширные выписки Пушкина из Четых Миней и перевод жития св. Саввы Сторожевского...

Но страшны не такие умолчания: сейчас готовится новое академическое издание Пушкина, и можно надеяться, что оно действительно будет полным.

Самое печальное впечатление оставляют комментарии к религиозным произведениям Пушкина, которыми наполнены книги прошлых лет. Например, в сборнике “переписки, воспоминаний, дневников” 1836-1837 гг. (В. Кунин “Последний год жизни Пушкина”. Москва: издательство “Правда”, 1988) о стихотворениях Каменноостровского цикла написано буквально следующее (курсив наш - И. Ю.):

«На основании этих стихов сколько говорено было, будто Пушкин к концу жизни пришел к религии, заменил верой свой прежний скепсис, а иногда и прямую пародию и насмешку (“Гавриилиада”) над Священным писанием! И как-то оттесняется в сторону общеизвестная мысль о том, что *евангельский сюжет обычное дело для писателя пушкинского времени* - ведь в *легенде об Иисусе Христе бездна поучительного...* “Отцы пустыnnики...” по форме представляют собой молитву... (только не переводите ее в чисто религиозный план!)... Далее следует “Мирская власть”,... смысл стихотворения откровенен: власть имущие готовы и самого Иисуса Христа присвоить себе, как “казенную поклажу”, не допустив к нему простой народ. Здесь, рискнем сказать, видится и некоторая аналогия с судьбой поэта, к творениям и к сердцу которого стараются не допустить читателя из народа».

Конечно, так было только в пушкинское время, а мы с вами, дорогие читатели из народа, допущены издательствами “Наука” и “Правда” к творениям поэта. Но чтение их с подобными комментариями навевает тот же вопрос: что есть истина?

Чтобы ответить на него, нужно вернуться к самим текстам Пушкина, перечесть их внимательно и в тех случаях, когда они связаны с христианством, обратиться к Священному Писанию, к которому обращался и Пушкин на протяжении всего своего пути - сначала с духом отрицанья и сомненья, затем с духом смирения и любви, с надеждой и верой.

Хочется надеяться, что предлагаемая вашему вниманию книга, где собраны высказывания Пушкина о религии и наиболее яркие случаи обращения его к Священному Писанию, поможет приблизиться к истине.

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

КАКУЮ БИБЛИЮ ЧИТАЛ ПУШКИН?

В пушкинское время еще не существовал полный перевод Библии на русский язык - об этом важно помнить, обращаясь к поэзии Пушкина.

В 1820 г. на русском языке впервые был издан Новый Завет с Псалтирью (одним из авторов перевода был свт. Филарет, будущий митрополит Московский), а Ветхозаветные книги (кроме Псалтири) Пушкин не мог читать по-русски - их переводы так и не вышли в свет при его жизни. В 1826 г. готовившее их Российское Библейское Общество было закрыто, и вся работа в этом направлении остановилась на долгие десятилетия (известный нам Синодальный перевод Библии был издан целиком только в 1870-е годы).

Русский перевод Нового Завета был хорошо известен Пушкину. Яркий пример заимствования оттуда дает письмо к Алексею Вульффу (1826), где Пушкин спрашивает про Анну Керн: “Что делает *Вавилонская блудница* Анна Петровна?” Это выражение из перевода Апокалипсиса: “Пал, пал Вавилон, великая блудница...” (Откр. 18: 2). В церковнославянском тексте слово *блудница* (по-славянски - *любодеица*) не сопрягается с названием города, а в этом месте вовсе отсутствует: “Паде, паде Вавилон великий”.

Другой пример - из русской Псалтири. В последнем стихотворении Пушкина на Лицейскую годовщину (“Была пора...”, 1836) есть стихи, навеянные русским переводом Второго псалма Давида:

Метались смущенные народы;

И высились, и падали цари ... /III, 432/

“Зачем мнутся народы, и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли ...” (Пс. 2: 1-2).

Однако подобные примеры - скорее исключение, чем правило.

Не только до появления русского Нового Завета, но и позже Пушкин пользовался преимущественно славянским текстом - к нему восходит большинство пушкинских обращений к Евангелию, даже в эпиграммах:

Когда б писать ты начал сдуру,
Тогда б наверно ты пролез
Сквозь нашу тесную цензуру,
Как внидешь в Царствие небес.

Глагол “внидешь” (внити) отсылает нас к славянскому Евангелию: “Подвизайтесь внити сквозе тесная врата ...” (Лк. 13: 24).

Что касается Ветхого Завета, то за неимением русского перевода современники Пушкина чаще всего читали его по-французски. Среди пушкинистов сложилось убеждение, что (по крайней мере, в 1820-е гг.) Пушкин почти исключительно пользовался французской Библией. Однако никаких фактов, относящихся именно к Пушкину, на этот счет нет, кроме строчки из письма к брату 1824 года: “Библию, Библию! и французскую непременно”. Правда, в письмо был вложен список требуемых книг, где Пушкин четко указал две Библии, то есть вместе с церковнославянской он просил прислать “и французскую непременно”. Но список этот печатается в переписке Пушкина отдельно, в отрыве от цитированного письма, что и ведет к ошибочному толкованию последнего.

Отголоски параллельного чтения двух Библий прослеживаются в поэзии Пушкина того периода, например, в стихотворном подражании Песни Песней:

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный...

“Вертоград заключен сестра моя невеста, вертоград заключен, источник запечатлен ...” (Песн. 4: 12)

Стихотворение, насыщенное славянизмами, завершается образом Аквилона, почерпнутого Пушкиным из французского перевода Песни Песней (III: 16).*

Известны и некоторые другие случаи обращения Пушкина к французской Библии - они уже описаны пушкинистами.** Однако церковнославянских следов обнаруживается гораздо больше. И

* Наблюдение В.Г.Морова.

** Ср., например, отмеченную Р.-Д. Кайлем близость образа “голос, шуму вод подобный” (“Цыганы”, IV, 186) французскому переводу Апокалипсиса (I, 15) - Keil, 1980, с. 243-244.

дело даже не в количественном соотношении. Обращаясь к Библии, Пушкин автоматически прибегал к славянскому тексту - когда в его сознании возникали образы Ветхого Завета, они облекались в церковнославянские выражения. В "Путешествии в Арзрум" при виде горы Арарат Пушкин вспоминает "врана и голубицу, излетающих" из Ноева ковчега, ср. в славянской Библии: "И посла врана видети, аще уступила вода от лица земли ... И посла голубицу..." (Быт. 8: 7-8).

Следы церковнославянской Библии присутствуют даже во французском письме Пушкина к Чаадаеву от 6 июля 1831 г. Пушкин, цитируя Экклезиаста, пользуется не французской Библией (как можно было бы ожидать), но сам переводит на французский язык церковнославянский текст, который звучит так: "Благо еже слышати прещение премудра, паче мужа слышашего песнь безумных" (Еккл. 7: 5). Непосредственный источник Пушкина в данном случае определить нетрудно: в письме, как и в славянском тексте, - "песни безумца" ("les chansons de l'insensé"), а французская Библия, бывшая в библиотеке Пушкина, дает совершенно другой вариант - "лесть безумцев" ("flatteries des insensés" - Ecclésiaste, VII, 6).

Приведенные примеры относятся к рубежу 1820-30-х годов. Но и в начале 1820-х Пушкин читал славянскую Библию, и не только читал, но внимательно изучал значение церковнославянизмов и даже начал переводить с церковнославянского на русский Песнь Песней царя Соломона - эти записи из рабочей тетради 1821 года помещены в нашей книге.

Славянизмы очень часто встречаются в поэзии Пушкина и служат важнейшим показателем опоры на церковнославянский текст Св. Писания. К сожалению, в литературоведении прошлых лет они рассматривались в отрыве от библейского источника и интерпретировались как признак "высокого стиля" поэзии (которому Пушкин не только не подражал, но который резко критиковал, говоря о "вредном влиянии" Ломоносова на русскую литературу). Порой церковнославянизмы в поэзии Пушкина отрицались как таковые. Специальная статья А. Григорьевой (1981) была посвящена доказательству того, что слово "мрежи" в стихотворении "Отрок" (1830) не церковнославянское, а "народное рыбацкое"*, якобы бытовавшее в северных русских говорах, хотя - по признанию самой исследовательницы - ни в одном словаре русских народных говоров этого слова она не обнаружила. Да и как его было обнаружить, если это неполногласный вариант, невозможный на русской почве: в русском языке ему соответствует слово "мережи", повсеместно фиксируемое в словарях. Между тем в славянском Евангелии слово

* А. Д. Григорьева, 1981, с. 145-147.

“мрежи” присутствует, например, в рассказе о призвании первых апостолов:

“Виде два брата,.. вметаюша мрежи в море, беста бо рыбаля. И глаголя има: грядите по Мне, и сотворю вы ловца человеком. Она же абие оставльша мрежи, по Нем идоста ...” (Мф. 4: 18-20). Пушкин использует эти образы в рассказе о высоком призвании Ломоносова*:

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;

Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!

Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:

Будешь умы уловлять, будешь помощник Царям.

Достаточно было исследователям обратиться к славянскому Евангелию - и им не пришлось бы заниматься бесплодными поисками гипотетического рыбацкого говора.

Практически *везде*, где Пушкин использует славянизмы, обнаруживается их библейский источник. И мы сначала должны его найти, а уже потом размышлять об элементах высокого стиля и “торжественной” окраске славянизмов.

Впрочем, лексика - не единственный показатель обращения Пушкина к церковнославянскому тексту. В ряде случаев Пушкин использует поэтические образы, восходящие к церковнославянскому источнику, не прибегая к славянизмам. Таков набросок 1836 года:

Напрасно я бегу к Сионским высотам,

Грех алчный гонится за мною по пятам...

Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,

Голодный лев следит оленя бег пахучий.

В славянской Псалтири мы находим все образы этого стихотворения - гора *Сион* и ее *высоты* (куда восходят праведники и где им является Господь - Пс. 83: 8 и др.); *лев*, который “готов на лов” (Пс. 16: 12) - символ врагов души; наконец, *олень*: “Имже образом желает елень на источники водные, сие желает душа моя к Тебе, Боже” (Пс. 41: 2). В русском переводе 41-го псалма *олень* исчезает - его заменяет образ лани. Стихотворение Пушкина возвращает нас к церковнославянскому тексту Псалтири.

Итак, вопреки распространенному мнению о том, что в образованном обществе пушкинской поры было принято ограничивать чтение Библии французским переводом, многочисленные факты свидетельствуют о преимущественной опоре Пушкина на *церковнославянский* текст Св. Писания.

* Подробно о евангельском источнике стихотворения “Отрок” см. работу Т.Г.Мальчуковой, с. 91-92.

В 1830-е гг. Пушкин обратился к древнееврейскому оригиналу Библии “с намерением переводить Иова”. Этот замысел не был осуществлен: изучение древнееврейского языка остановилось, вероятно, на начальной стадии, и для Пушкина первоисточником Св. Писания и главным источником поэтического вдохновения осталась церковнославянская Библия.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ И ХРАМОВОЕ ДЕЙСТВО

Ветхо- и новозаветными текстами не исчерпываются религиозно-духовные источники поэзии Пушкина. К ним относятся и жития святых, на которые Пушкин обращал внимание Жуковского и из которых сам делал обширные выписки (вы найдете их в нашей книге).

Еще чаще в произведениях Пушкина звучат отголоски молитв (он “был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их”, по свидетельству Вяземского) и церковных служб, прежде всего Божественной Литургии:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

(19 октября 1827)

“Помяни, Господи, иже в пустынях... и пропастях земных... плавающим сплавай, путешествующим шествуй... На судище, и в рудах, и в заточениях, и в горьких работах, и всякой скорби, и нужде и обстоянии сущих помяни, Боже” (*Литургия св. Василия Великого*).

В отрыве от литургического источника ускользает глубинный смысл этой стихотворной молитвы за друзей-лицеистов, среди которых были и декабристы, заточенные “в пропастях земных”. Пушкин поддерживал своих осужденных товарищей вовсе не политически, но христиански - молился о них. Тот же настрой - в послании к И. Пушкину 1826: “Молю святое Провиденье ...”.

В церковной службе особое место принадлежит чтению Св. Писания. Пушкин в своих произведениях, как правило, ссылаясь имен-

но на те отрывки из Библии, которые в определенные дни читаются при богослужении: для Пушкина-поэта звучащее слово имело большое значение. Но, казалось бы, какая разница для нас, читал ли Пушкин тот или иной текст дома или слышал его, посещая храм? При исследовании источников поэзии Пушкина вопрос этот далеко не праздный. Пример тому - стихотворение "Пророк". Традиционно его возводят к пророческим книгам (Исаи, Иеремии, Иезекииля) и к псалмам Давида. Но при чтении Псалтири связь ее со стихотворением Пушкина кажется почти неуловимой, конкретные источники обнаружить очень трудно. Если же обратиться к прокимнам Литургии, эти источники видны невооруженным глазом:

"Слыши, Дщи, и виждь, и приклони ухо Твое ...

Во всю землю изыде вешание их, и в концы вселенныя глаголы их".

"Восстань, Пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею Моей,

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей".

Большинство священных текстов, о которых пойдет речь в этой книге, входили в сознание Пушкина *"при гласе пастыря, при сладком хоров пенье"* /1, 245/. Любимую свою молитву св. Ефрема Сирина поэт тоже слышал в храме из уст священника:

...ни одна из них меня не умиляет,

Как та, которую Священник повторяет

Во дни печальные Великого поста...

Услышанное в храме в тот или иной день непосредственно отражалось в творчестве Пушкина. Так, неожиданный на первый взгляд образ в стихотворении "Памятник":

Я памятник себе воздвиг *нерукотворный* -

связан с тем, что стихотворение создавалось в дни праздника перенесения Спаса Нерукотворного Образа (16 августа)*. Пушкин закончил стихотворение "Когда за городом, задумчив, я брожу" 14 августа 1836, после чего работал над "Памятником".

Случай того же рода описан в воспоминаниях П.А. Плетнева о Пушкине: "Любимый... разговор его, за несколько недель до его смерти, все обращен был на слова: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение» ... А я, слушая его и чувствуя, что еще далеко мне до *титла человека благоволения*, брал намерение дойти до того".

Как раз "за несколько недель до смерти" Пушкина великое словословие особенно часто повторялось на службах Рождественской седмицы (с 6 по 13 января) - и присутствовало в сознании каждого, кто посещал в те дни церковь. Причем звучание этих Евангельских слов в стихире Рождества, где заключительные слова "...мир, в чело-

вещех благоволение” - музыкальной интонацией соединяются вместе, объясняет толкование их Пушкиным и в разговоре с Плетневым, и в рецензии на книгу Сильвио Пеллико “Об обязанностях человека”, написанной для “Современника” в 1836 г. - там Пушкин тоже упоминает о людях, принадлежащих “к сим избранным, которых Ангел Господний приветствовал именем человеков благоволения” /XII, 99/.

Итак, Пушкин чаще всего обращался к священным текстам, которые звучали на церковных службах. Соответственно, библейские цитаты в его поэзии легко узнавались читателями-современниками: в пушкинское время отрывки из Св. Писания, которые читались и пелись в храме, были у всех на слуху, они звучали из года в год, а порою изо дня в день. Нельзя было “повторить ни одного выражения” из Писания, “которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов”, - так писал Пушкин в 1836 г. о важнейшем качестве Евангелия - его узнаваемости.

Не менее важно и другое: при звучании в обстановке храмового действия священный текст особенно благодатен, он глубоко проникает в душу, рождая в ней отклик, оказывает мощное воздействие на слушателей, располагая их (говоря словами Пушкина) “сердцем взлетать во области заочны”.

“АПОКАЛИПСИЧЕСКИЕ ПЕСНИ”

Быть может, сейчас, когда наше сознание заполнено потоком массовой информации, нам трудно представить ту всеохватывающую роль, которую играла Библия в жизни человека пушкинской поры (какова бы ни была его личная религиозность) - в то время духовный мир людей почти всецело определяла христианская религия, и Священным Писанием поверялись смысл и значение всех событий в мире и в собственной жизни.

Анализируя воздействие Священного Писания на поэзию Пушкина, мы отмечаем, что в определенные периоды его “преследовали” определенные библейские образы: они доминировали в его сознании, становились лейтмотивом философских размышлений, накладывая отпечаток и на его творчество.

Это явление было описано Д.Д. Благим* в отношении Книги Иова и ее влияния на лирику Пушкина 1828-1830 гг. (“Воспоминание”, стихи на день рождения “Дар напрасный, дар случайный”, ответ митрополиту Филарету “В часы забав иль праздной скуки”; в тот же ряд мы можем поставить цитату из Книги Иова в черновике стихотворения “Чернь” (“Поэт на лире вдохновенной”) 1828 г.: “Послушайте глаголь моихъ. Иовъ. Гл. П”, а также стихотворение “Брожу ли я вдоль улиц шумных”).

Однако дело не ограничивается Книгой Иова. Можно определить несколько периодов или “волн” устойчивого обращения Пушкина к другим образам Библии.

Так в эпоху пушкинского эпикурейства особенно близка ему была Книга Екклесиаста - размышления о “суеете суетствий”, о том, что все-

* Благой, 1974, с. 173-179.

му свое время, каждому возрасту свое, и призывы есть, пить и веселиться “во юности твоей”. Эти мотивы звучат в лирике Пушкина 1819 г., и порой здесь трудно отделить “экклезиастические” настроения от влияния Парни, но в одном случае (послание Орлову “О ты, который сочетал”) Пушкин называет Соломона в связи с главной идеей Книги Екклесиаста о суете сует:

Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля - суеты!

Через десять лет, на рубеже 1820-30-х гг. Пушкин вернулся к Книге Екклесиаста совсем на другом, качественно новом уровне восприятия. Теперь мотив “всеу свое время”, тема смены поколений сопрягались с глубоко личными размышлениями Пушкина о переходе им некоего возрастного рубежа, о начале нового этапа жизни:

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь не видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды -
И чей-нибудь уж близок час.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

“Всеу время и время всяцей вещи под небесем: время рождати и время умирати, время садити и время исторгати сажденое ... Вся идут во едино место: вся быша от персти и вся в персть возвращаются” (Еккл. 3: 1-2).

Такие настроения овладевали в то время душой не одного Пушкина. В октябре 1830 г. его ровесник В.К.Кюхельбекер писал Пушкину из Динабургской крепости:

“Да, любезный, поговаривают уже о старости и нашей: волос у меня уже крепко с русого сбивается на серо-немецкий; год, два, и Амигдал процветет на главе моей”. (XIV, 116)

“...И процветет амигдал, и отолстеют пружие, и разрушится кап-парис: яко отыиде человек в дом века своего ...” (Еккл. 12: 5).

Ср. у Пушкина: “Мы все сойдем под вечны своды ...”

Внутреннюю связь с Книгой Екклесиаста неожиданно обнаруживают “опыты драматических изучений” Болдинской осени: по крайней мере в двух из четырех “Маленьких трагедий” явственно прослеживаются мотивы Екклесиаста:

“Кто любит серебро, тот не насытится серебром... И это - суета! Умножается имущество, умножаются и потребляющие его: и какое благо для владеющего им: разве только смотреть своими гла-

зами? И гибнет богатство это...: родил он сына, и ничего нет в руках у него.”*

Эта глава Книги Екклесиаста находит точные параллели в “Скупом рыцаре”: ср. монолог Барона, который хочет устроить себе “пир” - “глядеть на блещущие груди” и сожалеет, что не сможет охранять свои сокровища на том свете от сына-наследника.

Известная универсальность Книги Екклесиаста заставляет с особой осторожностью подходить к подобным сближениям - в рассуждениях царя Соломона можно отыскать цитаты на каждый случай (ср., например, первоначальное заглавие “Моцарта и Сальери” - “Зависть” - со стихом 4-й главы: “Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть” - Еккл. 4:4). Однако приведенные параллели к “Скупому рыцарю” нельзя признать случайными.

Столь же очевидную связь обнаруживает “Пир во время Чумы” с седьмой главой Книги Екклесиаста:

“Благо ходити в дом плача, нежели ходити в дом пира, понеже сие конец всякому человеку... Сердце мудрых в дому плача, а сердце безумных в дому веселия. Благо еже слышати прещение премудра, паче мужа слышашего песнь безумных”. (Еккл. 7: 3-7).

“Дом пира” в трагедии Пушкина - это улица, где пируют герои. “Дом плача” расширен до пределов целого города, пораженного чумой, где люди живут “среди ужаса плачевных похорон”. “Песни безумных” - “гимну в честь Чумы” - противостоит у Пушкина “прещение премудра” - увещевание Священника:

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной!

Напомним, что через полгода после завершения “Маленьких трагедий”, в письме к П.Я. Чаадаеву Пушкин вспомнит именно эти слова седьмой главы Книги Екклесиаста: “Лучше, говорит Экклезиаст, внимать наставлениям мудрого, чем песням безумца” /XIV, 431/.

Можно было бы продолжать констатацию подобных фактов, но приведенного материала, вероятно, достаточно для того, чтобы оценить глубокое влияние Книги Екклесиаста на умонастроения Пушкина в 1829-1831 гг.

Однако наиболее часто овладевали им “апокалипсические” настроения.

Еще в Кишиневе Пушкин полушутя сравнивал свою судьбу с судь-

* В данном случае для удобства читателя мы приводим цитату из русской Библии, чрезвычайно близкую и славянскому, и французскому тексту, которые были известны Пушкину.

бой св. Иоанна Богослова, сосланного на о. Патмос, и писал А.Тургеневу: “...Не можете ли вы меня вытребовать ... с моего острова Пафмоса? Я привезу вам за то сочинение во вкусе Апокалипсиса...” (письмо от 7 мая 1821).

Через несколько лет - в одесский период - европейские политические катаклизмы вновь вызвали к жизни размышления Пушкина в духе Апокалипсиса и направили их в серьезное историософское русло. “Смотря и на запад Европы и вокруг себя”, Пушкин рисует Императрицу Елизавету, склонившую голову под меч (определение Л.А. Краваль), на том же листе - сцены Ада, шествующая Смерть и “бледный конь” Апокалипсиса.

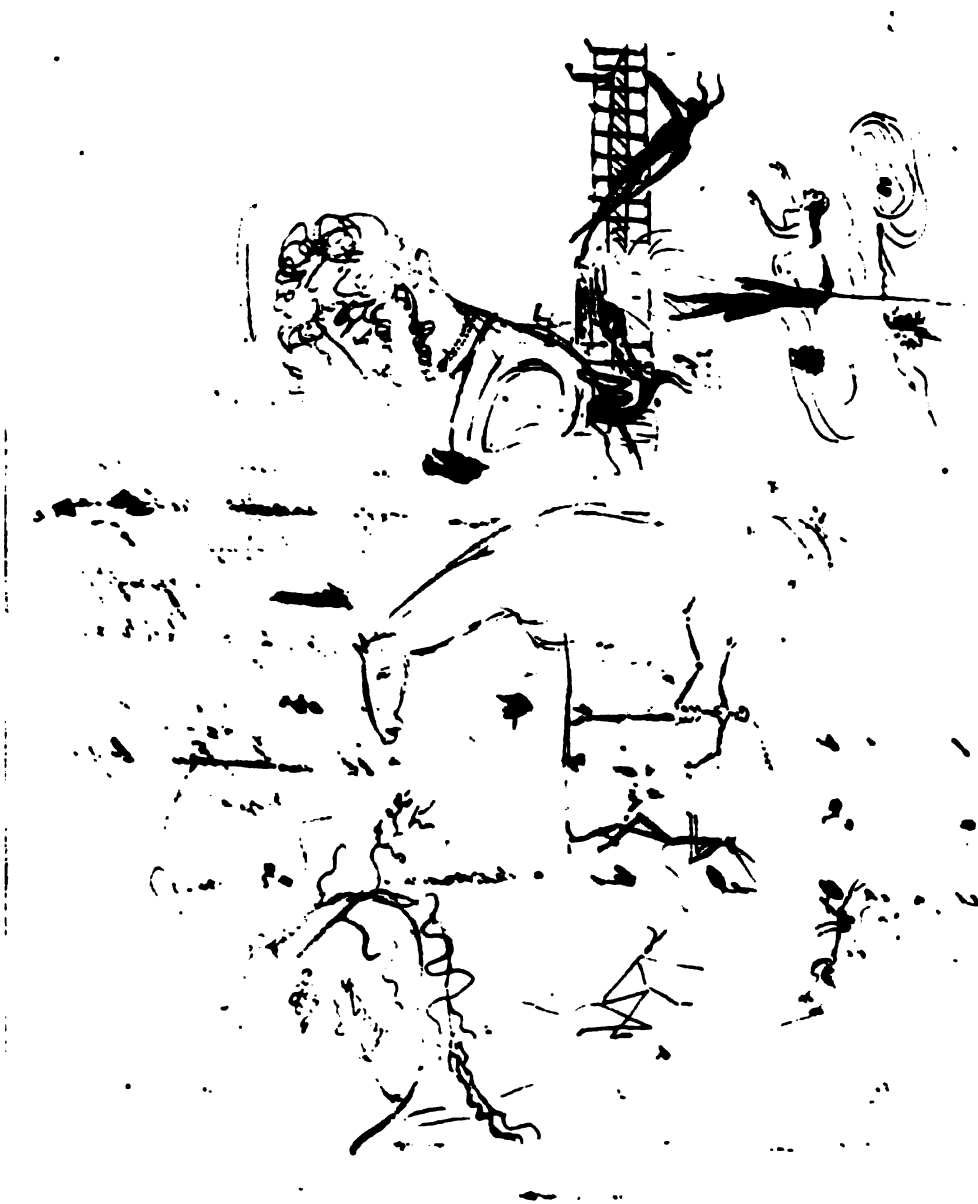
К этому периоду относится стихотворение “Недвижный страж дремал на царственном пороге” (1824), где, как показал В.Г.Моров*, присутствуют мотивы Откровения св. Иоанна и с его мистическими образами сопрягается судьба “Владыки севера” - Александра I.

Богатейшее воображение Пушкина, проникнутое апокалиптическими символами, рождало на первый взгляд мало понятные образы. В стихотворении “Недвижный страж ...” в облике Наполеона к Императору Александру является четвертый всадник Апокалипсиса, имя которому Смерть (Откр. 6: 8).

Не исключено, что в том же мистическом ключе Пушкин воспринял нашествие саранчи, на борьбу с которой он был командирован накануне дня своего рождения в 1824 г. Простые жизненные обстоятельства не вполне объясняют болезненную реакцию Пушкина на такое поручение: саранча действительно стала бедствием края, и на борьбу с ней были посланы не только мелкие чиновники и среди них Пушкин, но большинство служащих канцелярии графа Воронцова. Неадекватное восприятие Пушкиным этой ситуации не в последнюю очередь могло быть связано с апокалиптическим образом саранчи: “Пятый ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба... она отворила кладязь бездны ... И из дыма вышла саранча на землю... И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, ... а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев... В те дни люди будут искать смерть, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них... Одно горе прошло; вот, идут за ним еще два горя” (Откр. 9: 1-6, 12).

Широко известна “Апокалипсическая песнь” Пушкина 1830 г. - стихотворение “Герой”, созданное в Болдине, окруженном холерными карантинами. Оттуда Пушкин писал М.П. Погодину: “Дважды порывался я к Вам, но карантин опять отбрасывали меня на мой несносный островок, откуда простираю к Вам руки и во-

* Моров, 1993, с. 20-23.

Рисунки Пушкина в рабочей тетради 1823 г.
(ПД № 834, л. 42 об.).

пию гласом велиим ... Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь”.

Образы Откровения св. Иоанна Богослова обнаруживаются на глубинном уровне и в других произведениях Болдинской осени.

Как показал американский пушкинист Н.Лонган*, в каждой из “Маленьких трагедий” присутствует в той или иной форме имя *Иоанн* - исследователь справедливо связывает это со святым Иоанном Богословом, автором Откровения, и обнаруживает тени четырех всадников Апокалипсиса в четырех “Маленьких трагедиях”.

В черновых вариантах “Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы” повторяется образ бледного коня Апокалипсиса, несущего Смерть - в ночном ходе часов слышится его топот:

Парк ужасных будто лепет

Топот бледного коня (III, 860).**

Проще всего было бы объяснить устойчивое обращение Пушкина к Апокалипсису осенью 1830 г. “чувством острова Патмоса”, которое поэт несомненно испытывал в Болдине, как некогда в Кишиневской ссылке (когда через год в 1831 г. в сходной ситуации оказался П.А.Плетнев, отрезанный на Каменноостровской даче холерным карантинном, Пушкин в письме к нему вновь вспоминает остров Патмос). Однако нам представляется, что причины апокалиптических настроений Пушкина были глубже. Бурные события начала 1830-х гг. - страшные эпидемии, сопровождавшиеся бунтами и мятежами, Польское восстание и напряженность в отношениях со странами Европы - вызывали не у одного Пушкина, но и у многих его современников эсхатологические настроения. Ю.М.Лотман писал об общих настроениях той поры: “Надежды на новый исторический век вызывали в памяти образы раннего христианства ... В той же системе образов думал и Герцен”, ожидавший обновления как второго пришествия Христа.*** Наиболее полно выразил эти идеи в письме к Пушкину П.Я. Чаадаев, все философские размышления которого в 1831 г. были сосредоточены на крушении старого мира и ожидании “новой благой вести”:

“...Разве воистину не гибнет мир? разве для того, кто не в состоянии предчувствовать новый, грядущий на его место мир, это не является ужасным крушением? Неужели вы также можете не останавливаться на этом мыслью и чувством? У меня слезы выступают на глазах, когда я всматриваюсь в великий распад старого [общества]... Однако же, все закончится хорошо, я вполне в этом уверен ... как произойдет перемена, когда?.. Не знаю. Но смутное предчувствие говорит мне,

* Лонган, 1995.

** См.: Лесскис, с. 293.

*** Лотман, 1982, с. 25-26.

что скоро появится человек, который принесет нам истину веков. ...Многое, предшествовавшее великой минуте, когда *благая весть* была провозглашена божественным посланцем, было предназначено для приготовления к ней мира: и в наши дни, без сомнения, также произойдет многое для подобной же цели; перед тем, как мы получим от Неба *новую благую весть*. Будем ждать". (XIV, 437-439, *подлинник по-французски, письмо от 18 сентября 1831 г.*).

Мысли Чаадаева чрезвычайно созвучны мыслям Пушкина периода Болдинской осени, в произведениях которой, как мы видели, присутствуют следы апокалиптических раздумий поэта о судьбах современного мира: Пушкин тоже "останавливался на этом мыслью и чувством".

Итак, Библия не только является непосредственным источником отдельных пушкинских произведений, но становится ключом к мировосприятию поэта, накладывая отпечаток на философские и лирические его размышления. Образы Книги Иова, Книги Екклесиаста и особенно Апокалипсиса в определенное время формировали устойчивые мотивы творчества Пушкина. Пик библейских настроений приходится на период наиболее интенсивных философских раздумий Пушкина конца 1820-х годов.

“СОБРАНИЕ СТАРЫХ БАСЕН” ИЛИ “БОЖЕСТВЕННОЕ ЕВАНГЕЛИЕ”?

При рассмотрении религиозно-духовных источников поэзии Пушкина невозможно обойти вопрос его отношения к ним.

В прошлые десятилетия исследователи делали упор на “собрание... старых басен” (слова Пушкина о Коране), а в редких случаях писали о религии как “вечном источнике поэзии у всех народов” (XI, 271). Только в ранний период отношение Пушкина к Библии было близко к тому, и Экклезиаст, к которому, как мы помним, Пушкин обращался в 1819 г., стоял тогда для него где-то в одном ряду с Анакреонтом, Парни и другими источниками “легкой” поэзии.

Однако уже в середине 20-х годов отношение Пушкина к Библии коренным образом изменилось, и когда в 1825 г. он писал о “высокой поэзии священных книг” (XI, 33), он вкладывал в эти слова отнюдь не только эстетический смысл, а в 1830-е годы называл Библию и молитвы “божественными” и признавался, какое воздействие на него оказывала книга, называемая Евангелием: “...Если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие”. /XII, 99/

Рассматривая священные тексты лишь с эстетической точки зрения, проникнуть в смысл многих произведений Пушкина невозможно. Если же вернуться к пушкинской позиции - позиции человека, воспитанного на христианской культуре и ощущающего непрерывную вековую православную традицию - многие вопросы исчезнут сами собой.

Знание священной истории снимет недоумение советских литературоведов - мог ли Пушкин сравнить Императора Николая с пророком-законодателем Моисеем:

Смутились мы, твоих чуждаясь лучей.

В порыве гнева и печали

Ты проклял ли, Пророк, бессмысленных детей,

Разбил ли ты свои скрижали?

Понимание молитвы как связующей нити между человеком и Богом объясняет пушкинский приговор Борису Годунову: "Нельзя молиться за царя Ирода - Богородица не велит".

Отмеченные прежними поколениями ученых мотивы *преображения, соборности, духовного аскетизма* (по словам С. Франк, не содержащего в себе ничего мрачного, но означающего, напротив, "*просветление души*") наполнятся глубоким содержанием и помогут заново открыть многие лирические шедевры Пушкина ...

Наконец, сущность поэтического творчества для Пушкина неразрывна с религиозными понятиями. Об этом писал С. Франк: "Для Пушкина поэтическое вдохновение было... подлинным религиозным откровением: вдохновение определено тем, что "божественный глагол" касается "слуха чуткого" поэта... Только из этого сознания абсолютного религиозного смысла поэзии (поэта, как "служителя алтаря") может быть удовлетворительно понят и объяснен... страстный и постоянный протест Пушкина против тенденции утилитарно-морального использования поэзии"*.

Из такого понимания поэтического творчества следует исходить и при оценке обращений Пушкина к Библии.

И тогда сойдет хрестоматийный глянец с пушкинских произведений, откроется их неисчерпаемая глубина, и мы наконец будем воспринимать его творчество в свете того вечного и истинного, что находил сам Пушкин в Священном Писании.

КАК СОСТАВЛЕН СБОРНИК

Тексты Пушкина, представленные в этой книге, распределены по пяти разделам. Внутри каждого раздела они следуют в хронологическом порядке; общий алфавитный указатель произведений и писем Пушкина дан в *Приложении*.

В первом разделе речь идет о религиозных исканиях молодого Пушкина (**“Дух отрицанья, дух сомненья”**). Открывает этот раздел лицейское стихотворение “Безверие”, а завершают высказывания Пушкина 1830 г. о религии и об абсурдности атеизма.

Далее, *во втором разделе*, следуют **“Безумные шалости”** - кощунственные насмешки Пушкина над религиозными обрядами и Священным Писанием, которыми поэт особенно грешил в 1821 году. Этот раздел не полон - из уважения к воле автора мы не приводим поэму “Гавриилиада” (кроме плана, посвящения и одного фрагмента - переложения текста Евангелия от Луки, гл. 1): известно, что Пушкин не только сжег автограф, но в дальнейшем уничтожал и списки этого, по его словам, “жалкого и постыдного” сочинения. Отсутствуют в нашем сборнике произведения, принадлежность которых Пушкину не доказана (таковы некоторые эпиграммы на духовных лиц и непристойные шутки, приписываемые Пушкину - в их числе стихотворение “От всенощной вечор идя домой” /1,283/, где обыгрываются слова из нагорной проповеди: “Что же видиши сучец, иже во оце брата твоего, бревна же, еже есть во оце твоём, не чуеши”: Мф. 7:30).

Третий раздел составляет цикл стихотворений **“Подражания Корану”** 1824 г.

В четвертый раздел вошли труды **Пушкина-историка о религии и Церкви**, где прослежены судьбы Православия с момента крещения Руси (“Очерк истории Украины”) до новой эпохи (“По смерти Петра...”, “История Пугачевского бунта”, “История Петра”).

Наконец, пятый, наиболее обширный раздел (“**Высокая поэзия священных книг**”) включает произведения религиозного содержания и тексты Пушкина, источником которых послужило Священное Писание. Материал такого рода необъятен. Мы вынуждены были ограничиться наиболее яркими примерами: отобраны отрывки из произведений и писем Пушкина, содержащие цитаты и парафразы из Библии, Литургии, молитв, житий святых или основанные на сюжетах Священного Писания. Некоторые случаи обращения Пушкина к Библии кратко описаны выше (см. “Несколько предварительных замечаний”) или упомянуты в предисловии к пятому разделу и в Указателе.

Пушкинские тексты сопровождаются в сборнике соответствующими им отрывками из Библии и других священных книг (их легко узнать по особому **церковному шрифту**). Мы ограничились конкретными цитатами, которые непосредственно использовал Пушкин. Обратившись к оригиналу, читатель сам сможет оценить контекст данного отрывка и параллельные ему места в Писании. В тех случаях, когда Пушкин заимствует лексику и образы из славянской Библии, цитаты даются по-церковнославянски, но в современной транслитерации. В остальных случаях приводится текст Синодального русского перевода Библии, причем для удобства читателя он может заменять славянский и французский тексты Ветхого Завета, которыми пользовался Пушкин - в этих случаях ссылки на Библейскую книгу сопровождаются знаком [].

Все ссылки на Библию даются так, как это принято в русском Синодальном переводе, например, Ис.14: 12-14, т.е. Книга пророка Исайи, глава 14, стихи 12-14; Лк. 21: 1-4 - Евангелие от Луки, глава 21, начальные четыре стиха; Откр. 6: 7-8 - Откровение св. Иоанна Богослова (Апокалипсис), гл. 6, стихи 7 и 8.

Полный свод цитируемых в сборнике священных текстов дан в Приложении: с помощью указателя можно проследить, какие книги Библии или молитвы привлекали особое внимание Пушкина, к каким сюжетам он обращался неоднократно. Всего в сборнике описано около двухсот обращений Пушкина к Священному Писанию.

Поскольку книга рассчитана не только на специалистов, церковные понятия и факты Священной истории объясняются в комментарии, при необходимости кратко комментируется и пушкинский текст. Комментарий дается мелким шрифтом после каждого произведения Пушкина, а в крупных отрывках поэм и драматических произведений - в виде подстрочных примечаний. Толкование церковных понятий заимствуется из Полного православного богословского энциклопедического словаря, изданного в 1912 г.

Произведения и письма Пушкина цитируются по Полному собранию сочинений в 16-ти томах, изданному Академией наук в 1937-1949 гг. ("Большое" ПСС), а отсутствующие в этом издании тексты цитируются по сборнику "Рукою Пушкина" 1935 г. и Полному собранию сочинений в 9-ти томах издательства "Academia" (1935-1938 гг.). В случаях дальнейшего уточнения текста используется справочный XVII том Большого ПСС (1959 г.) и Малое академическое Полное собрание сочинений Пушкина в 10-ти томах (1977-1979).

Отличия публикации текстов Пушкина в нашем сборнике от Большого ПСС касаются следующих моментов:

1. Написание слов приближено к современной орфографии (ср. в ПСС "не лъзя", "имянины" и др.).

2. Употребление Пушкиным прописных букв выверено нами по рукописям и прижизненным публикациям (в ПСС такие слова, как Бог, Творец, Библия, Государь и многие другие вопреки автографам печатались со строчной буквы, в нашем сборнике они публикуются так, как писал их Пушкин).

3. Без угловых скобок даются расшифровки очевидных пушкинских сокращений, например, собственных имен. В то же время угловые скобки сохраняются в случаях предположительного чтения, например:

От п<етербургского> потопа

Спаслась Полярная Звезда.

(ср. в ПСС: "П<олярная> З<везда>" - II, 386).

4. По сравнению с ПСС уточнены некоторые датировки произведений Пушкина (по материалам новых научных исследований). В ряде случаев это принципиально важно. Так, стихотворение "Ты бог-мать, нет сомненья" в "Летописи жизни и творчества Пушкина" (1991 г.) датируется 1824 годом - периодом "уроков чистого афеизма". В ПСС оно датировалось 1826 годом, т.е. без достаточных оснований утверждалось, что Пушкин создал это стихотворение после написания таких глубоко религиозных произведений, как "Борис Годунов" и "Пророк". Ошибочная датировка стихотворения неизбежно ведет к ошибочным выводам об эволюции религиозных взглядов Пушкина, к сожалению, на ней основаны и некоторые последние труды на эту тему (см., например, учебное пособие М. Дунаева, 1996).

Даты, отличные от ПСС, сопровождаются знаком (!), а в комментарии указывается источник уточненной датировки.

Все даты, отсутствующие в рукописях Пушкина и установленные исследователями, даются, как это принято в ПСС, в угловых скобках, например: <1825>, <Апрель - первая половина мая (?) 1824>.

Завершают сборник воспоминания современников о кончине Пушкина и сведения о неосуществленных им духовных замыслах, среди которых - драма об Иисусе, перевод библейской Книги Иова.

В Приложении приводятся:

- источники текстов и литература, использованная в комментарии;
- алфавитный указатель произведений и писем Пушкина;
- указатель обращений Пушкина к Св. Писанию.

В последнем указателе ссылки даны не только на страницы настоящего сборника, но и на Большое ПСС - таким образом этот указатель уточняет и дополняет справочный XVII том и справочный аппарат других томов академического издания. Последнее весьма существенно, поскольку комментаторы советского периода сознательно избегали ссылок на религиозные источники Пушкина. Так, в указателе к Большому академическому изданию Книга пророка Исайи упоминается лишь один раз (в связи со стихотворением "Пророк" - XVII, 113), тогда как в нашем сборнике дается семь отсылок к Книге пророка Исайи.

Такого рода уточнения и дополнения позволяют использовать предлагаемую книгу в научных целях.

В то же время комментарий, рассчитанный на самый широкий круг читателей, делает сборник доступным даже школьникам, а сами произведения Пушкина о религии и обращения его к Библии, впервые собранные вместе, будут интересны всем почитателям великого поэта.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ПИСЬМА А.С.ПУШКИНА 1813-1837 ГГ.

“ДУХ ОТРИЦАНЬЯ. ДУХ СОМНЕНЬЯ”

“Не допускать существования Бога - значит быть еще абсурднее тех народов, которые полагают по крайней мере, что мир стоит на носороге”.

<1830>

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Из статьи С.Л. ФРАНКА
“РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПУШКИНА”

«Известно, что в детстве и ранней юности Пушкин воспитался под влиянием французской литературы 18-го века и разделял его общее мировоззрение.

“Фернейский злой крикун”, “седой шалун” Вольтер для него не только “поэт в поэтах первый”, но и “единственный старик”, который “везде велик” (Городок, 1814). Среда, в которой вращался Пушкин в то время - в лицейскую эпоху и в Петербурге до своей высылки, - поскольку вообще имела “мировоззрение”, также была проникнута настроением просветительского эпикуреизма в духе французской литературы 18-го века.

Вряд ли, однако, и в то время дух этот сколько-нибудь серьезно и глубоко определял идеи Пушкина. Ему уже тогда противоречили некоторые основные тенденции, определяющие собственный духовный склад Пушкина - доселе, кажется, недостаточно учитываемые его биографами. Мы насчитываем три такие основные тенденции: склонность к трагическому жизнеощущению, религиозное восприятие красоты и художественного творчества, и стремление к тайной, скрытой от людей духовной умудренности ... Этот духовный опыт должен был уже рано привести Пушкина к ощущению ложности “просветительства” и рационалистического атеизма. И если позднее, в зрелые годы, Пушкин утверждал, что “ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой 18-ый век дал свое имя”, ибо “она была направлена против господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов”, если он называл Гельвеция “холодным и сухим”, а его метафизику “пошлой и бесплодной”, то в этом сказался несомненно уже опыт юных лет - опыт столкновения в его душе рационализма с религиозным переживанием поэтического вдохновения ...

Специально проблеме религиозной веры посвящено в ту юношескую эпоху стихотворение “Безверие”, написанное для выпускного лицейского экзамена (1817). Его принято считать простым стилистическим упражнением с дидактическим содержанием и потому непоказательным для духовной жизни Пушкина той эпохи. Это суждение

кажется нам неосновательным в силу высказанного уже общего убеждения в правдивости поэтического творчества Пушкина: невозможно допустить, чтобы Пушкин писал по заказу на чуждую ему тему и просто лгал в поэтической форме. Стихотворение художественно, правда, относительно слабое и потому и исключенное самим Пушкиным из собрания сочинений - описывает трагическую безнадежность сердца, неспособного к религиозной вере, и призывает не укорять, а пожалеть несчастного неверующего. В этом стихотворении по крайней мере одна фраза бросает свет на духовное состояние Пушкина: "ум ищет Божества, а сердце не находит". Чрезвычайно интересно, что суждение - впрочем, с существенным изменением логического ударения, - повторяется Пушкиным в 1821 г. в его кишиневском дневнике. Отмечая свое свидание с Пестелем, "умным человеком во всем смысле этого слова", Пушкин записывает поразившую его и, очевидно, соответствующую его собственному настроению мысль Пестеля: *mon cœur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse...*

Нам представляется очевидным парадоксальный факт: Пушкин преодолел свое безверие (которое было в эти годы скорее настроением, чем убеждением) первоначально на чисто интеллектуальном пути: он усмотрел глупость, умственную поверхностность обычного "просветительного" отрицания. В рукописях Пушкина... находится следующая запись: "Не допускать существования Бога - значит быть еще более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге". В одном из ранних стихотворений мысль о небытии после смерти, "ничтожестве", есть для Пушкина "призрак пустой, сердцу непонятный мрак", о котором говорится: "ты чудно мысли человека, тебя страшится гордый ум".

Но самое интересное свидетельство отношения молодого Пушкина к безверию содержится, конечно, в известном его письме из Одессы от 1824 г. Для состояния нашего пушкиноведения характерно, что это письмо, сыгравшее, как известно, роковую роль в жизни Пушкина (он был за него исключен со службы и сослан из Одессы в Михайловское под надзор полиции), исследовано со всех сторон, за исключением одной, самой существенной: никто, кажется, не потрудился задуматься над его подлинным смыслом, как свидетельством состояния религиозной мысли Пушкина...

Это письмо (от которого Пушкин сам позднее отрекался, называя его "глупым") обыкновенно рассматривается просто, как признание Пушкина в его атеизме. Это, конечно, справедливо (для момента написания письма), однако, все же, с очень существенными оговорками. Из самого письма следует, прежде всего, что Пушкин "берет урок чистого афеизма" в п е р в ы е в Одессе в 1824 году - значит, что это мировоззрение серьезно заинтересовало его впервые только тогда, и что, следовательно, Пушкина до того времени никак нельзя считать убежденным атеистом. Далее: указание, что англичанин, "глухой философ, кажется ему п е р в ы м умным атеистом, с которым ему довелось встретиться и который на него произвел впечатление, есть автентичное подтверждение нашего мнения о низкой интеллектуальной оценке Пушкиным обычного типа безверия.

Еще важнее, что в то самое время, как он берет уроки чистого атеизма, он читает Библию; и хотя он "предпочитает Гете и Шекспира", все же, "Святой Дух" ему "иногда по сердцу". Несмотря на уроки атеизма, на него производит впечатление Священное Писание - по крайней мере, с его поэтической стороны (позднее он, как известно, усердно читал Библию и жития святых...). И, наконец, может быть, интереснее всего заключительные слова письма: "система" атеизма признается "не столь утешительной, как обыкновенно думают, но, к несчастью, наиболее правдоподобной". Ясно, что отношение "сердца" и "ума" Пушкина к религиозной проблеме радикально изменилось: теперь его ум готов признать правильным аргумент "афея", но сердце ощущает весь трагизм безверия - вопреки обычному для его поколения жизнепониманию, которое способно находить атеизм "утешительным"...

К эпохе молодости Пушкина, т.е. к первой половине 20-х годов, относятся такие - увы, доселе недостаточно известные и оцененные - перлы религиозной по-

эзии, как отрывок “Вечерня отошла давно”, стихотворение “Люблю ваш сумрак неизвестный” (мысль о неземном мире, “где чистый пламень пожирает несовершенство бытия”), отрывок “На тихих берегах Москвы” (религиозное описание монастыря)... С конца 20-х годов до конца жизни в Пушкине непрерывно идет созревание и углубление духовной умудренности и вместе с этим процессом - нарастание глубокого религиозного сознания. Об этом одинаково свидетельствуют и поэтические его творения, и прозаические работы, и автобиографические записи; поистине, нужна исключительная слепота или тенденциозность многих современных пушкиноведов, чтобы отрицать этот совершенно бесспорный факт, к тому же засвидетельствованный едва ли не всеми современниками Пушкина... Как ни существенно это обращение Пушкина-человека к религиозной вере, еще важнее для уяснения его духовного облика религиозные мотивы его поэзии. Религиозность поэтического жизнеощущения, конечно, никогда не может вписаться в рамки определенного догматического содержания - в особенности же в отношении Пушкина, который всегда и во всем многосторонен. Всякая попытка приписать Пушкину-поэту однозначно определенное религиозное или философское мирозерцание заранее обречена на неудачу, будучи по существу неадекватной своему предмету. Если Константин Леонтьев не без основания упрекал Достоевского в том, что он в своей известной речи превратил... Пушкина в смиренного христианина, то не нужно забывать, что и обратная характеристика Леонтьева, по меньшей мере, так же односторонняя... Языческий, мятежный... Пушкин (как его определяет К. Леонтьев) вместе с тем обнаруживается нам, как один из величайших гениев русского христианского духа.

1933

Безверие

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой иступленье:
Имеет он права на ваше снисхождение,
На слезы жалости; внемлите брата стон,
Несчастный не злодей, собою страждет он.
Кто в мире усладит души его мученья?
Увы! он первого лишился утешенья!
Взгляните на него - не там, где каждый день
Тщеславие на всех наводит ложную тень,
Но в тишине семьи, под кровлею родною,
В беседе с дружеством иль темною мечтою.
Найдите там его, где илистый ручей
Проходит медленно среди нагих полей;
Где сосен вековых таинственные сени,
Шумя, на влажный мох склонили вечны тени.
Взгляните - бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слезы льет, то слезы сожаленья.
Напрасно ищет он уныною развлеченья;
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вокруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет Божества, а сердце не находит.
Настигнет ли его глухих Судеб удар,
Отъемлется ли вдруг минутный счастья дар,
В любви ли, в дружестве обнимет он измену
И их почувствует обманчивую цену:
Лишенный всех опор отпавший Веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира...

Несчастья, Страстей и Немошей сыны,
Мы все на страшный гроб родясь осуждены.
Всечасно бранных уз готово разрушенье;
Наш век - неверный день, всечасное волненье.
Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,

Ужасно чувствовать слезы последней Муку -
И с миром начинать безвестную разлуку!
Тогда, беседуя с отвязанной душой,
О Вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь,
И ободренную с Надеждой отпускаешь...
Но, други! пережить ужаснее друзей!
Лишь Вера в тишине отрадою своей
Живит унывший дух и сердца ожиданье.
“Настанет!- говорит,- назначено свиданье!”

А он (слепой мудрец!), при гробе стонет он,
С усадой бытия несчастный разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает... нет ответа!

Видали ль вы его в безмолвных тех местах,
Где кровных и друзей священный тлеет прах?
Видали ль вы его над хладною могилой,
Где нежной Делии таится пепел милый?
К почившим позванный вечерней тишиной,
К кресту приникнул он бесчувственной главой,
Стенанья изредка глухие раздаются,
Он плачет - но не те потоки слез ликуют,
Которы сладостны для страждущих очей
И сердцу дороги свободой своей;
Но слез отчаянья, но слез ожесточенья.
В молчанье ужаса, в безумстве исступленья,
Дрожит, и между тем под сенью темных ив,
У гроба матери колена преклонив,
Там дева юная в печали безмятежной
Возводит к небу взор болезненный и нежный,
Одна, туманною луной озарена,
Как Ангел горести является она;
Вздыхает медленно, могилу обнимает -
Всё тихо вокруг его, а, кажется, внимает.
Нечастный на нее в безмолвии глядит,
Качает головой, трепещет и бежит,
Спешит он далее, но вслед унынье бродит.

Во храм ли Вышнего с толпой он молча входит,
Там умножает лишь тоску души своей.
При пышном торжестве старинных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,

Тревожится его безверия мученье.
Он Бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой Святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
“Счастливы! - мыслит он,- почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немошном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред Богом!”

Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! Безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Влечет несчастного до хладных врат могилы.
И что зовет его в пустыне гробовой -
Кто ведает? но там лишь видит он покой. /1, 243-245/

*<17 мая 1817 прочитано Пушкиным
на выпускном лицейском экзамене по русской словесности>*

<Из Кишиневского дневника >

9 апреля, утро провел я с Пестелем, умный человек во всем смысле этого слова. “Mon cœur est matérialiste, - говорит он, - mais ma raison s’y refuse”.¹ /XII, 303/

9 апреля 1821

¹“Сердцем я материалист, но мой разум этому противится” (франц.). Ср. выше в стихотворении “Безверие”: “Ум ищет Божества, а сердце не находит”.

Отрывок

Ты, сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,
Ничтожество! пустой призрак,
Не жажду твоего покрова!
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливых дней не знав от века,
Я всё не верую в тебя,
Ты чуждо мысли человека!
Тебя страшится гордый ум!

Так путник, с вышины внимая
Ручьев альпийских вечный шум
И взоры в бездну погружая,
Невольным ужасом томим,
< >
Кругом оплота ищет он,
Всё мчится, меркнет, исчезает...
И хладный обморока сон
На край горы его бросает...
Конечно, дух бессмертен мой,
Но, улетев в миры иные,
Ужели с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные
И чужд мне будет мир земной?
Ужели там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутной жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я... /II, 755 (заглавие); 2, 103/
< >

<Апрель 1822>

* * *

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, -
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!... И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой. /II, 295/

<1-3 ноября 1823>

Демон

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия -
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья -
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, -
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навешать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистошимой клеветой
Он Провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел -
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел. /II, 299/

<Октябрь - ноябрь 1823>

<Из письма к брату>

Не стыдно ли Кюхле напечатать ошибочно моего демона! моего демона! после этого он и Верую напечатает ошибочно. Не давать ему за то ни Моря, ни капли стихов от меня. /XIII, 126/

4 декабря 1824

Верую (Символ веры) - изложение главных догматов веры: каждый христианин должен принимать его и твердо знать наизусть. См. также с. 120 и 195.

<Заметка о стихотворении “Демон”>

[Думаю, что критик ошибся]¹. Многие того же мнения, иные даже указывали на лицо², которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в “Демоне” цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия сущности рождают в нем сомнения, чувство [мучительное, но] непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества духом отрицающим. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух отрицания или сомнения? и в сжатой картине начертал [отличительные признаки и] печальное влияние [оного] на нравственность нашего века. /XI, 30/

<1825>

¹ Автор статьи в “Сыне Отечества”, где говорилось: “Демон Пушкина не есть существо воображаемое ...”

² “Демоном” Пушкина называли Александра Николаевича Раевского.

* * *

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?¹
Вешали книжники, тревожились <Цари,>²
Толпа пред ними волновалась,
Разоблаченные пустели алтари,
[Свободы буря] подымалась.
И вдруг нагрянула... Упали в прах и в кровь,
Разбились ветхие скрижали,
Явился Муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали.

И горд и наг пришел Разврат,
И перед <?> ним <?> сердца застыли,
За власть <?> Отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет Свободы,

И им поверили народы.
[И безразлично, в их речах,]
Добро и зло, всё стало тенью -
Всё было предано презрению,
Как ветру предан дольный прах.³ /П, 314/

Псалом Давида 13-й:

**Рече безумен в сердце своем: несть Бог. Растлеша и омерзис-
шася в начинаниих: несть творяй благостыню.**

Пс. 13: 1

Черновой набросок Пушкина. Подробно о нем см. специальную работу В.Г. Морова "Скрижаль Свободы" (Моров, 1995; далее здесь ссылки на эту работу с указанием в скобках номера страницы).

¹В первых строках обнаруживается обычное для поэзии пушкинской поры сопряжение образа Наполеона с библейским Денницей - Люцифером (Ис. 14:12 - с.4), ср. "Стихи, петье на празднестве английского посла" В.А. Жуковского (1816), записанные Пушкиным по памяти как раз в период работы над стихотворением "Зачем ты послан был ..." /РП, 492-493/. См. также с. 112.

²Явление Свободы здесь сродни евангельским событиям, сопровождавшим Рождество Спасителя (с.7):

...Ирод царь встревожился... И, собравши всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу? (Мф. 2: 3-4)

Системой библейских отсылок Пушкин связал свое стихотворение с чинопоследованием праздника Рождества Христова, который со времени изгнания Наполеона стал и днем воспоминания избавления Державы Российской от Галлов, причем на молебне читались стихи 14-й главы Книги Исайи о Деннице. Пушкин обратил вспять порядок библейских чтений, поменяв местами образы Денницы и Рождества Христова (с. 12-13).

³В заключительной части наброска просматриваются очевидные заимствования из Псалтири (с. 8-9). Заканчивается стихотворение образом праха, преданного ветру, ср. в первом псалме:

...яко прах, егоже возмечает ветер от лица земли (Пс. 1: 4).

Апофеоз тирании: "Рекли безумцы: нет Свободы" (в черновике - "Цари сказали: нет Свободы") - восходит к 13 Давидову псалму, причем здесь происходит подмена Бога-Вседержителя "святой вольностью": Свобода занимает исконное место Бога (с. 10-11).

<Из письма к неизвестному>

(Отрывок)¹

читаю Шекспира и Бидлю, Святой Дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Тёте и Шекспира. - Ты хочешь знать, что я делаю - пишу пестрые строфы романтической поэмы - и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин², глухой философ, единственный умный афрей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur³, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но к несчастью более всего правдоподобная. /XIII, 92/

<Апрель - первая половина мая (?) 1824>

¹“Выписка, сделанная полицией из перехваченного и не дошедшего до нас письма. Это письмо послужило причиной высылки поэта из Одессы в Михайловское” (примечание Б.В. Томашевского - 10, 527). Позже Пушкин писал: “... Я сослан за строчку глупого письма” /XIII, 124/.

²Доктор Хатчинсон, домашний врач Воронцовых.

³что не может существовать высший разум, Творец и вседержитель (франц.)

Характеристику письма С.Л. Франком см. в предисловии.

<Легенда о происхождении мира>

В начале не было ни жизни, ни света - земля была разведена водою - воздух недвижим. Небо густо и черно. Вдруг на небе блеснула яркая точка, она разгоралась боле и боле, и стало солнце. Мир осветился - небо стало прозрачно-голубое, земля удалилась от воды - солнце двинулось и ветры повеяли - таковы были первый день и первая ночь.

Солнце зашло за край мира и все померкло снова, новый мир испугался. Тогда заблестали тысячи новых точек и с другого края мира явилась луна, чтоб успокоить <...>

[На др<угой> день] [Солнце взошло снова] и ветры повеяли. Земля вспотела и породила травы, деревья, множе<ство> животных -

[На третий день] согрелось дно водное и породило рыб -

[На 4 день] птицы вылетели из облаков и сели на ветви древесные.

Так Солнце произвело свет и жизнь. /РП, 33-34/

<1824 (?)>

Ср. первую главу **Книги Бытия**: **“В начале сотвори Бог небо и землю. Земля же бе невидима и неустроена, и тма верху бездны... И рече Бог: да будет свет. И бысть свет...”**

Быт. 1: 1-25.

В сборнике “Рукою Пушкина” запись комментируется как “опыт перевода, вероятнее всего с какого-то английского источника, установить который пока не удалось” /РП, 34/. По предположению Л. М. Аринштейна (устное сообщение), легенда, отрицающая сотворение мира Богом, может иметь отношение к “урокам чистого афеизма”, которые брал Пушкин у доктора Хатчинсона (ср. сообщение Пушкина о том, что англичанин “исписал листов 1000, чтобы доказать, что не может существовать высший разум, Творец и вседержитель”). Другую оценку текста Пушкина см. в работе М. Ф. Мурьянова: Пушкинское “Сотворение мира” // Московский пушкинист. IV. М., 1997, с. 5-14.

Наивно-материалистическая легенда разительно отличается от картины божественного мироздания, которую Пушкин воссоздал осенью 1824 в “Подражаниях Корану” (см. с. 64).

Сцена из Фауста

Берег моря, Фауст и Мефистофиль

Фауст.

Мне скучно, бес.

Мефистофиль.

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скушает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зеваает да живет -
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Фауст.

Сухая шутка!

Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

М е ф и с т о ф и л ь.

Доволен будь

Ты доказательством рассудка.
В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies - скука
Отдохновение души.
Я психолог... о вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над Виргилием дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал
Ты благосклонных дев веселья
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?
Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но - помнится - тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам и к духам,
И что же? всё по пустякам.-
Желал ты славы - и добился,
Хотел влюбиться - и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Ф а у с т.

Перестань,

Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знаньи жизни нет -
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетание
Двух душ...

М е ф и с т о ф и л ь.

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

Ф а у с т.

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там - где тень, где шум древесный,
Где сладко-звонкие струи -
Там, на груди ее прелестной
Покою томную главу,
Я счастлив был...

М е ф и с т о ф и л ь.

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Как вы вдвоем - всё помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье - скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,
Что́ думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Ф а у с т.

Говори. Ну, что?

М е ф и с т о ф и л ь.

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал! -
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистой?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем: -
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решаешь на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело; -
Так на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
Потом из этого всего
Одно ты вывел заключение...

Ф а у с т.

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

М е ф и с т о ф и л ь.

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я -
Я даром времени не трачу.

Ф а у с т.

Что там белеет? говори.

М е ф и с т о ф и л ь.

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,

Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст.

Всё утопить.

Мефистофель.

Сей час. (Исчезает) /II, 434-438/

<1825>

Сцена не имеет соответствия какому-либо месту “Фауста” Гете, хотя и навеяна его образами. Вместе с тем, здесь просматривается автобиографический пласт, соотносимый с размышлениями Пушкина о религии во время его встреч с врачом-атеистом Хатчинсоном в Одессе в 1824. “Умный Афей” осуществляет в отношении Пушкина то же, что Мефистофель в отношении Фауста, - стремится разрушить оптимистическую веру в существование высшего разума, управляющего мирозданием» (примечание Л.М.Аринштейна, Arion, с. 27).

<Из “воображаемого разговора” с Александром I>

“Но вы же и афей? вот что уж никуда не годится”. Ваше Величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление, а две пустые фразы судить как бы всенародную проповедь? /XI, 23-24/.

<Конец 1824 - начало 1825>

<Из письма к Каролине Собаньской>

(черновое; подлинник по-французски)

Хотя видеть и слышать вас составляет для меня счастье, я предпочитаю не говорить, а писать вам. В вас есть уро-

ния, мукаство, которые раздражают и повергают в отчаяние. Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки. Вы - демон, то есть тот, кто сомневается и отрицает, как говорится в Писании. <...>

А вы, между тем, по-прежнему прекрасны, так же, как и в день переправы или же на крестинах, когда ваши пальцы коснулись моего лба. Это прикосновение я чувствую до сих пор - прохладное, влажное. Оно обратило меня в католика. - Но вы увянете; эта красота когда-нибудь <?> покатится вниз как лавина. Ваша душа некоторое время еще продержится среди стольких опасных прелестей - а затем исчезнет, и никогда, быть может, моя душа, ее <?> боязливая рабыня, не встретит ее в беспредельной вечности.

Но что такое душа? У нее нет ни взора, ни мелодии - мелодия быть может... /XIV, 400-401/

<2 февраля 1830>

<Заметки 1830 о религии и атеизме>

Ne pas admettre l'existence de Dieu c'est être plus absurde que ces peuples qui pensent de moins que le monde est posé sur un rhinocéros /XII, 195/.

Перевод: Не допускать существования Бога - значит быть еще абсурднее тех народов, которые полагают по крайней мере, что мир стоит на носороге.(Франц.)

Presque toutes les religions ont donné à l'homme deux [chr]... Il est quelque chose d'aussi hideux que l'athéisme qu'un homme rejette. /РП, 167/.

Перевод: Почти все религии дали человеку два... [хр...] Есть нечто столь же отвратительное, как атеизм, который отвергается человеком. (Франц.).

В сборнике “Рукою Пушкина” перевод: “Почти все религии дали человеку богов” исходит из того, что *deux* - описка Пушкина, следует: **dieux** (“богов”), однако в этом случае необходим также артикль - “des dieux” (замечание Р.-Д. Кайля - устное сообщение).

Фраза Пушкина не закончена, возможно, это выписка из неизвестного нам источника.

“БЕЗУМНЫЕ ШАЛОСТИ”

За Мильтоном и Камознсом
Опасался я без крил парить:
Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,
С Сатаною обитать в раю,
Иль Святую Богородицу
Вместе славить с Афродитою...

“Бова”. 1814

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Из статьи С.Л.ФРАНКА
“РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПУШКИНА”

«**П**ушкин был истинно русской “широкой натурой” в том смысле, что в нем уживались крайности; едва ли не до самого конца жизни он сочетал в себе буйность, разгул, неистовство с умудренностью и просветленностью...

В самую буйную эпоху жизни Пушкина в Кишиневе возникает автобиографическое послание к Чаадаеву, свидетельствующее о почти монашеской отрешенности и тихой умудренности внутренней духовной жизни ... Но мало того, что в Пушкине уживались эти две крайности. В нем был, кроме того, какой-то чисто русский *з а д о р ц и н и з м* а, типично русская форма целомудрия и духовной стыдливости, скрывающая чистейшие и глубочайшие переживания под маской напускного озорства. Пушкин - говорит его биограф Бартенев - не только не заботился о том, чтобы устранить противоречие между низшим и высшим началами своей души, но “напротив, прикидывался буйном, развратником, каким-то яростным вольнодумцем”. И Бартенев метко называет это состояние души “*ю р о д с т в о м п о э т а*”. Несомненно автобиографическое значение имеет замечание Пушкина о “притворной личине порочности” у Байрона. Совершенно бесспорно, что именно выражением этого юродства являются многочисленные кошунства Пушкина (относящиеся, впрочем, только к эпохе примерно до 1825 г. - позднее они прекращаются) - в том числе и пресловутая “Гавриилиада”. Что это так, это явствует уже из того, что “Гавриилиада” есть кошунство не только над верованиями христианства, но и над любовью, тогда как лучший, истинный Пушкин признавался, что в течение всей своей жизни не мог “на красоту взирать без *у м и л е н ь я*”.

К этому надо еще прибавить, что в известной мере кошунства молодого Пушкина явственны были протестом правдивой, духовно трезвой души поэта против поверхностной и лицемерной моды на мистицизм высших кругов тогдашнего времени (в “Послании к Горчакову” 1819 г. Пушкин сатирически поминает “Лаис благочестивых”, “святых невежд, почетных подлецов и мистика придворного кривлянья”; ср. также эпиграммы на Голицына, Фотия и Стурдзу).

В альбом Илличевскому.

Мой друг! неславный я поэт,
Хоть христианин православный.
Душа бессмертна, слова нет,
Моим стихам удел неравный -
И песни Музы своенравной,
Забавы резвых, юных лет,
Погибнут смертью забавной,
И нас не тронет здешний свет!

Ах! ведает мой добрый Гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений. /I, 258/

< .

. >

31 мая 1817

<Из послания к В.Л.Давыдову>

< .

. >

На этих днях, [среди] собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном Птички и Марии
Пошел христосоваться в рай¹ ...
Я стал умен, [я] лицемерю -
Пошусь, молюсь и твердо верю,
Что Бог простит мои грехи,
Как Государь мои стихи.
Говеет Инзов, и намедни
Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы².
Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаянье бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец <?>, - говорит, -
Еще когда бы Кровь Христова

Была хоть, например, лафит...
Иль кло-д-вужо, тогда б ни слова,
А то - подумай, как смешно! -
С водой молдавское вино».
Но я молюсь - и воздыхаю...
Крещусь, не внемлю Сатане...
А всё невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоём вине...

Вот эвхаристия [другая]³,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлой струей
И за здоровье тех и той
До дна, до капли выпивали!..
Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! - мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся -
И я скажу: Христос воскрес. /П. 178-179/
<Около 5 апреля 1821>

¹Митрополит Кишиневский Гавриил (Банулеско) скончался 30 марта 1821.

²Гование - православный обычай, по которому христианин, готовясь к исповеди и причастию во время поста, несколько дней подряд воздерживается даже от умеренной постной пищи и посещает все церковные службы и молитвы. Пушкин по примеру генерала И.И. Инзова говел в Страстную неделю Великого поста.

³Евхаристия переводится с греческого как ‘благодарение’ и означает таинство причащения, “приношение великой жертвы Тела и Крови Христовых” (Богосл. сл. I, 831). В литургический чин Евхаристии входит освящение хлеба и вина, бескровная жертва за святых, за упокой души усопших и за здоровье и спасение живых. Пушкин говорит здесь о другой евхаристии: вместо бескровной жертвы мира и благодарения речь идет о причащении “кровавой чашей” революции, о “жертве” вином за здоровье итальянских карбонариев и за отстаиваемую ими свободу (“те” и “та”). Хорошо знакомую ему лексику церковных обрядов Пушкин употребляет в тональности всепроникающей иронии, которой отмечено его отношение к окружающему миру в период Кишиневской ссылки.

* * *

Христос воскрес, моя Реввека!
Сегодня следуя душой
Закону Бога-человека,
Погибшего за мир земной¹,
Тебя целую, Ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцелуй я не робея
Готов, еврейка, приступить -
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного Еврея
От православных отличить. /ПД № 831, л. 24 об./
12 апреля 1821² (Пасха)

¹Этот стих имеется в первоначальном автографе ПД № 831, л. 24 об. (по которому здесь публикуется текст стихотворения); в дальнейшем он был вычеркнут Пушкиным (ср. ПД № 833, л. 8) и потому не входит в основной корпус ПСС /II, 186/.

²Тем же днем, что и стихотворение, датирован рисунок Пушкина, изображающий сцену в Кишиневской церкви /РП, 394-396/.

“Христос Воскресе!” - пасхальное приветствие. Его произнесение во время Пасхальной заутрени “напоминает радость апостолов при вести о воскресении Христа и служит знаком мира и братской любви” (Богосл. сл. II, 2306). Ср. с. 94.

Современники вспоминали, что Пушкин никогда не пропускал заутрени на Светлое Воскресение и “звал всегда товарищей «услышать голос русского народа» (так он называл пасхальные возгласы “Христос Воскресе!” - “Воистину Воскресе!” - М.П.Погодин со слов А.Н.Раевского: *Москвитянин*. 1855, № 4, кн. 2, с. 146).

Гавриилиада

<План поэмы>

Святой Дух призвав Гавриила описывает ему свою любовь и про-
изводит в сводники [Гавриил влюблен]. Сатана и Мария. /IV, 368/
<6 апреля 1821>

<Набросок посвящения>

Вот Муза, резвая болтуня,
Которую ты столь любил.
Раскаялась моя шалунья,
Придворный тон ее пленил;
Ее Всевышний осенил
Своей небесной благодатью -
Она духовному занятию
Опасной жертвует игрой.
Не [удивляйся], милый мой,
Ее израильскому платью -
Прости ей прежние грехи
И под заветною печатью
Прими [опасные] стихи. /II, 203/

<Фрагмент списка поэмы>

Посол краснел и чувства чужие
Так объяснял в божественных словах:
“О, радуйся, невинная Мария!”
Любовь с тобой, прекрасна ты в женах;
Стократ блажен твой плод благословенный,
Спасет он мир и ниспровергнет ад...
Но, признаюсь душою откровенной,
Отец его блаженнее стократ!” /IV, 133/
<Апрель 1821>

Песнь Пресвятой Богородице:

Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с
Тобою; благословена Ты в женах и благословен плод чрева Тво-
его, яко Спаса родила еси душ наших.

Молитвослов, 10

Евангелие от Луки, гл. 1:

...Послан был Ангел Гавриил от Бога... к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, вошедши к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою: благословенна Ты между женами... ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; ...и Царству Его не будет конца. Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим... Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел.

Лк. 1: 26-38

Обостренно-ироническое восприятие мира Пушкиным в 1821 г. отразилось и на его отношении к важнейшим догматам христианства. Вскоре после праздника Благовещения Пресвятой Богородицы (25 марта) Пушкин пишет поэму "Гавриилиада" (сохранившийся план датируется Б.В. Томашевским 6 апреля, этот день в 1821 г. приходился на Страстную неделю). Автограф поэмы был уничтожен Пушкиным, но "Гавриилиада" еще долгое время расходилась в списках, которые Пушкин, по свидетельству современников, уничтожал. Оценку Пушкиным поэмы в 1828 г. как "жалкого и постыдного" произведения см. ниже. Слова Пушкина из показаний 1828 г. о том, что ни в одном из его произведений нет направления к безверию, могут быть отнесены и к "Гавриилиаде": исследователи оценивают эту поэму как литературную шалость; С. Давыдов пишет, что "кошунства молодого Пушкина свидетельствуют более о творческих вкусах поэта, нежели об отступничестве Пушкина от веры" - Пушкин здесь соперничает в вольнодумстве и остроумии с Вольтером и Парни. Нельзя не согласиться с исследователем в том, что выбранные Пушкиным литературные "образцы и поэтические законы... были более серьезным побудительным мотивом для написания святотатственных стихов, нежели его собственная вера или ее отсутствие" (Давыдов, с. 70).

<Из письма к Ф.Ф. Вигелю>

Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром конечно грянет,
И - не найду твоих следов!
Падут, погибнут пламенея,
И пестрый дом Варфоломея
И лавки грязные жидов:
Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом.¹
Но с этим милым городком
Я Кишинев равнять не смею,
Я слишком с Библией знаком,
И к лести вовсе не привычен.
Содом, ты знаешь, был отличен
Не только вежливым грехом,
Но просвещением, пирами,
Гостеприимными домами
И красотой не строгих дев!
Как жаль, что ранними громами
Его сразил Егови гнев!
В блистательном разврате света,
Хранимый Богом человек,
И член Верховного совета,
Провел бы я смиренно век
В Париже Ветхого Завета!
Но в Кишиневе, знаешь сам,
Нельзя найти ни милых дам,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалею о твоей судьбе!
Не знаю, придут ли к тебе
Под вечер милых три красавца;
Однакож кое-как, мой друг,
Лишь только будет мне досуг,
Явлюся я перед тобою;
Тебе служить я буду рад -
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель - пощади мой зад!² /II, 291-292/

<...> я пью, как Лот содомский³, и жалею, что не имею с собой
ни одной дочки. /XIII, 73/

<22 октября - 4 ноября 1823>

¹Образ кишиневского Содомы впервые встречается в стихотворении Пушкина 1821 г.:

Раззевавшись от обедни,
К Катазаки еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческий содом! /II, 192/

Книга Бытия, гл. 19 повествует, как Господь послал в Содом двух Ангелов, которых гостеприимно принял в своем доме Лот, сделал им угощение, а когда городские жители "от юноши даже до старца", прослышав о гостях Лота, собрались у его дома и стали требовать: "изведи я к нам, да будем с ними", Лот предложил вывести к ним своих незамужних дочерей: "изведу их к вам, и творите им, якоже угодно есть, вам: точию мужем сим не сотворите обиды, того бо ради внидоша под кров дому моего". Жители города ответили Лоту: "ныне убо ты озлобим паче, нежели оных. И насилствоваша мужа Лота зело". Наутро Ангелы вывели Лота и его родных из города, чтобы они не погибли "со беззаконии града". "И Господь одожди на Содом и Гоморр жупел и огонь от Господа с небесе", и истребил "грады сия и всю окрестную страну".

Быт. 19: 1-24

²Пушкин недвусмысленно намекает здесь на содомский грех Вигеля. Ср. в дневнике 1834 сожаление Пушкина о том, что разговор Вигеля "всегда кончается толками о мужеложстве" /XII, 318/.

³Пушкин покинул Кишинев в 1823 г. Здесь, продолжая цепь сравнений Кишинева с библейским Содомом, он сравнивает себя с Лотом, спасшимся из Содомы.

В **Книге Бытия, гл. 19** описывается жизнь Лота и его дочерей:

И сказала старшая младшей: отец наш стар, и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли; итак напоим отца нашего вином, и переспим с ним и восставим от отца нашего племя. И напоили отца своего вином в ту ночь; и вошла старшая и спала с отцом своим; а он не знал, когда она легла и когда встала. На другой день старшая сказала младшей:...напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя. И напоили отца своего вином и в эту ночь...

Быт. 19: 31-35 []

К**

Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только Дух Святой,
Мила ты всем без исключения;
Не та, которая Христа
Родила не спросясь супруга.
Есть бог другой земного круга -
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я.

Он весь в тебя - ты мать Амура,
Ты богородица моя! /III, 45/

<Май 1824> (!)

Уточненная датировка маем 1824 г. согласно *Летописи*, с. 422. В ПСС датировалось 1826 годом.

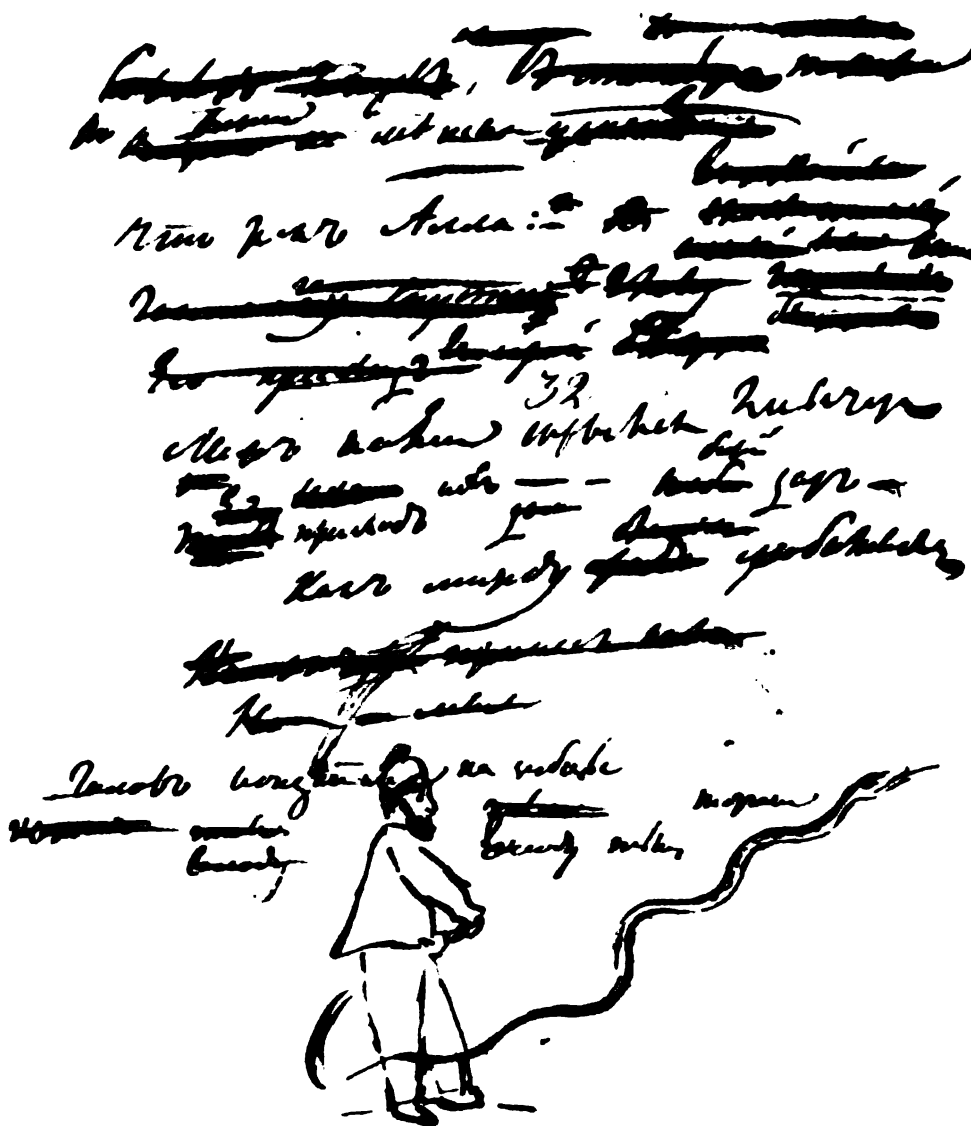

<Из показаний по делу о “Гавриилиаде”>

Осмеливаюсь прибавить, что ни в одном из моих сочинений, даже из тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религией. Тем прискорбнее для меня мнение, приписывающее мне [в настоящих летах и обстоятельствах]¹ произведение столь жалкое и постыдное. /РП, 750/

19 августа 1828

¹Заключенные в скобки слова не вошли в окончательный текст показаний.

“ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ”

*В пещере тайной, в день гоненья
Читал я сладостный Коран ...
<1824>*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Из статьи Н.И.Черняева

“ПРОРОК” ПУШКИНА В СВЯЗИ С ЕГО ЖЕ “ПОДРАЖАНИЯМИ КОРАНУ”

«“**П**одражания Корану” были снабжены Пушкиным очень характерным примечанием...: “Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды*), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен. Мнение сих нечестивых, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом”...

Если верить Пушкину, его пленили в Коране лишь те места, в которых излагаются нравственные истины... Мы думаем, что поэт обманывал себя и других, утверждая это. Его поразила и привлекла не только та часть этики Корана, которая напоминает Священное Писание, но и монотеизм Магомета и его вдохновенная проповедь Божьего Всемогушества, Божьей мудрости, благодати и справедливости. Наша мысль подтверждается первым же “Подражанием Корану”... В этих строфах облечена в поэтическую форму не та или другая нравственная истина, а мысль о Промышлении Божиим... Идея об Едином, Всемогушем и Всеблаготворце и Промыслителе мира и об Его отношении к человеку и обратно лежит в основе и третьего “Подражания”... Девятое “Подражание” составляет сплошную хвалу Богу, облеченную в эпическую форму...

“Подражания Корану” насквозь проникнуты монотеистическим духом и неподдельным религиозным чувством. Они не оставляют никакого сомнения в том, что Коран произвел на Пушкина сильное впечатление, главным образом, теми поэтическими образами, в которых отразились представления Магомета о Боге, имеющие немало общего с ветхозаветным иудаизмом...

Все это приводит нас к тому выводу, что примечание, сделанное Пушкиным к “Подражаниям Корану”, нельзя принимать за чистую монету... В глубине души Пушкин уже преклонялся, когда писал “Подражания”, перед тем, что называл “старыми баснями”, но он не хотел в этом открыто сознаться и старался скрыть от своих друзей тот переход от легкомысленного отношения к религиозным вопросам к серьезному отношению к ним, который в это время происходил в его душе. А что перелом действительно происходил, на то указывает поэтическая обработка в “Подражаниях”, между прочим, таких мест Корана, которые напоминают по своему духу Библию.”

1898

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ¹

Посвящено П.А.Осиповой

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой²:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II.

О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В пареньи дум благочестивых,

Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых³.

III.

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье⁴:
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгой век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что Бог и умертвит
И воскресит его - по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды
И вертоград, и холм, и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред Бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV.

С Тобою древле, о Всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирил.
Ты рек: Я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань Моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С Тобою, Боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева Твоего:
Подъемлю солнце Я с востока;
С заката подыми его!

V.

Земля недвижна - неба своды,
Творец, поддержаны Тобой,*
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой⁵.

Зажег Ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; Он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: Он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

* Ср. **103 псалом Давида** о сотворении мира:

Господи, Боже мой!.. Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер; ...шествоешь на крыльях ветра... Ты поставил землю на твердых основах: не поколеблется она во веки и веки.

Пс. 103: 1-3, 5

VI.

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянии своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженьи:
Теперь они вошли в Эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем.

VII.

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII.

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
 О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань -
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
 Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут - Господом отверженная дань.

IX.

И путник усталый на Бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладез под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы -
И многие годы над ним протекли
По воле Владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
“Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?”
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: “О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладез холодный

Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей”.

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладез наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с Богом он дале пускается в путь.

Примечания <Пушкина>

¹«Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды*), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих нечестивых, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

²В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

³«Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромн; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

⁴Из книги *Слепец*.

⁵Плохая физика; но зато какая смелая поэзия! /II, 352-358/.

<Сентябрь - ноябрь 1824>

1. *Leptocarpus*
 2. *Leptocarpus*
 3. *Leptocarpus*
 4. *Leptocarpus*
 5. *Leptocarpus*
 6. *Leptocarpus*
 7. *Leptocarpus*
 8. *Leptocarpus*
 9. *Leptocarpus*
 10. *Leptocarpus*
 11. *Leptocarpus*
 12. *Leptocarpus*
 13. *Leptocarpus*
 14. *Leptocarpus*
 15. *Leptocarpus*
 16. *Leptocarpus*
 17. *Leptocarpus*
 18. *Leptocarpus*
 19. *Leptocarpus*
 20. *Leptocarpus*
 21. *Leptocarpus*
 22. *Leptocarpus*
 23. *Leptocarpus*
 24. *Leptocarpus*
 25. *Leptocarpus*
 26. *Leptocarpus*
 27. *Leptocarpus*
 28. *Leptocarpus*
 29. *Leptocarpus*
 30. *Leptocarpus*
 31. *Leptocarpus*
 32. *Leptocarpus*
 33. *Leptocarpus*
 34. *Leptocarpus*
 35. *Leptocarpus*
 36. *Leptocarpus*
 37. *Leptocarpus*
 38. *Leptocarpus*
 39. *Leptocarpus*
 40. *Leptocarpus*
 41. *Leptocarpus*
 42. *Leptocarpus*
 43. *Leptocarpus*
 44. *Leptocarpus*
 45. *Leptocarpus*
 46. *Leptocarpus*
 47. *Leptocarpus*
 48. *Leptocarpus*
 49. *Leptocarpus*
 50. *Leptocarpus*
 51. *Leptocarpus*
 52. *Leptocarpus*
 53. *Leptocarpus*
 54. *Leptocarpus*
 55. *Leptocarpus*
 56. *Leptocarpus*
 57. *Leptocarpus*
 58. *Leptocarpus*
 59. *Leptocarpus*
 60. *Leptocarpus*
 61. *Leptocarpus*
 62. *Leptocarpus*
 63. *Leptocarpus*
 64. *Leptocarpus*
 65. *Leptocarpus*
 66. *Leptocarpus*
 67. *Leptocarpus*
 68. *Leptocarpus*
 69. *Leptocarpus*
 70. *Leptocarpus*
 71. *Leptocarpus*
 72. *Leptocarpus*
 73. *Leptocarpus*
 74. *Leptocarpus*
 75. *Leptocarpus*
 76. *Leptocarpus*
 77. *Leptocarpus*
 78. *Leptocarpus*
 79. *Leptocarpus*
 80. *Leptocarpus*
 81. *Leptocarpus*
 82. *Leptocarpus*
 83. *Leptocarpus*
 84. *Leptocarpus*
 85. *Leptocarpus*
 86. *Leptocarpus*
 87. *Leptocarpus*
 88. *Leptocarpus*
 89. *Leptocarpus*
 90. *Leptocarpus*
 91. *Leptocarpus*
 92. *Leptocarpus*
 93. *Leptocarpus*
 94. *Leptocarpus*
 95. *Leptocarpus*
 96. *Leptocarpus*
 97. *Leptocarpus*
 98. *Leptocarpus*
 99. *Leptocarpus*
 100. *Leptocarpus*

62 ~~Reserve~~ ~~apud~~ ~~repositum~~ ~~in~~ ~~hanc~~

~~Chlorophyll~~ ~~Chlorophyll~~
Kern ~~Chlorophyll~~
+ +

Joseph
 & Sons
 Kings
 Cedar
 Vm
 N. York
 Ellersb
 N. York
 Kings
 N. York
 N. York
 N. York
 N. York

ПУШКИН-ИСТОРИК О РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

“Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть Христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть История Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история Христианства”.

<1830>

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

**Из статьи митрополита АНАСТАСИЯ
“ПУШКИН В ЕГО ОТНОШЕНИИ К РЕЛИГИИ
И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ”**

«**К**ак мы уже видели ранее, сила Пушкина состоит в том, что он, в противоположность Толстому, никогда не отрывался от русской православной стихии и от постоянного соборного общения с народом, почерпая из него ту исключительную духовную мудрость, которую мы начинаем понимать только теперь... Он углубил ее основательным изучением минувших судеб родной земли, что особенно помогло ему оценить кроткое смиренное величие Православной Церкви...

Ранее “Бориса Годунова” (в 1822 г.) написаны были его “Исторические записки”... Православная вера навсегда определила по его мнению духовный облик <русского народа>... В отличие от западного - католического, составляющего “особое общество”, т.е. как бы государство в государстве, наше духовенство жило неразрывной жизнью со своим народом, служа “посредником между ним и Государем, как между человеком и Божеством”.

Духовенство пронесло и сохранило этот светоч сквозь мрачные годы татарского ига... Россия спасла “христианское просвещение” - не только для себя, но и для Европы, защищая ее от варваров.

Правительство по мнению Пушкина не сумело оценить в должной степени этого исторического значения нашего духовенства в деле просвещения и нравственного воспитания народа.

Отдавая дань должного уважения государственной мудрости Екатерины II,... Пушкин... не мог однако ей простить того, что она “явно гнала духовенство... Но лишив его независимого состояния... она нанесла сильный удар просвещению народному... Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностью. От сего происходят в народе нашем презрение к попам и равнодушие к отечественной религии”.

В нашей литературе редко можно встретить столь искреннюю и горячую защиту нашего обездоленного духовенства...

Те же самые побуждения заставили его выступить убежденным апологетом родной Православной Церкви, против своего друга Чаадаева, увлекавшегося блестящими внешними культурными одеждами католичества и его монархическим устройством.

Пушкин вступает с ним в настоящий богословский спор... Он решительно отвергает утверждение Чаадаева, что "мы черпали христианство из нечистого (т.е. византийского) источника", что "Византия была достойна презрения..." и т.д....

Не отрицая культурного превосходства западного христианского мира перед Россией, он говорит, что этим Европа обязана нашей Родине. Благодаря "нашему мученичеству", пережитому в то время, когда мы удерживали напор монголов, католическая Европа без помехи могла энергически развиваться. Что же касается единства, какое прельщало Чаадаева в католицизме, то Пушкин находит, что воплощение его надо видеть христианам в идее Христа, а не в Папе».

1937

<Из статьи “По смерти Петра...”>

Екатерина явно гнала Духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает, и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностью. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной Религии; ибо напрасно почитают русских суеверными: может быть нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек на счет всего церковного. Жаль! ибо Греческое Вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер.

В России влияние Духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях Римско-католических. Там оно, признавая главою своею Папу, составляло особое общество, независимое от Гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой Власти, но огражденное святыней Религии, оно всегда было посредником между Народом и Государем как между человеком и Божеством. Мы обязаны монахам нашей Истории, следственно и просвещением. /XI, 16-17/.

2 августа 1822

**<Из статьи о втором томе
“Истории русского народа” Полевого>**

История древняя кончилась Богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть [Вера, Истина] Христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть История Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть История Христианства. Горе стране, находящейся вне европейской системы! <...>

Гизо объяснил одно из событий Христианской Истории: *Европейское Просвещение*. Он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя всё отдаленное, всё постороннее,

случайное, доводит его до нас сквозь темные, кровавые, мятежные и наконец < ? > рассветающие века. Вы поняли великое достоинство французского историка. Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что История ее требует другой Мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенных Гизотом из Истории Христианского Запада. - Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном, и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но Провидение не Алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть Случая - мощного, мгновенного орудия Провидения. /XI, 127; ПД №921/2/.

<Ноябрь 1830>

<Из “Очерка истории Украины”>

К середине IX века Новгород был завоеван норманами, известными под именем варяго-русов.<...> Разные славянские племена, принявшие имя русских [по имени их победителей], умножили <их> войска <...>

Варяго-русы стали ужасом Восточно-Римской империи, и их дикий флот не раз угрожал богатой и слабой Византии. Она, не в состоянии отражать их силой оружия, [поспешила привязать их узами религии] льстила себя тем, что связала их ярмом религии. Проповедь Евангелия распространялась на диких поклонников Перуна, и Владимир принял крещение. Его подданные [Славяне] приняли с тупым безразличием веру, избранную их вождем. /XII, 483, 491, подлинник по франц./

<1831>

Из “Истории Пугачевского бунта”

Гл. 7: Пугачев в Казани. - Бедствие города. <...>

Город стал добычею мятежников. Они бросились грабить дома и купеческие лавки; вбегали в церкви и монастыри, обдирали иконостасы <...> Пугачев <...> стрелял по крепости, особенно по Спас

скому монастырю <...> С другой стороны, Минеев, втащив одну пушку на врата Казанского монастыря, а другую поставя на церковной паперти, стрелял по крепости, в самое опасное место <...> Разбойники, надев на себя женские платья, поповские стихари, с криком бегали по улицам, грабя и зажигая дома. Осаждавшие крепость им завидовали, боясь остаться без добычи... Вдруг Пугачев приказал им отступить <...> Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. <...>

Преосвященный Вениамин* во все время приступа находился в крепости, в Благовещенском соборе, и на коленях со всем народом молил Бога о спасении христиан. Едва умолкла пальба, он поднял чудотворные иконы, и не смотря на нестерпимый зной пожара и на падающие бревна, со всем бывшим при нем духовенством, сопровождаемый народом, обошел снутри крепость при молебном пении. - К вечеру буря утихла, и ветер оборотился в противную сторону. <...>

Состояние Казани было ужасно: из двух тысяч осьми-сот шестидесяти семи домов, в ней находившихся, две тысячи пятьдесят семь сгорело. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорели. Гостинный двор и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены. <...> В числе убитых находился директор гимназии, Каниц, несколько учителей и учеников <...> Генерал-майор Кудрявцов, старик сто-десяти-летний, не хотел скрыться в крепость, не смотря на всевозможные увещания. Он на коленях молился в Казанском девичьем монастыре. Вбежало несколько грабителей. Он стал их увещевать. Злодеи умертвили его на церковной паперти. /IX, 63, 66/

1833

<Из дневника 1833 - 1835>

Декабрь 1833.

4 вечером у Загряжской (Нат. Кир.). Разговор о Екатерине <...> Только два раза видела она Екатерину сердитою, и оба раза на кн. Дашкову. Екатерина звала ее в Эрмитаж. Кн. Дашкова спросила у придворных, как ходят они туда. Ей отвечали: Через Алтарь. Дашкова на другой день с десятилетним сыном прямо забралась в Алтарь. Остановилась на минуту - поговорила с сыном о святости того места - и прошла с ним в Эрмитаж. На другой день все ожидали Государыню,

* Вениамин, архиепископ Казанский с 1761, позже митрополит, в миру Василий Григорьевич Пуцек-Григорович.

в том числе и Дашкова. - Вдруг дверь отворилась, и Государыня влетела и прямо к Дашковой. Все заметили по краске ее лица и по живости речи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась в вчерашнем проступке, говоря, что она не знала, чтобы женщине был запрещен вход в Алтарь. -

- Как вам не стыдно, - отвечала Екатерина, - вы русская - и не знаете своего закона; священник принужден на вас мне жаловаться... Наталья Кирилловна рассказала анекдот с большой живостью. Кн. Кочубей заметила, что Дашкова вошла вероятно в Алтарь - в качестве президента Русской академии. /XII, 316/.

Начало статьи <“О ничтожестве литературы русской”>

Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет Христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности Римско-Кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабошенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией ...^{*)}

Духовенство, пощаженное удивительной сметливостью татар, одно - в течение двух мрачных столетий - питало бледные искры Византийской образованности. В безмолвии монастырей иноки вели свою непрерывную летопись. Архиереи в посланиях своих беседовали с князьями и боярами, утешая сердца в тяжкие времена искушений и безнадёжности. /XI, 268/

<1834>

^{*)} А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна. (Примечание Пушкина).

Из "Table-talk"

<II>

Суворов наблюдал посты. Потемкин однажды сказал ему смеясь: видно, граф, хотите вы въехать в рай верхом на осетре. Эта шутка, разумеется, принята была с восторгом придворными светлейшего. Несколько дней после один из самых низких угодников Потемкина, прозванный им Сенькою-бандуристом, вздумал повторить самому Суворову: "Правда ли, ваше сиятельство, что вы хотите въехать в рай на осетре?" Суворов обратился к забавнику и сказал ему холодно: "Знайте, что Суворов иногда делает вопросы, а никогда не отвечает". /XII, 156/.

<XLVIII>

Один из адъютантов Потемкина, живший в Москве и считавшийся в отпуску, получает приказ явиться. Родственники засуетились; не знают, чему приписать требование светлейшего. Одни боятся незапной немилости, другие видят неожиданное счастье. Молодого человека снаряжают наскоро в путь. Он отправляется из Москвы, скачет день и ночь и приезжает в лагерь светлейшего. Об нем тотчас докладывают. Потемкин приказывает ему явиться. Адъютант с трепетом входит в его палатку и находит Потемкина в постеле со святцами в руках. Вот их разговор: *Потемкин*: Ты, братец, мой адъютант такой-то? - *Адъютант*: Точно так, ваша светлость. - *Потемкин*: Правда ль, что ты святцы знаешь наизусть? - *Адъютант*: Точно так. -

Потемкин (смотря в святцы): Какого же святого празднуют 18 мая?

Адъютант: Мученика Феодота, ваша светлость.

Потемкин: Так. А 29 сентября?

Адъютант: Преподобного Кириака.

Потемкин: Точно. А 5 февраля?

Адъютант: Мученицы Агафьи.

Потемкин (закрывая святцы): Ну, поезжай же себе домой. /XII, 172/.

<1830-е гг.>

<Из “Истории Петра”>

<1672-1689> В день Преполовления (того ж 1684 г.) оба царя были на крестном ходу по городской стене и потом обедали у Патриарха*. Петр расспрашивал Патриарха о установлении сего хода и о других церковных обрядах. <...>

1684 г. июня 1-го и 2-го. Петр осматривал патриаршую библиотеку. Нашед оную в большом беспорядке, он прогневался на Патриарха и вышел от него, не сказав ему ни слова.

Патриарх прибегнул к посредничеству царя Иоанна: Петр повелел библиотеку привести в порядок и отдал ее, сделав ей опись, на хранение Зотову, за царской печатью. /X, 20-21/

(1695-1698). <...> Сам Государь намерен был оставить надолго Россию, дабы в чужих краях учиться всему, чего не доставало еще государству, погруженному в глубокое невежество.

Скоро намерение Государя сделалось известно его подданным и произвело общий ужас и негодование. Духовенство видело в сообщении с еретиками грех, воспрещаемый Св. Писанием. /X, 33/. <...>

Петр жил в Сардаме полтора месяца; после переехал он в Амстердам <...> Тут заложил он собственными руками 60-ти пушечный корабль и ежедневно ходил на работу с топором за поясом. “Мы, последуя слову Божию (писал он к Патриарху от 10 сент.), бывшему к праотцу Адаму, трудимся; что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы искусяся совершенно, могли возвратиться и противу врагов имени Иисуса Христа победителями, благодатию Его, быть”. /X, 37/.

1700. Петр указом от 15 дек. 99 года обнародовал во всем государстве новое начало году, приказав праздновать его торжественным молебствием, пушечной и оружейной пальбою, а в Москве для украшения улиц и домов повелел заготовить ельнику etc.

Накануне занял он московскую чернь, ропшущую на всякую новизну, уборкою улиц и домов. В полночь началось во всех церквах всеношное бдение, утром обедня с молебным <пением> при колокольном звоне. Петр <...> со всем своим двором слушал в Успенском соборе обедню, которую служил первенствующий митрополит рязанский Стефан. По окончании обедни митрополит говорил проповедь, в коей доказывал необходимость и пользу перемены в летосчислении. Потом совершенно молебен с коленопреклонением. <...>

Народ однако роптал. Удивлялись, как мог Государь переменить солнечное течение, и веруя, что Бог сотворил землю в сентябре месяце, остались при первом своем летосчислении. /X, 48/.

* Иоаким (Савелов), Патриарх Московский с 1673 по 1690 г.

(1701). Осенью, возвратясь в Москву, в Заиконоспасском монастыре Греческое училище, заведенное царем Федором Алексеевичем, поручил он рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Повелел завести и Латинскую академию <...>

В 1701 году учрежден Монастырский приказ, <...> подчинив сему приказу все церковные и монастырские вотчины etc., определив каждому монастырю оклад, оставя слуг монастырских самое малое число (слова Петра), окладную дачу хлебом повелел выдавать в общежительство, а не каждому особо. Пресек покупку и дачу в монастыри деревень <...>

1701 года 16-го ноября скончался последний патриарх Адриан. Петр, отложив до удобнейшего времени избрание нового Патриарха, определил митрополита рязанского Стефана Яворского к управлению Церкви, повелев ничего важного без ведома Государя не решать <...>

Петр принялся за духовенство: запретил пострижение прежде 50 лет. Монахиням велел заниматься рукоделием и смотреть за ранеными. Устроил при монастырях богадельни etc. etc.

Ропот ужасно усилился. Появились подметные письма и пророчества, в коих Государя называли анти-Христом, а народ призывали к бунту. Петр запретил монахам иметь в келиях бумагу и чернила - и настоятели должны были отвечать за тех, коим сие дозволяли. /X, 56, 57/.

(1705). (Анекдот о плачущей иконе, рассказанный гр. Алексеем Петровичем Бестужевым).

(Слова Петра из Давида: "Светильник стезям моим закон Твой, Боже!") /X, 78/.

(1709). 23 ноября Петр прибыл в Петербург и занялся гражданскими делами.

В погребение странных и пришельцов заложил он церковь св. Самсона* и повелел другую заложить и в Полтаве во имя Петра и Павла и того ж Самсона. /X, 124/.

(1710). Петр повелел сибирскому архиерею Филофею обращать в христианскую веру иноверные племена, что не зависит от царской власти, но от проповеди слова Божия; а новокрещан повелел обучать русской грамоте (Венецианский историк: 40.000 и более были обращены). <...>

Всем христианским вероисповеданиям Петр дозволил иметь в России церкви и избирать церковный совет, не состоя под ведомством Синода. /X, 126/.

* Преподобный Сампсон Странноприимец (память 27 июня) принимал в своем доме нищих, а затем стал начальником первого в истории странноприимного дома и больницы для бедных, выстроенных Имп. Юстинианом в Константинополе по просьбе святого.

Петр при устьи речки Черной заложил монастырь во имя Троицы и в честь Александра Невского. /X, 132/

1711. 1 янв. Петр обедал у кн. Меншикова; вечером, при фейерверке, освещены два щита, на одном изображена звезда с надписью: *“Господи, покажи нам пути Твоя”*, т.е. Господи, покажи нам дорогу в Турцию, на другом - столб с ключем и шпагой, с надписью: *“Иде же Правда, там и помощь Божия”**. Однако Бог помог не нам. /X, 137/

(1716). По случаю посвящения архиереев в епархии Вологодскую и Астраханскую дана им инструкция. Архиереи обязывались

1) никого не проклинать и от церкви не отлучать, кроме как явных преступников и разорителей заповедей Божиих и то проклинать их *единолично*, а не *всedomовно*, -

2) с раскольниками и противниками православия поступать кротко,

3) монахам не давать бродяжничать,

4) церковью *свыше* потребности новых не строить,

5) попов и диаконов не умножать,

6) паству свою посещать два или 3 раза в год, смотреть за благочинием священников, гробов неведомых не свидетельствовать, беснующих, в колтунах, босых и в рубашках ходящих наказывать, etc.

7) *В мирские дела и обряды не входить*. /X, 191/

(1718). Петр роздал множество указов <...> Приказал ежегодно исповедываться, по праздникам ходить к обедне - под опасением штрафа от 5 до 15 руб. <...> /X, 209/

Повелено указом в церкви стоять смирно и не разговаривать. /X, 217/.

(1721). По учреждении Синода духовенство поднесло Петру просьбу о назначении Патриарха. Тогда-то (по свидетельству современников графа Бестужева и барона Черкасова) Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: *“вот вам Патриарх”*. /X, 221/

(1722). Петр разделил власть духовную от светской - и под суд последней обратил следующие дела:

О любодействе.

О насилии.

О кровосмешении (с согласия Синода).

О похищении ко браку.

О незаконных детях. <...>

* Цит. из Псалтири: Пс. 26: 11; Пс. 123: 8. Речь идет о неудачном Прутском походе Петра против Турции, объявленном крестовым походом: ниже Пушкин описал, как Петр послал войска в Яссы, *“о чем тамошние бедные христиане зело просят”*, и как в Успенском соборе проходило молебствие все-народное и освящение полковых знамен с изображением креста и девизом: *“За Имя Иисуса Христа и Христианство”*. /X, 138/

О приемлющих иную веру из православной Петр повелел докладывать в Сенат, а решение дела предоставил себе. /X, 224/

(1723). Синоду дан указ впредь никого не постригать, а на убылые места ставить старых отставных солдат.

В полки указом ставить попов ученых.

В церковь своих икон из дому не носить.

Не целовать икон и мошей во время службы - и штрафу брать в церкви же по 1 руб.

Архиереям и проч. в церкви челобитен не принимать - и приказных к себе не допускать, кроме как в делах государственных (в бунте и измене?). /X, 234-235/

(1724). Петр во время праздников занялся с Феофаном* учреждениями, до Церкви касающимися.

Еще в 1701 г. отдал он монастырские и церковные имения (ту-негиблемые) в управление светских людей, обратя главные доходы на школы, гофшпитали etc. -

При установлении Синода (для задобрения монахов?) возвратил он духовенству управление имениями.

20 янв. повелел он описать доходы монастырские. <...>

Указ Синоду о монашестве

Петр указом превратил монастыри мужские в военные гофшпитали, монахов в лазаретных смотрителей, а монахинь в прядильниц, швей и кружевниц (выписав для них мастериц из Брабандии).

Учреждены 2 семинарии в Москве и П.Б.

Сей указ, подписанный Петром, остался без исполнения. /X, 240/ <...>

7-го мая. Екатерина коронована Новгородским архиепископом Феофосием. Феофан произнес речь. <...>

Петр в сие время послал по просьбе Сербского архиерея Моисея Петровича - ризницы, книги церковные etc., учителей также <...>

Невский монастырь окончен. Петр из Владимира перенес мощи князя - (30 авг.). /X, 241-242/

(1725) <Кончина Петра>. 16-го янв. Петр начал чувствовать предсмертные муки. <...> Он близ своей спальни повелел поставить церковь походную.

22-го исповедывался и причастился. <...>

Церкви были отворены: в них молились за здравие умирающего Государя <...> 26-го утром Петр повелел освободить всех преступников, сосланных на каторгу <...> К вечеру ему стало хуже. Его миропомазали. <...>

* Феофан Прокопович (1681-1736) - церковный деятель, сподвижник Петра.

Архиереи псковский и тверской и архимандрит Чудова монастыря стали его увещевать. Петр оживился - показал знак, чтоб они его приподняли, и, возведши очи вверх, произнес засохлым языком и невнятным голосом: *“сие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня”*.

Увещающий стал говорить ему о милосердии Божиим беспредельном. Петр повторил несколько раз: *“верую и уповаю”*. Увещающий прочел над ним причастную молитву: верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси etc.* - Петр произнес: *“верую, Господи, и исповедую; верую, Господи: помози моему неверию”*, и сие всё, что весьма дивно (сказано в рукописи свидетеля), с умилением, лице к веселию елико мог устроевая, говорил, - по сем замолк <...> Он уже не сказал ничего.<...> Увещающий от него не отходил. Петр слушал его и несколько раз силился перекреститься.

Троицкий архимандрит предложил ему еще раз причаститься. Петр в знак согласия приподнял руку. Его причастили опять. <...> Тверской архиерей на ухо ему продолжал свои увещевания и молитвы об отходящих. Петр перестал стонать, дыхание остановилось - в 6 часов утра 28 янв. Петр умер на руках Екатерины. /X, 245-246/
<1835>

<Письмо к П.Я. Чаадаеву>
(подлинник по-французски)

Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что Схизма <разделение церквей> отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что

нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т.п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и всё. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы - разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие - печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, - как, неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к Государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора - меня раздражают, как человек с предубеждениями - я оскорблен, - но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой какой нам Бог ее дал. <...> /XVI, 392-393/

19 октября 1836

«Письмо касается знаменитого 1-го «Философического письма» Чаадаева, напечатанного в «Телескопе», 1836 г., т. XXXV, №15. В связи с репрессиями, постигшими Чаадаева, отослано не было». (Примечание Б.В. Томашевского - 10, 584).

«Драма, начавшаяся в Угличе...» - Смутное время. В Угличе был убит сын Иоанна Грозного св. царевич Димитрий, последний из царской династии Рюриковичей; в Ипатьевском монастыре Михаил Романов, избранный на российский престол, присягнул на царство, что ознаменовало конец Смутного времени.

“ВЫСОКАЯ ПОЭЗИЯ СВЯЩЕННЫХ КНИГ”

“Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов, она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, - и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие”.

1836

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот основной раздел сборника содержит религиозные произведения Пушкина и многие его ссылки на Священное Писание.

Строго говоря, чтобы охватить весь материал на эту тему, нужно было бы перепечатать Полное собрание сочинений Пушкина в 16 томах, да еще и дополнить его теми текстами, которые в него не вошли. Библейские мотивы, церковные понятия, отзвуки богослужений и молитв и, главное, проблемы христианской нравственности в той или иной степени присутствуют практически в каждом произведении Пушкина. В первом же стихотворении, открывающем Полное собрание сочинений - “К Наталье” 1813 г., - описывается монастырская келья и упоминается первородный грех:

Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи... /I, 7/

Следующее произведение - поэма “Монах” на сюжет жития свт. Иоанна Новгородского. В первом опубликованном стихотворении Пушкина “К другу стихотворцу” 1814 г. мы находим притчу о сельском священнике. И т.д.

Главная задача сборника - соединить тексты Пушкина с их религиозно-духовными источниками, и потому мы сосредоточились на выявлении прямых и скрытых цитат Пушкина из Библии, литургии, молитв, оставляя в стороне проблемы христианской нравственности у Пушкина, подробности его религиозных исканий, а также те случаи, где используемые Пушкиным библейские выражения прочно вошли в повседневную речь и стали фактом русского языка, например:

“Вдовицы бедный лепт...” (III, 46) - ср. Лк. 21:2, Мк. 12:42.

“...Воздавать Кесарево Кесарю, а Гнедичеве Гнедичу” (XIII, 40) - ироническое переосмысление текста Евангелия (Мф. 22:21, Мк. 12:17).

“Врачу! исцелися сам!” (XII, 95) - цитата из Лк. 4: 23.

“Деньги же эти - трудовые, в поте лица моего выпонтированные у нашего друга Полторацкого” (XIII, 332) - “В поте лица твоего снеси хлеб твой.” (Быт. 3:19).

“Суета сует!” (VIII, 1005) - ср. начало Книги Екклесиаста.

Что касается других обращений Пушкина к Библии, то далеко не все они сви-

детельствуют о религиозности Пушкина: порой Пушкин отдавал дань литературной традиции (описание Наполеона в образах пророчества Исайи), некоторые библейские цитаты он переосмысливал иронически (например, выражение “Вавилонская блудница” по отношению к Анне Керн или стихотворение “Десятая заповедь”). Однако все такие случаи безусловно свидетельствуют о знании Пушкиным Священного Писания, и потому они включены в этот раздел наряду с религиозными произведениями поэта.

Из поэмы “Монах”

Хочу воспеть, как дух нечистый Ада
Оседлан был брадатый стариком;
Как овладел он черным клобуком,
Как он втокнул Монаха грешных в стадо.

< >

Невдалеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван-великой,*
На голове златой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь; в глухих его стенах
Под старость лет один седой Монах
Святым житьем, молитвами спасался
И дней к концу спокойно приближался.
Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад.
Имел кота, имел псалтирь и чётки,
Клобук, стихарь да штоф зеленой водки.
Взошедши в дом, где мирно жил Монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ваши взоры,
Там не висел Рафаэль на стенах.
Увидели б вы стул об трех ногах,
Да в уголку скамейка в пол-аршина,
На коей спал и завтракал Монах.
Там пуховик над лавкой не вздувался.
Хотя монах, он в пухе не валялся
Меж двух простынь на мягких тюфяках.
Весь круглый год святой отец постился,
Весь Божий день он в келье провождал,
“Помилуй мя” вполголоса читал,**
Ел плотно, спал и всякой час молился.

* Действие поэмы происходит в Подмосковье. Очевидно, Пушкин вспоминал здесь свои посещения Саввино-Сторожевского монастыря вблизи селца Захарова, где прошло его детство (Листов, 1980, с. 168). Ср. также стихотворение 1822 г. о подмосковном монастыре - с. 106.

** 50-ый псалом (Помилуй мя, Боже...) или Молитва Иисусова: “Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного” (молитва Иисусу Христу: “Повторяемая многократно (по четкам), она входит в монашеское правило и по своему универсальному значению может даже заменять богослужение и другое молитвенное делание” - Котельников, с. 22).

А ты, Монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый Кармелит,
И ты стыдись, Печерской Лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель...
Но, лира! стой! - Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенью;
Бесить попов не наше ремесло.

Панкратий жил счастлив в уединеньи,
Надеялся увидеть вскоре Рай,
Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может.-
И в тех местах, где черный сатана
Под стражею от злости когти гложет,
Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись -
Иной в Париж к плешивым Картезианцам
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым италианцам
Бургонского и макарони нес;
Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.
< . . . >

Что делает теперь седой Панкратий?
Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налетают;
Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звездочки блистают...
Уж и луна мелькнула сквозь лесов...
Ни жив, ни мертв сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками.
И вдруг бела, как вновь напавший снег
Москвы реки на каменистый берег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка...*
Монах встает, как пламень покраснев,
Как модинки прелестной ала губка,
Схватил кувшин, весь гневом возгорев,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает -
И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, шетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
“Ура! - вскричал Монах с усмешкой злою,-
Поймал тебя, подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутылъ, закупорю тебя,
Сейчас ее в колодез брошу я.
Ага, Мамон! дрожишь передо мною”.
- “Ты победил, почтенный старичок,-
Так отвечал смирьнехонько Молок.-
Ты победил, но будь великодушен,

* Ср. сцену соблазна в балладе “Русалка” 1819:

И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у берегов.

Глядит на старого Монаха
И чешет влажные власы.
Святой Монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы. /II, 96-97/

В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
Уж соблазнять тебя никак не стану”.
- “Всё так, всё так, да полезай в бутылъ,
Уж от тебя, мой друг, я не отстану,
Ведь плутни все твои я не забыл”.
- “Прости меня, доволен будешь мною,
Богатства все польют к тебе рекою,
< . . . >
- “Не соблазнишь! тебя я не оставлю,
Без дальних слов сей час в бутылъ иди”.
- “Постой, постой, голубчик, погоди!
Я жен тебе и красных дев доставлю”.
- “Проклятый бес! как? и в моих руках
Осмелился ты думать о женах!
Смотри какой! но нет, работник ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой.
За всё, про всё готова уж награда,
Раскаешься, служитель беса злой!”
- “Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.
Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Иерусалим”.
При сих словах Монах себя не вспомнил.
“В Иерусалим!” - дивясь он бесу молвил.
- “В Иерусалим! - да, да, свезу тебя”.
- “Ну, если так, тебя избавлю я”.

Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Иерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.
Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берешь седло, берешь чепрак, узду.
Уж под тобой бодрится черт проклятый,
Готовится на адскую езду.
Лети, старик, сев на плеча Молока,
Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спеши в священный град Востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный Ад дорога широка. /1, 9-20/

<1813>

Евангелие от Матфея, гл. 7:

Внидите узкими враты: яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им.

Мф. 7: 13

Одно из первых известных нам пушкинских произведений. Пушкин прекратил работу над поэмой по совету своего товарища кн. А.М.Горчакова и отдал ему рукопись, однако мотивы и образы поэмы позже использовал в балладе “Русалка” 1819, ср.:

Над озером, в глухих дубровах,
Спасался некогда Монах,
Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах.
Уже лопаткою смиренной
Себе могилу старец рыл -
И лишь о смерти возжеленной
Святых угодников молил... /II, 96/

Сюжет поэмы заимствован из жития свт. Иоанна Новгородского (память 7 сентября).

Житие св. отца нашего Иоанна, архиепископа Новгородского:

Однажды святитель, по своему обыкновению, в полночь стоял в своей келии на молитве. Бес, желая устрашить святого, вошел в рукомойник,.. и, возмущая воду, стал производить шум. Святитель, поняв, что сие - дело дьявола, подошел к сосуду, осенил его крестным знамением, и запрещением своим так связал беса в умывальнике, что тот томился там долгое время,.. наконец, не вынося более муки, так как сила крестного знамения палила его, бес начал вопить человеческим голосом:

- О горе мне! сила креста жжет меня, не могу более терпеть такого страдания ... Пусти меня, раб Божий; отныне никогда не буду я приходить сюда.

Так бес вопил долгое время.

Наконец святитель сказал:

- За твою бесстыдную дерзость повелеваю тебе сею ночью отнести меня в Иерусалим и поставить у храма, где находится Гроб Господень; из Иерусалима тотчас же ты должен обратно перенести меня сюда в мою келию в ту же самую ночь, и тогда я отпущу тебя.

... Святитель выпустил его со словами:

- Превратись в оседланного коня и стань перед келиею моею ...

Блаженный... сел на беса и в ту же ночь очутился в святом городе Иерусалиме... Архиепископ, вознося Богу благодарственные молитвы и проливая слезы, поклонился Гробу Господню и благоговейно облобызал его, также поклонился он животворящему Древу, всем святым иконам и местам ... Бес же стоял на том месте, где ему было повелено, в виде оседланной лошади; сев на него, Иоанн опять в ту же ночь прибыл в Новгород Великий и очутился в своей келии. Уходя от святителя, бес умолял его не говорить никому, как он слыжил ему ... как повиновался он, словно пленник.

- Если же ты расскажешь кому-либо, - прибавил нечистый дух, - как ты ездил на мне, то не перестану я строить против тебя козни и наведу на тебя сильное искушение.

Так грозил бес, а святитель осенил себя крестным знаменем, и тот-час исчез от него бес, словно дым.

В одно время святой Иоанн вел духовную беседу... и, между прочим, сообщил и то, что с ним было, - а именно о своей поездке в Иерусалим; рассказывая же, он не называл самого себя, а как будто говорил о ком-либо другом.

...Слушатели сильно удивлялись ему рассказу святого, а дьявол скрежетал зубами своими на архиепископа, говоря:

- Так как ты рассказал тайну, то наведу на тебя такое искушение, что будешь ты осужден всеми своими гражданами как блудник.

И с того времени бес, Божиим попущением, начал действительно строить свои коварные козни святителю, стараясь лишить его доброго имени. Он показывал людям, которые во множестве приходили к Иоанну просить благословения, в келии святого разные видения: то женскую обувь, то ожерелья, то какие-либо женские одежды.

... Видя такое поругание святого, сильно радовался лукавый враг рода человеческого, но, по Божьему промыслу, невинность праведного победила и посрамила коварного врага ...

Жития святых. I, 169-171 []

Из поэмы “Бова”

Трепетна, смятенья полная,
Стала на колени Зоинька,
Съединила ручку с ручкою,
Потупила очи ясные,
Прочитала скорым шёпотом
То, что ввек не мог я выучить:
Отче наш и Богородице,
И тихохонько промолвила:
“Что я вижу? Боже! Господи ...
О Никола! Савва мученик!
Осените беззащитную.
Ты ли это, Царь наш батюшка?
Отчего, скажи, оставил ты
Ныне Царствие небесное?” /1, 69/

<1814>

Здесь упомянуты две молитвы, знание которых верующими обязательно: молитва Господня “Отче наш”, - см. ниже с. 200, - и песнь Пресвятой Богородице: “Богородице Дево, радуйся...”

Никола - св. Николай, архиепископ Мирликийский, чудотворец - самый почитаемый на Руси святой; Савва мученик - св. Савва Стратилат (память 24 апреля) или св. Савва Готфский (память 15 апреля).

Из стихотворения “На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году”

Свершилось!.. Русской Царь, достиг ты славной цели!
Вотще надменные на Родину летели;
Вотще впреди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполин
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе! /1, 145/

<Ноябрь 1815>

Книга пророка Исайи, гл. 14:

**Како спаде с небесе денница восходящая зѣтра; сокруши-
ся на земли посылая ко всемъ языкомъ. Ты же рекл еси во ѹмѣ
твоѣмъ: на небо взыду, выше звездъ небесныхъ поставлю престолъ
мой, сяду на горѣ высоцѣ, на горахъ высокихъ, яже к северу...
Нынѣ же во адъ снидѣши...**

Ис. 14: 12-14

Сопряжение образов Наполеона и библейского Денницы, "потрясая Цари, положивый Вселенную всю пусту и грады ея разсыпа", было общимъ местомъ русской поэзии пушкинской поры. Эта традиция восходит къ благодарственному молебну, который совершался в день Рождества Христова в память избавления отъ нашествія Галловъ в 1812 году. Подробно об этой традиціи пишетъ В.Г.Моровъ (1995, с. 4-7). См. следующее стихотвореніе и с. 41-42 ("Зачемъ ты посланъ былъ ..."). В этомъ же ряду - не включенная в нашъ сборникъ ода "Вольность" 1817, где стихи о Наполеоне, по мнѣнію В. Морова, также восходят къ пророчествамъ Исайи о Денницѣ:

Самовластительный Злодей!

Тебя, твой тронъ я ненавижу,

Твою погибель, смерть детей

С жестокой радости вижу. /II, 47/ -

**Ты же поверженъ будѣши,.. яко мертвецъ мерзкій... Уготови
чада твоѣ на ѹбиеніе грѣхами отца... И востану на ня, глаго-
летъ Господь Саваофъ, и погублю имя ихъ, и останокъ, и семя.**

Ис. 14: 19, 21, 22

Изъ стихотворенія "Тень Фон-Визина"

"Такъ ты здѣсь в видѣ привидѣнья?...-

Сказалъ Державинъ,- очень радъ;

Прими мои благословенья.....

Брысь, кошка!.. сядь, усопшій братъ;

Какая тихая погода!.....

Но кстати вотъ на славу ода,-

Послушай, братецъ" - и старикъ,

Покашлявъ, почесавъ парикъ,

Пустился пѣть свое творенье,

Статей библейскихъ преложенье;

То былъ изъ гимновъ гимнъ прямой.

Чета бесплотныхъ в удивленьи

Внимала молча песнопенье,

Поникнувъ долу головою:

“Открылась тайн священных дверь!...
Из бездн исходит Луцифер,
Смиренный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!...
Благословен Господь наш Бог!”.....
“Ого! - насмешник мой воскликнул,-
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров;
Что сделалось с тобой, Державин?
И ты судьбой Невтону равен,
Ты бог - ты червь, ты свет - ты ночь...
Пойдем, Меркурий, сердцу больно;
Пойдем - бешуся я невольно”.
И миготом отлетел он прочь.

“Какое чудное явление!”
Фон-Визин спутнику сказал.
- “Оставь пустое удивленье,-
Эрмий с усмешкой отвечал.-
На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый возгремел,
И гневом Пиндар Холмогора,
И тайной завистью горел.
Но Феб услышал глас укора,
Его успокоить захотел,
И спотыкнулся мой Державин
Апокалипсис преложить -
Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?” /1, 162-163/

<1815>

Пушкин пародирует здесь стихотворение Державина “Гимн лироэпический 1812 года на прогнание французов из отечества”. Иронически относясь к сочинению Державина, Пушкин-лицеист сам в то же время писал в подобном ключе, придавая Наполеону черты Денницы-Люцифера - см. предыдущее стихотворение.

* * *

Заутра с свечкой грошевою
Явлюсь пред Образом святым:
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою:
Сазонов был моим слугою,
А Пешель - лекарем моим. /I, 177/

<1816>

Написано после того, как лицейский "дядька" К.Сазонов был обличен в убийствах. Ф.М.Пешель - лицейский врач.

<Из письма к В.Л.Пушкину>

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай Бог, чтоб милостию Неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай Бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтоб в наши грешны времена
Воскресла предков добродетель;
Чтобы Шихматовым назло
Воскреснул новый Буало -
Расколов, глупости свидетель;
А с ним побольше серебра
И золота et cetera.

Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчика достойный,
И Николев, поэт покойный,
И беспокойный граф Хвостов,

<6-11 апреля 1816, Пасха>

<Октябрь 1816>

95

Послание Лиде

Тебе, наперсница Венеры,
< >
Которой нежные примеры,
Улыбка, взоры, нежный тон
Красноречивей, чем Вольтеры,
Нам проповедует закон
И Аристипов, и Глицеры, -
Тебе приветливый поклон,
Любви венок и лиры звон.
Презрев Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасен,
И стал апостол мудрой веры
Анакреонов и Нинон:
Всего... но лишь известной меры. /I, 226/
< >

<1816>

**К Огаревой,
которой Митрополит прислал плодов
из своего саду**

Митрополит¹, хвастун бесстыдный,
Тебе прислав своих плодов,
Хотел уверить нас, как видно,
Что сам он Бог своих садов.

Возможно всё тебе - Харита
Улыбкой дряхлость победит,
С ума сведет Митрополита
И пыл желаний в нем родит.

И он, твой встретив взор волшебный,
Забудет о своем Кресте
И нежно станет петь молебны
Твоей небесной красоте. /II, 38/

<1817>

Тургеневу

Тургенев, верный покровитель
Попов, Евреев и Скопцов,
Но слишком счастливый гонитель
И Езуитов, и глупцов,
И лени моей бесплодной,
Всегда беспечной и свободной,
Подруги благотворных снов!
К чему смеяться надо мною,
Когда я слабою рукою
На лире с трепетом брожу
И лишь изнеженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
В струнах незвонких нахожу?
Душой предавшись наслажденью,
Я сладко, сладко задремал.
Один лишь ты с глубокой ленью
К трудам охоту сочетал;
Один лишь ты, любовник страстный
И Соломирской, и Креста ^{*)},
То ночью прыгаешь с прекрасной,
То проповедуешь Христа. -
На свадьбах и в Библейской зале,
Среди веселий и забот,
Роняешь Лунину на бале,
Подъемлешь трепетных сирот... /II, 40-41/
< . . . >

^{*)} Креста, сиречь не Анненского и не Владимирского - а честного и животворящего (примечание Пушкина).

8 ноября 1817

Краткая молитва Честному Кресту:

Огради мя, Господи, силою Честного и Животворящего
Твоего Креста...

Молитвослов, 22.

Адресат послания А.И. Тургенев занимал пост директора Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий и был секретарем Библейского общества.

Сохранился отрывок другого послания к Тургеневу (1819), где также обыгрываются церковные понятия:

В себе все блага заключая,
Ты наконец к ключам от Рая
Привяжешь камергерский ключ. /II, 465/

Ключи от Рая - "ключи Царства Небесного" обещал Христос апостолу Петру (Мф. 16: 19) как знак его власти в Церкви. Пушкин в своем послании награждает этим символом Тургенева, представителя российской власти, распоряжавшегося церковными делами.

<Екатерине Бакуниной>

Напрасно воспевать мне ваши именины
При всем усердии послушности моей;
Вы не милее в день святой Екатерины
Затем, что никогда нельзя быть вас милей. /II, 125/
<24 ноября 1817 (?)>

Кривцову

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядем на порог;
У пафосския царицы
Свежий выпросим венок,
Лишний миг у верной лени,
Круговой нальем сосуд -
И толпою наши тени
К тихой Лете уйдут.
Смертный миг наш будет светел;
И подруги шалунов
Соберут их легкой пепел
В урны праздные пиров. /II, 50/

<1817>

* * *

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебе дарит
На скучный путь и на разлуку
Святую Библию Харит?
Амур нашел ее в Цитере,
В архиве Шалости молодой.
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреец мой!
Останься век, каков ты ныне,
Лети во мрачный Альбион!
Да сохранят тебя в чужбине
Христос и верный Купидон!
Неси в чужой предел Пената,
Но, помня прежни дни свои,
Люби невинного брата,
Страдальца чувственной любви! /II, 57/

2 марта 1818

Святая Библия Харит - поэма Вольтера “Орлеанская дева”, которую Пушкин подарил Н.И.Кривцову перед его отъездом в Лондон.

Из послания Орлову

Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля - суеты! /II, 85/

4 июля 1819

Книга Екклесиаста, сиречь проповедника царя Соломона:

Бѹета сѹетствий, рече Бкклесиаст, сѹета сѹетствий, вся-
ческая сѹета.

Еккл. 1: 2

Ср. ироническое обыгрывание той же цитаты в лицейском стихотворении “К молодой актрисе” 1815:

Все шепчут: ах! как хороша!
Увы! другую б освистали:
Велико дело красота.
О Кля, мудрые солгали:
Не всё на свете суета. /I, 131/

Стансы Толстому

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.
< >
Поверь, мой друг, она придет,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины забот
И бесполезных размышлений.

Зевес, балуя смертных чад,
Всем возрастам дает игрушки:
Над синами не гремят
Безумства резвые гремушки.

Ах, младость не приходит вновь!
Зови же сладкое безделье
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!

До капли наслаждение пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей! /II, 109/

<1819>

Книга Екклесиаста, гл. 8, 11-12:

И похвалил аз веселіе, яко несть благо человеку под солнцем, но токмо еже ясти и пити и еже веселитися ...

... Все грядущее суета. Веселися, юноше, во юности твоей,.. дондеже не придут дни злобы твоея, и приспеют лета, в нихже речеши: несть ли в них хотения...

Еккл. 8: 15; 11: 8-9; 12: 1

К Щербинину

Житье тому, любезный друг,
Кто страстью глупою не болен,
Кому влюбиться недосуг,
Кто занят всем и всем доволен;
Кто Надиньку, под вечерок,
За тайным ужином ласкает,
И жирный страсбургский пирог
Вином душистым запивает;
Кто, удалив заботы прочь,
Как верный сын пафосской веры,
Проводит набожную ночь
С молодой монашенкой Цитеры.
По утру сладко дремлет он,
Читая листик *Инвалида*;
Весь день веселью посвящен,
А в ночь - вновь царствует Киприда.

И мы не так ли дни ведем,
Щербинин, резвый друг забавы,
С Амуром, Шалостью, вином,
Покаместь молоды и здоровы.
Но дни молодые пролетят,
Веселье, нега нас покинут,
Желаньям чувства изменят,
Сердца иссохнут и остынут. /II, 87/
< >

9 июля 1819

Книга Екклесиаста, гл. 3, 11:

Всем время и время всяцей вещи под небесем: ... время плакати и время смеятися, время рыдати и время ликovati...

Яко аще и многа лета проживет человек, и о всех сих возвеселится, и помянет дни тмы, яко мнози будут...

Еккл. 3: 1,4; 11: 8

Здесь Пушкин травестийно переосмысливает Тайную Вечерю (“тайный ужин”), Св. Дары (“жирный страсбургский пирог” с “вином душистым”), всеношное бдение (“набожная ночь с молодой монашенкой Цитеры”). Подробнее о приеме травести у Пушкина см.: Лескис, с. 180-187.

Во второй части послания Пушкин вновь обращается к мотивам Екклесиаста (ср. предыдущие стихотворения).

Песнь песней царя Соломона

Да лобзает меня лобзанием уст своих. Перси твои приятнее вина
и запах мира твоего лучше всех аромат - имя твое сладостно как излиян-
ное миро, для этого юная [возлюбилша тя] возлюбил я тебя.

Лобзай меня, твои лобзанья
Мне слаще мира и вина
В крови горит огонь желанья,
Душа тобой упоена; / РП, 32 /

<1821>

Да лобжет мя от лобзаний уст своих: яко блага сосца твоя
паче вина. И воня мира твоего паче всех аромат. Мирю излиян-
ное имя твое: сего ради отроковицы возлюбилша тя.

Песн. 1:1

Запись Пушкина представляет собой перевод начала Песни песней с церков-
нославянского и наброски стихотворного переложения, использованные позднее,
см. с. 117.

<Из письма к барону А.А. Дельвигу>

*<...> О путешествиях Клохельбекера слышал я уж в Кие-
ве. Мелало ему в Париже дух целомудрия, в канцелярии На-
рышкина дух смиренномудрия и терпения, об духе лодви я не
беспокоюсь, в этом нуждаться не будет, о празднословии молчу
- дальний друг не может быть излишне болтлив. /XIII, 25/
23 марта 1821*

Из молитвы св. Ефрема Сирина:

...Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия
не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения
и любви даруй ми...

Молитвослов, 113

Написано во время Великого поста, когда при богослужении ежедневно чита-
ется молитва св. Ефрема Сирина, иронично перефразируемая здесь Пушкиным. Пят-
надцать лет спустя, как бы рассказывая в своей юношеской шутке, Пушкин напишет
стихотворное переложение той же молитвы, исполненное глубокой веры (с.228).

<Из письма к А.И.Тургеневу>

В руке твои предаюся, Отче! Вы, который сблизилены с жителями Каменного острова, не можете ли вы меня вытребовать <...> с моего острова Пафмоса? Я привезу вам за то сочинение во вкусе Апокалипсиса и посвящу вам, Христоролюбивому пастырю поэтического нашего стада. /XIII, 29/

7 мая 1821

Евангелие от Луки, гл. 23:

И возглаголю гласом великим Иисус, рече: Отче, в руке Твои предаю дух Мой.

Лк. 23: 46

Каменный остров - место летнего отдыха Александра I.

Остров Пафмос (Патмос) - бесплодный остров в Эгейском море, куда был сослан ап. Иоанн Богослов и где им было записано Откровение (Апокалипсис). Пушкин сравнивает с Патмосом место своей ссылки - Кишинев. В дальнейшем Пушкин не раз обращался к такого рода сравнениям - см. с. 175.

Десятая заповедь

Добра чужого не желать
Ты, Боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих ты знаешь -
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На все спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! я слаб!
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти, -

О Боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству друга.
Кто сердцем мог повелевать?
Кто раб усилий бесполезных?
Как можно не любить любезных?
Как райских благ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгий долг умею чтить,
Страшусь желаньям сердца льстить,
Молчу... и втайне я страдаю. / II, 231 /

<1821>

Десять заповедей Божиих. (Исх. 20: 17)

Десятая заповедь: Не пожелай жены искреннего твоего, не пожелай дому ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего, елика суть ближнего твоего.

Принятая датировка “1821” может быть уточнена сопоставлением с датой следующего письма: июль 1821.

<Из письма к брату>

<...> Постарайся свидеться с Всеволожским <...> Скажи ему, что я люблю его, что он забыл меня, что я помню вечера его, любезность его, V.C.P. его, L.D. его, Овошникову его, Лампу его - и всё елико друга моего. /XIII, 31/

27 июля 1821

Иронически перефразируя текст десятой заповеди, Пушкин в том же лексико-синтаксическом ключе перечисляет как достояние Никиты Всеволожского известные марки вин (V.C.P., L.D.), петербургскую актрису Авдотью Овошникову и “Зеленую лампу”, заседания которой происходили в доме Всеволожского.

<Из стихотворения “Недавно я в часы свободы”>

Я думал: ветреный певец,
Не сотвори себе кумира,
Перебесилась наконец
Твоя проказливая лира,
< >

Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный Музою поэт <...> / II, 274 /

<1822>

Вторая заповедь:

Не сотвори себе кумира...

Исх. 20: 4

Речь идет об “Уставе наездника” Дениса Давыдова - знаменитого поэта-партизана, впервые обратившегося к прозе.

* * *

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.
Кругом простерлись по холмам
Вовек не рубленные роши,
Издавна почивают там
Угодника святые моши. /II, 261/

<1822>

Написано в Кишиневе спустя десять лет после отъезда Пушкина из Москвы. Стихотворение навеяно воспоминаниями о Саввино-Сторожевском монастыре в подмосковных местах детства Пушкина. Здесь покоились св. моши преподобного Саввы Сторожевского, житие которого Пушкин переписал в 1830 - см. ниже с. 184-185 (Листов, 1980, с. 166).

Из поэмы “Бахчисарайский Фонтан”

Сам хан боится девы пленной
Печальный возмущать покой;
Гарема в дальнем отделеньи
Позволено ей жить одной:
И, мнится, в том уединеньи

Сокрылся некто неземной.
Там день и ночь горит лампада
Пред ликом Девы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Там упование в тишине
С смиренной верой обитает,
И сердцу всё напоминает
О близкой, лучшей стороне;
Там дева слезы проливает
Вдали завистливых подруг;
И между тем, как всё вокруг
В безумной неге утопает,
Святыню строгую скрывает
Спасенный чудом уголок.
Так сердце, жертва заблуждений,
Среди порочных упоений
Хранит один святой залог,
Одно Божественное чувство...

.....

.....

<.

.>

Вошла, взирает с изумленьем...
И тайный страх в нее проник.
Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой Девы кроткий лик
И Крест, любви символ священный,
Грузинка! всё в душе твоей
Родное что-то пробудило,
Всё звуками забытых дней
Невнятно вдруг заговорило. /IV, 161-162, 164/
<1822-1823>

* * *

Вечерня отошла давно,
Но в кельях тихо и темно.
Уже и сам Игумен строгий
Свои молитвы прекратил
И кости ветхие склонил,

Перекрестясь, на одр убогий.
Кругом и сон и тишина,
Но Церкви дверь отворена;
Трепещет луч Лампады
И тускло озаряет он
И темну живопись Икон
И позлащенные Оклады.

И раздается в тишине
То тяжкий вздох, то шепот важный,
И мрачно дремлет в вышине
Старинный свод, глухой и влажный.

Стоят за клиросом чернец
И грешник - неподвижны оба -
И шепот их, как глас из гроба,
И грешник бледен, как мертвец.

М о н а х
Несчастный, - полно, перестань,
Ужасна исповедь злодея!
Заплачена тобою дань
Тому, кто, в злобе пламенея,
Лукаво грешника блюдет
И к вечной гибели ведет.
Смирись! опомнись! время, время,
Раскаянья покров
Я разрешу тебя. Грехов
Сложи мучительное бремя. /2, 154/

<Ноябрь 1823>

<Из письма к Н.И. Гнедичу>

*Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в
Светлое Воскресение выпускать на волю птичку? вот вам
стихи на это -*

<Птичка>

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
Зачем на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать! /XIII, 63/

13 мая 1823

<Из письма к А.И. Тургеневу>

<. . .> Я закалялся и написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа (Изъиде сеятель сеяти семена своя) /XIII, 79/:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя -
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды ...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич. /II, 302/

1 декабря 1823

<Черновая редакция письма:>

<...> На днях я закалялся - и смотря и на запад Европы и вокруг себя обратился к Эванг. источнику и произнес сию притчу в подражание басни Иисусовой. /XIII, 385/

Евангелие от Луки, гл.8:

Изыде сеяй сеяти семене своего: и егда сеяше, ово паде при пүти, и попроно высть: и птицы небесныя позобаша є. А другое паде на камени, и прозяб үсохше, зане не имяше влаги. И другое паде посреде терния, и возрасте терние, и подави є. Другое же паде на земли блазе, и прозяб, сотвори плод сторицею...

Лк.: 8: 5-8

В Большом /XVII, 113/ и Малом ПСС /2, 369/ ошибочно указано, что эпиграф стихотворения - "Изыде сеятель сеяти семена своя" - из Евангелия от Матфея, ср.: "Се изыде сеяй, да сеет" (Мф. 13: 3). Правильно источник пушкинского эпиграфа указал немецкий пушкинист Р.-Д. Кайль: *Keil*, 1980, с. 237-240.

1.

Недвижный страж дремал на царственном пороге,
Владыка севера один в своем чертоге
Безмолвно бодрствовал, и жребии земли
В увенчанной главе стесненные лежали,
Чредою выпадали
И миру тихую неволю в дар несли, -

2.

И делу своему Владыка сам дивился.
Се благо, думал он, и взор его носился
От Тибровых валов до Вислы и Невы,
От саркосельских лип до башен Гибралтара:
Всё молча ждет удара,
Всё пало - под ярем склонились все главы.

Книга Бытия, гл. 1:

В начале сотвори Бог небо и землю. Земля же бе невидима и неүстроена, и тма верхү бездны: и Дүх Божий ношашеся верхү воды... И виде Бог, яко добро...

Быт. 1: 1-2, 8

3.

“Свершилось! молвил он. Давно ль народы мира
Паденье славили Великого Кумира,
.....

4.

Давно ли ветхая Европа свирепела?
Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила Свобода,
И Самовластие лишь север укрывал?

5.

Давно ль - и где же вы, зиждители Свободы?
Ну что ж? витийствуйте, ищите прав Природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу -
Вот Кесарь - где же Брут? О грозные витии,
Целуйте жезл России
И вас поправшую железную стопу”.

Псалом 2 Давида:

Вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным?..
Господь поругается им... Аз же поставлен есмь Царь от Него
над Сионом... Господь рече ко Мне: ...Проси от Мене, и дам Ти
языки достояние Твое, и одержание Твое концы земли. Упасе-
ши я жезлом железным... И ныне... накажитесь вси судящии
земли... Примите наказание...

Пс. 2: 1, 6-10, 12.

Апокалипсис, гл. 19:

Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать
народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина
ярости и гнева Бога Вседержителя.

Откр. 19: 15

6.

Он рек, и некий дух повеял невидимо,
Повеял и затих, и вновь повеял мимо,
Владыку севера мгновенный хлад объял,
На царственный порог вперил, смутясь, он очи -
Раздался бой полночи -
И се внезапный гость в чертог Царя предстал.

7.

То был сей чудный муж, посланник Провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонилися Цари,
Мятежной Вольности наследник и убийца,
Сей холодный кровопийца,
Сей Царь, исчезнувший как сон, как тень зари.

Апокалипсис, гл. 6:

...Конь бледный, и на нем всадник, которому имя "смерть";
и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою час-
тью земли - умерщвлять мечом и голодом...

Откр. 6: 7-8

8.

Ни тучной праздности ленивые морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
Ни пламя бледное нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного героя,
Мучением покоя
В морях казненного по манию Царей. /П, 312/

< >

<1823-1824>

Книга Исход, гл. 15:

Поним Господеви, славно во прославися: коня и всадника ввер-
же в море...

Исх. 15: 1

Стихотворение насыщено образами Ветхого Завета и Апокалипсиса. Подроб-
нее о нем см.: [Моров], 1993. Исследователь видит в заключительных строках про-
рочество Пушкина о смерти Александра I, случившейся полтора года спустя: в обли-
ке Наполеона "Владыке севера" является четвертый всадник Апокалипсиса, имя ко-

тому Смерть. Близкий образ Наполеона - в “Апокалипсической песни” Пушкина 1830 и в X главе “Евгения Онегина” - см. с. 172, 175 ([Моров], 1993. С. 22-25). В той же работе высказывается мнение, что в начальных строфах Пушкин заклеил гордыню Александра I, мнящего себя Богом-Творцом.

Представляется, что символический образ “Владыки севера” сложнее: Пушкин наделяет его чертами апокалиптического Царя Царей, который, в свою очередь, восходит ко Второму псалму Давида, неоднократно цитируемому Пушкиным (ср. с. 10).

Некоторые мотивы стихотворения перекликаются с ранними лицейскими опытами Пушкина. Так, возглас “Свершилось!..”, казалось бы, совпадающий с русским переводом Апокалипсиса (Откр. 16: 17), скорее - автореминисценция, ср. лицейские стихотворения:

Свершилось!.. Русской Царь, достиг ты славной цели! (см. с. 91).

Свершилось... взорами Царей
Европы твердый мир основан... /I, 182/

(“Принцу Оранскому”, 1816).

<На графа Воронцова>

Певец-Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Кот<орый> <?> был<?> и генерал<?>.
И, побожусь<?>, не ниже <?> гр<афа>. /II, 318; XVII, 21/
<Май-июнь 1824 (?)>

Первая Книга Царств, гл. 17 повествует о том, как Давид-псалмопевец сразился с богатырем Филистимлянином Голиафом и победил его, несмотря на то, что Голиаф был “воин от юности своей” и значительно превосходил Давида ростом и силой.

<Из письма к брату>

*На каком основании начал свои действия дедушка Шинников?
<...> Шутки в сторону, ожидаю добра для литературы вообще и
пошлю ему лобзание не яко Иуда-Арзамасен, но яко Разбойник-
Романтик. Попытаюсь толкнуться ко вратам цензуры с первого
главой или песнью Онегина. Авось пролезем. /XIII, 98/*

13 июня 1824

Молитва св. Иоанна Златоустого перед святым причащением:

... Не во врагом Твоим тайну повею, ни лобзания Ти дам,
яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи,
во Царствии Твоем.

Молитвослов, 84.

А.С. Шишков, которого резко критиковали члены общества "Арзамас" (в том числе и Пушкин), был назначен Министром народного просвещения в 1824 г.

Ср. эпиграмму 1820 г. - с. 102.

* * *

Презрев и голос <?> укоризны,
И зовы сладостных надежд,
Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд //II, 349/

<1824>

Евангелие от Луки, гл. 10:

Если же придёте в какой город, и не примут вас, то, вышедши на улицу, скажите: И прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам...

Лк. 10: 10-11

<Из письма к А.А. Бестужеву>

Мужайся - дай ответ скорей, как говорит Бог Иова или Ломоносова. /XIII, 101/

29 июня 1824

Библейская **Книга Иова** вызвала особый интерес Пушкина, первым толчком к этому явилось чтение подражаний Ломоносова Книге Иова, о которых Пушкин упоминает неоднократно (XI, 33, 225-226 - см. с. 25 и 198).

<Из письма к кн. П.А. Вяземскому>

Посылаю тебе маленькое поминальице за упокой души раба Божия Байрона¹ - я было и целую панихиду затеял, да скучно писать про себя... /XIII, 111/

<8 или 10 октября 1824>

<Из письма к брату (о наводнении в Петербурге)>

Что это у вас? потоп! ничто проклятому Петербургу!
<...> *Что погрёба? признаюсь, и по них сердце болит. Не найдется ли между вами Ноя, для насаждения винограда? На святой Руси не штука ходить нагишом, а хамы смеются. Впрочем, это всё вздор. А вот важное: тётка умерла! Еду завтра в Святые горы и велю отпеть молебен или панихиду, смотря по тому, что дешевле <...> Прощай, душа моя, будь здоров и не напейся пьян, как тот - после своего потопы. АВ.*
/XIII, 122-123/

<Ноябрь 1824>

Книга Бытия, гл. 9:

И начат Ное человек делатель быти земли, и насадил виноград: и испил от вина, и упоился, и обнажися в дому своем. И виде Хам... наготу отца своего, и изшед вон поведа обома братью своимъ... Истрезвися же Ное от вина, и разуме елика сотвори ему сын его юнейший...

Быт. 9: 20-22, 24

* * *

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От п<етербургского> потопа
Спаслась Полярная Звезда¹.
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты²;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди и скоты³. /II, 386/

<1825>

¹ Альманах А.А. Бестужева и К.Ф. Рылеева. Тираж “Полярной звезды” на 1825 год пострадал 7 ноября 1824 от наводнения в Петербурге, но его отпечатали еще раз.

² Согласно **Кн. Бытия**, Ноев ковчег остановился “на горах Араратских” (Быт. 8: 4). Здесь “ковчег” Бестужева причалил к горе Парнас.

³ От вод потопа в ковчеге спаслись Ной и его семья, Господь повелел также взять с собой в ковчег определенное количество “от скотов чистых” и “от скотов нечистых” (Быт. 7: 1-2).

Помимо Пушкина и его друзей-соратников Жуковского, кн. Вяземского, Баратынского и др., в “Полярной звезде” публиковался Ф. Булгарин и подобные ему литераторы.

<Из писем к брату о Библии 1824>

Отправь с Михайлом <...> книги, о которых упоминаю в письме с сестрой. Библию, Библию! и французскую непременно¹. /XIII, 123/

<Ноябрь 1824>

Михайло привез мне всё благополучно, а Библии нет. Библия для христианина то же, что история для народа. Этой фразой (наоборот) начиналось прежде предисловие Истории Карамзина. При мне он ее и переменял². /XIII, 127/
4 декабря 1824

¹ Сохранился перечень книг, вложенный Пушкиным в одно из писем к брату, где указаны “Библии 2” /XIII, 131/: поэт просит прислать два издания Библии - церковнославянское и французское (последнее сохранилось в библиотеке Пушкина: Модзалевский, № 104). По свидетельству А.О.Смирновой, Пушкин предпочитал славянскую Библию, ибо “передавать этот удивительный текст пошлым современным языком - это кощунство даже относительно эстетики”.

² “История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству ...” (Н.М.Карамзин. История. Предисловие - I, с. IX).

Подражания
<Песни песней царя Соломона>

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаше мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень. /II, 442/

Песнь песней, гл. 1, 2, 5, 8:

Да лобжет мя от лобзаний уст твоих: яко блага сосца твоя
паче вина и воня мира твоего паче всех аромат. (1: 1-2)

Шуйца его под главою моею, и десница его обимет мя...
Брат мой мне, и аз ему, пасый в книнах, дондеже дхнет день,
и двинутся сени. (2: 6, 17)

...Чрево мое вострепета от него... уязвлена любовию аз
есмь... гортань его сладость, и весь желание... (5: 4, 8, 16)

...Крепка яко смерть любви, жестока яко ад ревность: крила
ея крила огня... Вода многа не может угасити любви... (8: 6-7)

* * *

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон, -
И закапят ароматы. /II, 441/

Песнь песней, гл. 4:

Вертоград заключен сестра моя невеста, вертоград заключен, источник запечатлен. Леторосли твоя сад шипков с плодом яблочным,.. нард и шафран, трость и киннамон,.. алой со всеми первыми мирами, источник вертограда, и кладязь воды живы и истекающая от Ливана. Востани, севере, и гряди, юже, и повей во вертограде моем, и да потекут ароматы мон.

Песн. 4: 12-16

Аквилон - заимствование из французского перевода Песни Песней (III, 16) (В.Г.Моров, устное сообщение). Ср. выше письмо к брату: в период работы над стихотворением Пушкин читал две Библии - славянскую и французскую.

В первом "подражании" Пушкин отступает от диалогического построения Песни песней, превращая диалог двух возлюбленных в монолог от лица лирического героя, которому передается и женская "партия" оригинала. В стихотворении "Вертоград моей сестры" Пушкин создает образное соответствие диалогу в Песне песней, противопоставляя женское и мужское начало в контрастных образах: запечатленный ключ - бегущие, шумящие живые воды: комментарий Л.М.Аринштейна к кн.: Пушкин. Избранное (рукопись).

В переложении Песни песней с ее богатейшей метафорикой Пушкин сохранил лексику славянской Библии: вертоград 'сад', запечатленный 'запечатанный' и даже те церковнославянизмы, которые сам он позже, критикуя Ломоносова, приводил как неуместные в русском языке:

"<...> Если <...> многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать *да лобжет мя лобзанием* вместо *целуй меня* etc." /XI, 226/.

Здесь: "Лобзай меня, твои лобзанья...". В данном случае славянизмы "счастливо", гармонично входят в ткань стихотворения.

Ср. запись Пушкина 1821 г. (с. 103).

<Из письма к А.Г. Родзянке>

Прости, украинский мудрец,
Наместник Феба и Приапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойней, чем иной венец;
Твой Рим - деревня; ты мой Папа,
Благослови ж меня, певец! /II, 360/

8 декабря 1824

В католической церкви официальный титул Римского Папы - "наместник Иисуса Христа".

<Из письма к кн. П.А. Вяземскому>

Хочешь еще эпиграмму?

Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах,

Бормочет нам растянутый псалом:

Поэт Фита, не становись Фертом!

Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!

*Не выдавай меня, милый; не показывай этого никому:
Фита бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удаляйся от
всякия скверны. /XIII, 136-137/*

25 января 1825

Эпиграмма на Федора Глинку, к духовной поэзии которого Пушкин относился с иронией, ср. ниже высказывание об “ухарском псалме” Глинки (с. 208).

Фита - первая буква имени Глинки, ижица - последняя буква алфавита.

<Из письма к брату>

*Слепой поп перевел Сираха (с.м.отр. Унвалид № ка-
кой-то), издает по подписке - подпишись на несколько экз.
/XIII, 147/*

<Конец февраля 1825>

Речь идет об о. Гаврииле Пакатском, духовном поэте. Его перу принадлежат переложения Библии - “Плач Иеремии”, “Псалтирь” и “Премудрость сына Сирахова” (о чем пишет Пушкин).

<Из писем в годовщину смерти Байрона>

<К кн. П.А. Вяземскому>

Нынче день смерти Байрона - я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожностью и вручил мне просвиру, вынутую за упокой раба Божия боярина Теодоргия. Отсылаю ее к тебе. /XIII, 160/

7 апреля 1825

<К брату, в тот же день>

Я заказал обедню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти). Анна Николаевна также, и в обеих церквях Григорского и Воронича происходили молебствия. Это немножко напоминает la Messe de Frédéric II pour le Repos de l'âme de Mr de Voltaire. <Мессу Фридриха II за упокой души Вольтера. (франц.)> /XIII, 162/

<Из письма к кн. П.А. Вяземскому>

Ты спрашиваешь, доволен ли я тем, что сказал ты обо мне в Телеграфе. Что за вопрос? <...> Но ты слишком бережешь меня в отношении к Муковскому. Я не следствие, а точно ученик его <...> К тому же смешно говорить об нем, как об отцветшем, тогда как слог его еще мужает. Былое сбывается опять, а я всё чаю в воскресении мертвых. /XIII, 183/

25 мая 1825

Символ веры, 11-12:

Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь.

<Из письма к В.А. Жуковскому>

Отче, в руке твои предаю дух мой¹ <...> Одна просьба, моя прелесть: нельзя ли мне доставить или жизнь Железного Колпана², или житие какого-нибудь юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного³ в Четьих Минеях - а мне бы очень нужно. /XIII, 211-212/

17 августа 1825

¹ **Евангелие от Луки**, 23: 46 - точная цитата из церковнославянского текста Евангелия, ср. выше с. 104.

² Св. Иоанн по прозванию Железный или Большой Колпак - Христа ради юродивый XVI в., предсказывал грядущие бедствия Смутного времени и “торжественно злословил” Бориса Годунова, который сносил все это молча, не смея возразить святому (Н.М.Карамзин. История, III, т. 10, с. 161-162).

³ Св. Василий Блаженный (1469-1557) - московский юродивый, мощи которого покоятся в носящем его имя соборе на Красной площади; был известен смелым обличением царя Иоанна Грозного.

<Из письма к кн. П.А. Вяземскому>

Не демонствуй, Асмодей¹: мысли твои об общем мнении, о суете гонения и страдальчества (положим) справедливы - но помилуй ... это моя религия; я уже не фанатик, но всё еще набожен. Не отнимай у схимника надежду рая и страх ада. <...> Благодарю от души Карамзина за Железный Колпан, что он мне присылает; в замену отослал ему по почте свой цветной, который полно мне таскать. В самом деле, не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее! <...> Благодарю тебя и за замечание Карамзина о характере Бориса². Оно мне очень пригодилося. Я смотрел на его с политической точки, не замечая поэтической его стороны; я его засажу за Евангелие, заставлю читать повесть об Уроде и тому подобное. /XIII, 226- 227/

13 сентября 1825

¹ Асмодей - арзамасское прозвище Вяземского.

² По словам Карамзина, Годунов “беспреданно перечитывал Библию и искал в ней оправдание себе” /XIII, 224/.

Из трагедии “БОРИС ГОДУНОВ” (1824 - 1825)

Молитвы в “БОРИСЕ ГОДУНОВЕ”

Трагедия Пушкина “Борис Годунов” - произведение исключительно многослойное. Мы приводим здесь только те ее части, которые напрямую связаны с “вечными истинами” христианства. Впервые в творчестве Пушкина они занимают столь значительное место: поступки исторических лиц оцениваются с позиций религиозной нравственности, суд истории оказывается Божиим Судом ...

Сквозной мотив пушкинской трагедии - это мотив молитвы.

В советском литературоведении обращение Пушкина к молитвам в “Борисе Годунове” принято относить за счет историзма - создания Пушкиным бытового колорита эпохи. На самом деле, как показывает внимательный анализ, молитвы здесь служат важнейшим средством нравственной характеристики событий и лиц, причем Пушкин заботился именно об этом, а не об исторической достоверности, отступая порой от несомненных исторических фактов.

Можно сказать, что параллельно действию сценическому в трагедии Пушкина совершается молитвенное действие. Молятся патриарх Иов и юродивый Николка; летописец Пимен рассказывает о своих долгих ночных молитвах и провидит молитвы “потомков православных” за царей - как неотъемлемую часть исторической памяти; думный дьяк призывает весь народ к соборному молению:

Молитесь - да възыдет к небесам

Усердная молитва православных. /VII, 11/

Но при всей насыщенности трагедии молитвами в ней есть один герой, за кого никто не молится и кто не молится сам.

Это Борис Годунов.

Из “Истории” Карамзина Пушкин прекрасно знал, что исторический Годунов очень заботился, чтобы о нем молились, и даже повелел сочинить специальную прославляющую его молитву. Карамзин, приводя ее текст в своей “Истории”, дает ей такую оценку: “... Святое действие души человеческой, ее таинственное сношение с Небом, Борис дерзнул осквернить своим тщеславием и лицемерием, заставив народ свидетельствовать пред Оком Всевидящим о добродетелях убийцы...!”.

В драматическом произведении подобные прямые авторские комментарии невозможны, но очевидно, что Пушкин разделял мнение Карамзина: он сделал поэтическое переложение годуновской молитвы, с изумительным драматургическим мастерством поместил ее в особый психологический контекст сцены “Москва. Дом Шуйского” и показал, что в действительности никто не молится за царя - ни Шуйский, приказавший мальчику читать молитву, ни его гости, причем через их отношение к этой молитве показано отношение значительной части боярства к Борису Годунову.

“Помолимся о нашем Государе”, - читает мальчик. Но присутствующие даже формально не повторяют слов молитвы: гости молча встают, а Шуйский провозглашает обычную здравицу, выпивая ковш со словами: “Да здравствует великий Государь!” /VII, 38/.

Эта линия продолжена в другой сцене, в знаменитом диалоге Годунова и юродивого: “Молись за меня, бедный Николка”. - “Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода...” /VII, 78/. Оказывается, и простой народ разделяет отношение бояр к Годунову, и вновь для характеристики этого отношения Пушкин обращается к молитве: юродивый отказывается молиться за царя, несмотря на смиренную его просьбу.

Согласно православной традиции, Пушкин видел в молитве мистическую вер-

тикаль, связующую человека с Богом. Борис Годунов у Пушкина лишен этой связующей нити, отрезан от вертикали. *Народ безмолвствует*, отказывая Борису в молитвенной помощи.

Более того: на протяжении пьесы ни разу не молится Богу сам Борис. Не молится даже в тех случаях, когда молитва кажется обязательной, например, в момент принятия им царской власти. Пушкин сознательно пожертвовал здесь историческим фактом, описанным Карамзиным: “Тогда Борис как бы в сокрушении духа воскликнул: «Буди же святая воля Твоя, Господи! Настави меня на путь правый, и не вниди в суд с рабом Твоим!»”.

В черновой редакции сцены “Кремлевские палаты” после обращения Бориса к умершему предшественнику царю Феодору следовали стихи: “Вонми Господь моление царя”, “Услышь, Господь, царя ...” /VII, 278/, однако из окончательного текста Пушкин их исключил, не оставив даже намека на молитву Годунова - после обращения к Феодору Борис взывает не к Богу, а ... к боярам:

От вас я жду содействия, бояре.

Служите мне, как вы ему служили ... /VII, 15/

Эта сцена в трагедии Пушкина выглядит неправдоподобно: невозможно представить, что в таких условиях вновь избранный Царь не обратился бы с молитвой к Богу. Однако Пушкину, как видим, важнее всего было выдержать линию отлучения Бориса Годунова от молитв.

В том же направлении менялся первоначальный замысел трагедии в целом. Сохранившийся план называет сцены, показывающие Бориса с разных сторон - в монастыре, в семействе, в совете, в беседе с колдунами. Большинство задуманных Пушкиным сцен вошли в текст трагедии. За исключением одной - первой сцены плана после бегства Отрепьева: “Годунов в монастыре. Его раскаянье...” Она не просто исключена Пушкиным, но ее место занял иной, противоположный замысел, знаменующий собой один из наиболее подчеркнутых показателей отпадения Годунова от Бога.

Годунову противостоят богомольный царь Феодор и жестокосердый Иоанн Грозный.

Летописец Пимен вспоминает, что благочестивый Феодор “царские чертоги // Преобратил в молитвенную келью”. А его грозный отец Иоанн, оказывается, приходил с покаянием с монастырь:

Он говорил Игумену и братье:

“Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающим спасенья.

< >

Прииду к вам, преступник окаянный.
И схиму здесь честную восприму ...”

< >

Так говорил державный Государь,
И сладко речь из уст его лилася -
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет Господь любовь и мир

Его душе страдающей и бурной. /VII, 20-21/

Годунов не кается в монастыре, не молится дома - вместо этого он проводит время в беседах с колдунами... Знаменательно, что первоначальная идея привести в монастырь Бориса сменилась идеей поместить в монастырь Иоанна Грозного: получается, что даже грозный царь, на совести которого много крови, находит силы для раскаянья и оказывается ближе к Богу, чем узурпатор власти, убийца царевича Дмитрия - Борис. Годунову же нет места ни в монастыре, ни в молитвах иноков.

В.Котельников справедливо отмечает “закрытость” для Бориса “путей к Богу”. Главным показателем этой закрытости является именно молитвенное действие, то

есть в данном случае - бездействие. С особой силой подчеркнуто это в сцене кончины Годунова.

В свой смертный час Борис впервые обращается к Богу. Но с чем? - Не с молитвой, не с покаянием. Он словно оправдывается перед Господом:

... о Боже, Боже!

Сей час явлюсь перед Тобой - и душу

Мне некогда очистить покаяньем. - /VII, 89/

Даже на пороге смерти Борис продолжает вращаться в горизонтальной плоскости, все его мысли - о земном. Вместо покаяния следуют политические наставления сыну, а затем, уже перед самой кончиной, Годунов молит не Бога, а своих приближенных, бояр, и только у них просит прощения грехов (курсив мой - И.Ю.):

Целуйте крест Феодору ... Басманов,

Друзья мои ... при гробе вас молю

Ему служить усердием и правдой!

< >

Простите ж мне соблазны и грехи

И вольные и тайные обиды..... /VII, 91/

После этого Борис считает себя вполне готовым принять "святое пострижение"!

Таким образом, Пушкин отказывает Годунову в возможности покаянной молитвы перед кончиной. Как известно, в православной традиции предсмертной молитве грешника придавалось огромное значение. Опираясь на эту традицию, отраженную и в фольклоре, в "Песнях западных славян" Пушкин позже дал символическую картину силы предсмертного покаяния ("Янко Марнавич"). Молитвы умирающего Янко совершают чудо - к его дому подходит церковь Спаса в чудесном сиянии, то есть покаянная молитва дает свет даже грешнику-братоубийце, приближая его в смертный час к Богу. Совсем иначе рисует Пушкин сцену кончины Бориса Годунова (грешника некаящегося и немолящегося), которого на пороге смерти встречает не Церковь и не Свет, но "темный гроб" и "могильный хлад". В этой сцене физически ощущается пропасть, в которую погружена душа "царя Ирода", закрытая для общения с Небом.

Так через молитву в трагедии вершится суд над несправедливым царем. Именно опора на молитву позволила Пушкина подняться над субъективными оценками до уровня высшей "ценностной иерархии", установленной не авторской волей, но "правдой вечной", которая, по убеждению Патриарха, "всех озарит", и которая интуитивно ощущается "мнением народным". Люди не просто не хотят молиться за Бориса, это их нравственный императив: молиться за царя Ирода нельзя - "Богородица не велит".

Характерно, что в процессе работы Пушкин усилил императивность этих ключевых слов юридического. В первоначальном варианте они звучали более мягко: "Не надо молиться за царя Ирода..." (VII, 298). В окончательном тексте трагедии: "Нельзя молиться за царя Ирода - Богородица не велит".

В эпоху изучения "Бориса Годунова" в духе историзма весь молитвенный пласт трагедии был выключен из анализа и, похоже, исследователи его просто не замечали. Между тем современники Пушкина обращали внимание именно на эту, забытую в наши дни сторону произведения. Молитвы в трагедии Пушкина обладали огромной силой воздействия на слушателей:

"Сцена летописателя с Григорием просто всех ошеломила. Что было со мною, я и рассказать не могу... А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков: "Да ниспошлет Господь покой его душе, страдающей и бурной", - мы все просто как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Один вдруг вскочит с места, другой вскрикнет. У кого на глазах слезы, у кого улыбка на губах..." (курсив мой - И.Ю.).

Такое свидетельство оставил нам М.П. Погодин, которому довелось присутствовать при первом авторском чтении "Бориса Годунова" в Москве в 1826 г.

<План трагедии>

Годунов в монастыре. Толки князей - вести - площадь, весть о избрании. [Годунов. Юродивый] - Летописец. Отрепьев - бегство Отрепьева.

Годунов в монастыре. Его раскаянье - монахи беглецы. Годунов в семействе. –

Годунов в совете. Толки на площади. - Вести об изменах, смерть Ирины. - Годунов и колдуны. <...> / VII, 289/

**Сцена “Ночь.Келья в Чудовом монастыре”
(1603 года.)**

Отец Пимен, Григорий спящий.

П и м е н (*пишет перед лампадой*).

Еще одно, последнее сказанье -
И Летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь Монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду -
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих Царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро -
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною -
Давно ль оно несло событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погребло безвозвратно.....
Но близок день, лампада догорает -
Еще одно последнее сказанье. (*Пишет.*)

Г р и г о р и й (*пробуждается*).

Всё тот же сон! возможно ль? в третий раз!
Проклятый сон!... А всё перед лампадой
Старик сидит, да пишет - и дремотой
Знать во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет; и часто
Я угадать хотел, о чем он пишет?
О темном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли Новгородском Вече?
О славе ли отечества? напрасно.
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Всё тот же вид смиренный, величавый.
Так точно Дьяк в Приказах поседелый
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

П и м е н.

Проснулся, брат.

Г р и г о р и й.

Благослови меня,
Честный отец.

П и м е н.

Благослови Господь
Тебя и днесь и присно и во веки.

Г р и г о р и й.

Ты всё писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,

И стыдно мне и страшно становилось -
И, падая стремглав, я пробуждался....
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

П и м е н.

Младая кровь играет;
Смирять себя молитвой и постом,
И сны твои видений легких будут
Исполнены. Доныне - если я,
Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи -
Мой старый сон не тих и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

Г р и г о р и й.

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел Двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я, от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за Царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

П и м е н.

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе Всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь Господь меня привел.
Подумай, сын, ты о Царях великих.

Кто выше их? Единый Бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился:
Они его меняли на кlobук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь Игуменом смиренным.
Я видел здесь - вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил Бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я Царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил Игумену и братьи:
"Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья.
Ты Никодим, ты Сергей, ты Кирилл,
Вы все - обет примите мой духовный:
Прииду к вам преступник окаянный
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой Отец, припадши".
Так говорил державный Государь,
И сладко речь из уст его лилася -
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет Господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он воздыхал о мирном житие
Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение Царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась - а в час его кончины
Свершилось неслыханное чудо;
К его одру, Царю едину зримый,

Явился Муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим Патриархом.
И все кругом объаты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святой Владыка пред Царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем
И лик его как солнце просиял -
Уж не видать такого нам Царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Г р и г о р и й.

Давно, честный отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия Царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

П и м е н.

Ох, помню!
Привел меня Бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье,
Пришел я в ночь. Наутро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор Царицы. Я
Спешу туда ж - а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный Царевич;
Царица мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаяньи рыдает,
А тут народ остервенясь волочит
Безбожную предательницу-мамку.....
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Битяговский.
“Вот, вот злодей!” раздался общий вопль,
И вмиг его на стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили

И привели пред теплый труп младенца,
И чудо - вдруг мертвец затрепетал -
“Покайтесь!” народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись - и назвали Бориса.

Г р и г о р и й.

Каких был лет Царевич убиенный?

П и м е н.

Да лет семи; ему бы ныне было -
(Тому прошло уж десять лет... нет больше:
Двенадцать лет) - он был бы твой ровесник
И царствовал; но Бог судил иное.
Сей повестью плачевной заключу
Я летопись мою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы
Свободные от подвигов духовных
Описывай не мудрствуя лукаво
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу Государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны -
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду.... Но звонят
К заутрене... благослови, Господь,
Своих рабов!... подай костыль, Григорий.

(Уходит.)

Г р и г о р и й.

Борис, Борис! всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца -
А между тем отшельник в темной кельи
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда. /VII, 17-23/

Сцена “Царские палаты”

Два стольника.

П е р в ы й.

Где Государь?

В т о р о й.

В своей опочивальне
Он заперся с каким-то колдуном.

П е р в ы й.

Так, вот его любимая беседа:
Кудесники, гадатели, колдуны. -
Всё ворожит, что красная невеста.
Желал бы знать, о чем гадают он?

В т о р о й.

Вот он идет. Угодно ли спросить?

П е р в ы й.

Как он угрюм!

(Уходят.)

Ц а р ь (входит).

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы с молодю влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж охладев, скучаем и томимся?...
Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной -
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.

Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать -
Но отложил пустое попечение:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умеют только мертвых -
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы -
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж ее любви.
В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком -
Как буря, смерть уносит жениха.....
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства -
Меня, меня, несчастного отца!....
Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру Царицу -
Монахиню смиренную.... всё я!
Ах! Чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветкою - -
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось;
Тогда - беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах.....
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста. /VII, 25-27/

Начало сцены “Москва. Дом Шуйского”

Шуйский. Множество гостей. Ужин.

Ш у й с к и й.

Вина еще.

(Встает, за ним и все).

Ну, гости дорогие,
Последний ковш! Читай молитву, мальчик.

М а л ь ч и к.

Царю Небес, везде и присно Суший,
Своих рабов молению внемли:
Помолимся о нашем Государе,
Об избранном Тобой, благочестивом
Всех Христиан Царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Подай ему победу на враги,
Да славится он от моря до моря.
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной - а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив и долготерпелив,
Да мудрости его неистошимой
Проистекут источники на нас;
И, царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся Тебе, Царю Небес.

Ш у й с к и й

(пьет).

Да здравствует Великий Государь!
Простите же вы, гости дорогие... /VII, 37-38/
< >

**Н.М.Карамзин “История государства Российского”
(т. XI, гл. II):**

«... Убегая людей - как бы для того, чтобы лицом Монарха не напомнить им лицо бывшего раба Иоаннова - он <Годунов> хотел невидимо присутствовать в их жилищах или в мыслях, и не довольный обыкновенною молитвою в храмах о Государе и Государстве, велел искусным книжникам составить особенную для чтения во всей России, во всех домах, на трапезах и вечерах, за чашами, о душевном спасении и телесном здравии “Слуги Божия, Царя Всевышним избранного и превознесенного, Самодержца всей Восточной страны и Северной; о Царице и детях их; о благоденствии и тишине отечества и Церкви под скиптром единого Христианского Венценосца в мире, чтобы все иные Властители пред ним уклонялись и рабски служили ему, величая имя его от моря до моря и до конца вселенная; чтобы Россияне всегда с умилением славили Бога за такого Монарха, коего ум есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпения; чтобы все земли трепетали меча нашего, а земля Русская непрестанно высилась и расширялась; чтобы юные, цветущие ветви Борисова дома возрастали благословением Небесным и непрерывно осенили оную до скончания веков”!»

(Карамзин. История. III, т. 11, с. 56-57)

Из сцены “Царская дума”

<.

.>

П а т р и а р х.

Благословен Всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий Государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь - да пройдет заблужденье:
Оно пройдет, и солнце правды вечной
Всех озарит.

Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.

Бесовский сын, расстрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он именем Царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился:
Но стоит лишь ее раздрать - и сам
Он наготой своею посрамится.

Сам Бог на то нам средство посылает:
Знай, Государь; тому прошло шесть лет -
В тот самый год, когда тебя Господь
Благословил на Царскую державу -

В вечерний час ко мне пришел однажды
Простой пастух, уже маститый старец,
И чудную поведал он мне тайну.

“В молодых летах, сказал он, я ослеп
И с той поры не знал ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился
И зелием и тайным нашептанием;
Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим Чудотворцам;
Напрасно я из кладязей святых
Кропил водой целебной темны очи;
Не посылал Господь мне исцеленья.
Вот наконец утратил я надежду,
И к тьме своей привык, и даже сны
Мне виданных вещей уж не являли,
А снилися мне только звуки. Раз
В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говорит: встань, дедушка, поди
Ты в Углич-град, в Собор Преображенья;
Там помолись ты над моей могилкой,
Бог милостлив - и я тебя прощу.
- Но кто же ты? спросил я детский голос.
- Царевич я Димитрий. Царь небесный
Приял меня в лик Ангелов своих
И я теперь великий Чудотворец! -
Иди старик. - Проснулся я и думал:
Что ж? может быть и в самом деле Бог
Мне позднее дарует исцеленье.
Пойду - и в путь отправился далекий.
Вот Углича достиг я, прихожу
В святой Собор, и слушаю обедню
И разгорясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия. И мальчик
Повел меня - и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И Божий свет, и внука, и могилку”.
Вот, Государь, что мне поведал старец.

*(Общее смущение. В продолжение сей речи
Борис несколько раз оттирает лицо платком.)*

Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдалцы
Спасение подобно обретали
У гробовой Царевича доски.

Вот мой совет: во Кремль святые мощи
Перенести, поставить их в Соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.

(Молчание.)

Князь Шуйский.

Святой Отец, кто ведает пути
Всевышнего? Не мне Его судить.
Нетленный сон и силу чудотворства
Он может дать младенческим останкам,
Но надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;
А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;
Но есть на то иные средства - проще. -
Так, Государь - когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу.

Царь.

Да будет так! Владыко Патриарх,
Прошу тебя пожаловать в палату:
Сегодня мне нужна твоя беседа.

(Уходит. За ним и все бояре.)

Один боярин (тихо другому).

Заметил ты, как Государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал?

Другой.

Я - признаюсь - не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только шевельнуться.

Первый боярин.

А выручил князь Шуйский. Молодец! - /VII, 69-72/

Сцена “Площадь перед собором в Москве”

Народ.

Один.

Скоро ли Царь выйдет из Собора?

Другой.

Обедня кончилась; теперь идет молебствие.

Первый.

Что? уж проклинали того?

Другой.

Я стоял на паперти и слышал, как диакон завопил: Гришка Отрепьев - Анафема!

Первый.

Пускай себе проклинаят; Царевичу дела нет до Отрепьева.

Другой.

А Царевичу поют теперь вечную память.

Первый.

Вечную память живому! Вот уж им будет, безбожникам.

Т р е т и й.

Чу! шум. Не Царь ли?

Ч е т в е р т ы й.

Нет; это Юродивый.

*(Входит Юродивый в железной шапке,
обвешенный веригами, окруженный мальчишками.)*

М а л ь ч и ш к и.

Николка, Николка - железный колпак!.. тр р р р р.....

С т а р у х а.

Отвяжитесь, бесенята, от блаженного. - Помолись, Николка, за меня грешную.

Ю р о д и в ы й.

Дай, дай, дай копеечку.

С т а р у х а.

Вот тебе копеечка; помяни же меня.

Ю р о д и в ы й *(садится на землю и поет).*

Месяц светит,
Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

(Мальчишки окружают его снова.)

О д и н и з н и х.

Здравствуй, Николка; что же ты шапки не снимаешь? *(Щелкает его по железной шапке.)* Эх она звонит!

Ю р о д и в ы й.

А у меня копеечка есть.

М а л ь ч и ш к а.

Неправда! ну покажи.

(Вырывает копеечку и убегает.)

Ю р о д и в ы й *(плачет)*.

Взяли мою копеечку; обижают Николку!

Н а р о д.

Царь, Царь идет.

(Царь выходит из Собора.

Боярин впереди раздает нищим милостыню. Бояре.)

Ю р о д и в ы й.

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Ц а р ь.

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Ю р о д и в ы й.

Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького Царевича.

Б о я р е.

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

Ц а р ь.

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.

(Уходит.)

Ю р о д и в ы й *(ему вслед)*.

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода - Богородица не велит.
/VII, 76-78/

<Из письма к П.А. Плетневу>

Душа! я пророк, ей-Богу пророк! Я "Андрея Шенье" велю напечатать церковными буквами во имя Отца и Сына etc. - выписывайте меня, красавицы мои, а не то не я прочту вам трагедию свою. Кстати: Борька также вывел Юродивого в своем романе. И он байроничает, описывает самого себя! - мой Юродивый, впрочем, гораздо милее Борьки - увидишь. Вот тебе письма к двум еще Юродивым. /XIII, 249/

4-6 декабря 1825

Начальная молитва:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Молитвослов, 3

Написано после получения известия о смерти Александра I.

Борька - Б.М. Федоров, автор романа "Князь Курбский".

Два Юродивых - В.К. Кюхельбекер и А.Ф. Воейков; ср. упоминание "всех святых", т.е. Карамзина, Тургенева и Жуковского, в письме Пушкина к брату от ноября 1824 /XIII, 118/.

<Из письма к барону А.А. Дельвигу>

Мой друг барон, я на тебя не дулся и долгое твое молчание великодушно извинял твоим Тименеем:

Jo huten Hutenae io,

Jo huten Hutenae!

т.е. черт подери вашу свадьбу, свадьбу вашу черт подери. Когда друзья мои женятся, им смех, а мне горе; но так и быть: апостол Павел говорит в одном из своих посланий, что лучше взять себе жену, чем идти в геенну и во огонь вечный, - обнимаю и поздравляю тебя - рекомендую меня баронессе Деловиг. /XIII, 262/

20 февраля 1826

Первое послание к Коринфянам св. апостола Павла, гл. 7:

А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену... Если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.

1 Кор. 7: 1-2, 9

<Из письма к П.А. Плетневу>

Карамзин болен! - милый мой, это хуже многого - ради Бога успокой меня, не то мне страшно вдвое будет распечатывать газеты. Гнедич не умрет прежде совершения Илиады - или реку в сердце своем: несть Фед. Ты знаешь, что я пророк. /XIII, 264/

3 марта 1826

13 Псалом Давида:

Рече безумен в сердце своем: несть Бог.

Пс. 13: 1

Известие о смерти Н.М.Карамзина Пушкин получил в конце мая 1826. Н.И. Гнедич (о болезни которого также сообщал Плетнев Пушкину) прожил еще восемь лет и, действительно, успел завершить перевод “Илиады”.

<На именины Анны Вульф>

Хотя стишки на именины
Натали, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть;
Но я, ваш обожатель верный,
Я в знак послушности примерной
Готов и ими вам служить.
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему

Вас окрестили *благодатью!*
Нет, нет, по мненью моему,
И ваша речь, и взор унылый,
И ножка (смею вам сказать) -
Всё это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать. /II, 446/

<3 февраля 1825 (?)>

Ср. дарственную надпись Пушкина 3 февраля 1826 на книге его "Стихотворений": "Дорогой Имяниннице Анне Николаевне Вульф..." /РП, 711/. 3 февраля - день св. пророчицы Анны; библейское имя Анна означает 'благодать'.

<Из письма к А.Н. Вульфу>

<...> Что делает Вавилонская блудница Анна Петровна? Говорят, что Болтин очень счастливо метал против почтенного Ермолая Федоровича. /XIII, 275/

7 мая 1826

Апокалипсис, гл. 18:

После сего я увидел много Ангела... И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, ...ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные любодействовали с нею...

Откр. 18: 1-3

Речь идет об Анне Керн и ее муже Ермолае Керне.

<Из письма к кн. П.А. Вяземскому>

Судьба не перестает с тобою проказить. Не сердись на нее, не ведает бо, что творит. /XIII, 278/

<Май 1826>

Евангелие от Луки, гл. 23:

Отче, отпусти им: не ведают бо что творят.

Лк. 23: 34

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, –
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
“Восстань, Пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей”. /III, 30-31/
8 сентября 1826 /2, 384/

Божественная литургия, прокимны и аллилуарии будничные:

Слыши,.. и виждь, и приклони ухо Твое... / Пс. 44 : 11 /

**Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенная
глаголы их /Пс. 18:5 /.**

Литургия, 38

Молитва ко Пресвятой Троице:

...И ныне просвети мои очи мысленныя, отверзи моя уста
поучатися словесем Твоим, и разумети заповеди Твоя, и тво-
рити волю Твою...

Молитвослов, 5.

Книга пророка Исаян, гл. 6:

В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на пре-
столе высоком и превознесенном... Вокруг Него стояли Герафи-
мы; у каждого из них по шести крыл... И сказал я: горе мне!
погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа
также с нечистыми устами, - и глаза мои видели Царя, Господа
Ваваофа. Тогда прилетел ко мне один из Герафимов, и в руке у
него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и
коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и без-
законие твое удалено от тебя, и грех твой очищен.

И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать?...
И я сказал: вот я, пошли меня.

Ис. 6: 1-8 []

Книга пророка Иеремии, гл. 1, 20:

И бысть слово Господне ко мне... пророка во языки поста-
вих тя... И простре Господь руку свою ко мне и прикоснулся
устом моим, и рече Господь ко мне: се, дах словеса Моя во уста
твоя; се, поставих тя днесь над языки и над царствами... И вос-
тани и глаголи к ним вся, елика заповедаю тебе...

И бысть в сердца моем яко огонь горящ, палящ в костех
моих...

Иер. 1: 4, 8-9, 17; 20: 9

Книга пророка Иезекииля, гл. 36:

И бысть слово Господне ко мне... И возму вы от язык и соберу
вы от всех земель, и введу вы в землю вашу, и воскроплю на вы
воду чисту, и очиститесь от всех нечистот ваших и от всех куми-
ров ваших, и очищу вас. И дам вам сердце ново и дух нов дам вам,
и отъиму сердце каменное от плоти вашея и дам вам сердце плоти-
но, и дух мой дам в вас: и сотворю, да в заповедех Моих ходи-
те... во оньже день очищу вы от всех беззаконий ваших...

Иез. 36: 16, 24-27, 33

Традиционно главным источником стихотворения “Пророк” считается 6-я глава **Кн. Исаяи**. Однако внимательное прочтение стихотворения позволяет утверждать, что не в меньшей степени оно соотносится с текстами других пророческих книг Библии, а также с псалмами Давида.

К **Книге Иеремии** восходят образы трепетного сердца, лукавого языка, огненного глагола, которым пророку заповедано жечь сердца людей (“Я сделаю слова Мои в устах твоих огнем, а этот народ - дровами, и этот огонь пожрет их” - Иер. 5: 14). В Книге Иеремии отмечен и определенный день начала пророчества (1: 10), что также важно для понимания стихотворения, под которым стоит дата 8 сентября 1826 - это день судьбоносной для Пушкина встречи с Императором Николаем, когда поэт был призван к новой жизни, а его мысль и перо стали свободны (см. об этом подробно: Л.М. Аринштейн, 1997, с. 339-342).

В воспоминаниях А.О. Смирновой приводятся слова Пушкина об истории создания “Пророка”, где названа **Книга Иезекииля**:

“Я как-то ездил в монастырь Святые Горы - чтобы отслужить панихиду по Петре Великом... На столе лежала открытая Библия и я взглянул на страницу - это был Иезекииль. Я прочел отрывок, который перефразировал в “Пророке”. Он меня внезапно поразил, он меня преследовал несколько дней, и раз ночью я встал и написал стихотворение”.

Независимо от подлинности этих записок, текст 36 главы Кн. Иезекииля был хорошо известен Пушкину: он читается на Богослужении в неделю Пятидесятницы (как раз в это время, согласно донесениям А.К. Бошняка, Пушкин посещал Святогорский монастырь).

Книге пророка Иезекииля особенно близок ритмический строй пушкинского стихотворения, который создают повторы союза “И” в начале каждого стиха.

<Из письма к кн. П.А. Вяземскому>

Няня моя умиротворительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву о умирении сердца владыки и утешении духа его свирепости, молитвы вероятно сочиненной при Царе Иване. Теперь у ней поны дерзнут молебны и мешают мне заниматься делом. /XIII, 304/

9 ноября 1826

Очевидно, Арина Родионовна выучила молитву во время отсутствия Пушкина в Михайловском: няня очень беспокоилась за его судьбу, когда он был неожиданно вызван в Москву Императором Николаем. По возвращении в Михайловское “делом” Пушкина стало составление для Николая I “Записки о народном воспитании”, где Пушкин упоминал о сосланных декабристах “с надеждою на милость Монарха, не ограниченного никакими законами” /XI, 312/ - это очень созвучно молитве Арины Родионовны “о умирении сердца владыки”.

<И.И. Пущину>

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю Святое Провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней! /III, 39/

13 декабря 1826

Н.В. Гоголь писал о Пушкине: "Как он весь оживлялся и вспыхивал, когда шло дело к тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника или подать руку падшему! Как выжидал он первой минуты царского благоволения к нему, чтобы заикнуться не о себе, а о другом несчастном... Черта истинно русская, .. не желанье оправдать его или вырвать из рук правосудия, но воздвигнуть упавший дух его, утешить, как брат утешает брата, как повелел Христос нам утешать друг друга" (Гоголь, с. 88).

Ср. следующее стихотворение.

19 октября 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!
Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли! /III, 80/

Литургия св. Василия Великого, IX (Диптих):

Помяни, Господи, иже в пүстынях, и горах, и вертепех, и пропастях земных.

...Плавающим сплавай, пүтешествүющим сшествүй ...На сүдище, и в горьких работах, и всякой скорби, и нүжде, и обсто-
янии сүщих помяни, Боже.

<Эпитафия младенцу кн. Н.С. Волконскому>

В сиянии, в радостном покое,
У трона Вечного Творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца. /III, 95; XVII, 25/
<Февраль - март 1829>

Ср. предыдущие два стихотворения. Свои молитвы за сосланных декабристов Пушкин усиливает молитвой ангельской, от лица усопшего младенца. Николай Волконский умер в возрасте двух лет, после отъезда его матери кн. М.Н. Волконской в Сибирь к осужденному мужу-декабристу.

Ангел

В дверях Эдема Ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А Демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.
Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

“Прости, он рек, тебя я видел,
И ты не даром мне сиял:
Не всё я в мире ненавидел,
Не всё я в мире презирал”. /III, 59/

<1827>

**Из главы “Обед у русского боярина”
романа <“Арап Петра Великого”>**

Марья Ильинична сидела как на иголках <...> наконец она не вытерпела и, обратясь к мужу, спросила его с кисленькой улыбкою, что находит он дурного в ассамблеях?

- А то в них дурно, - отвечал разгоряченный супруг, - что с тех пор, как они завелись, мужья не сладят с женами. Жены позабыли слово апостольское: жена да убоится своего мужа; хлопочут не о хозяйстве, а об обновах; не думают, как бы мужу угодить <...> /VIII, 21/ <1827>

Послание к Ефесянам св. апостола Павла:

Жена да боится своего мужа.

Еф. 5: 33

Первое соборное послание св. апостола Петра:

Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям... Да будет украшением вашим... не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек...

1 Пет. 3: 1-4

**Акафист
Екатерине Николаевне Карамзиной**

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный Провиденьем
Святой Владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.
Так посвящаю с умилением
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине Небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес. /III, 64; РП, 645-646/
24 ноября 1827

Акафист - наименование особенных хвалебных песнопений в честь Спасителя, Божией Матери и святых (Богосл. сл., I, 85).

**<Дарственная надпись Е.Н. Вульф на книге:
“Евгений Онегин”, главы IV и V>**

Евпраксии Николаевне Вульф
от Автора

Твоя от твоих

22 февр.<ая> 1828 /РП, 713/

Литургия св. Иоанна Златоустого:

Твоя от твоих Тебе приносяще, о всех и за вся.

Литургия, 46

Подобную дарственную надпись “Твоя от твоих!” /РП, 725/ Пушкин сделал
В.И. Далю в 1833 на рукописи сказки “О рыбаке и рыбке”.

<Из “Письма к издателю «Московского вестника»”>

Вы читали в 1 кн. Московского Вестника отрывок из “Бориса Годунова”, сцену летописца. Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие [можно сказать] набожное к власти Царя, данной им Богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия - дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная летопись князя Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков. /XI, 68/

<1828>

**<Из стихотворения
“Кто знает край, где небо блещет”>**

— — — — —
— — — — —
Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений,
<Людмила> зрит твой древний рай,

Твои пророческие сени.
< >
Мечты возвышенной полна,
В молчаньи смотрит ли она
На образ нежный Форнарины,
Или Мадоны молодой,
Она задумчивой красой
Очаровательней картины ...
Скажите мне: какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, Харитою венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?
Забудь еврейку молодую,
Младенца-Бога колыбель,
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках. /III, 96-98/

<1828>

Ср. сонет "Мадона" (с. 167).

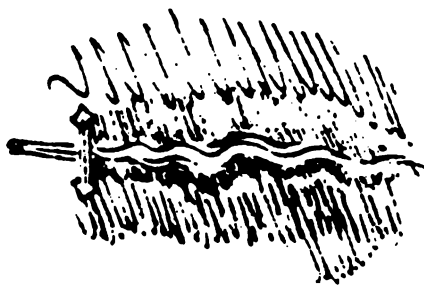
Воспоминание

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю. /III, 102/

<Окончание стихотворения в рукописи>:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу <моему> наносит холодный свет
[Неотразимые обиды].
Я слышу <вкруг меня> жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шепот зависти, и легкой суеты
Укор веселый и кровавый.
И нет отрады мне – и тихо предо мной
Встают два призрака молодые,
Две тени милые – два данные судьбой
Мне Ангела во дни былые;
Но оба с крыльями и с пламенным мечом.
И стерегут – и мстят мне оба –
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба. /III, 651; 3, 417/
19 мая 1828

Книга пророка Иезекииля, гл. 36:

И помянете пути своя злыя и начинания ваша не благая, и вознегодуете пред лицом их о беззаконных ваших и о мерзостях ваших.

Иез. 36: 31

Книга Иова, гл. 14:

Воззвал бы Ты, и я дал бы Тебе ответ, и Ты явил бы благоволение творению рук Твоих; ибо тогда Ты исчислял бы шаги мои и не подстерегал бы греха моего; в свитке было бы запечатано беззаконие мое, и Ты закрыл бы вину мою.

Иов. 14: 15-17 []

Ангел с пламенным мечом - Херувим, сторожащий древо жизни: после изгнания Адама из Рая Господь приставил "Херувима, и пламенное оружие обращающее, хранить путь древа жизни" (Быт. 3: 14).

На день рождения

(26 мая 1828)

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?...

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум. /III, 104/

Книга Иова, гл. 3:

**Посем отверзе Иов уста своя, и прокля день свой, глаголя:
да погибнет день, в оньже родихся, и ночь она... и да примет**

ю тма и сень смертная, да придет на ню сѹмрак: проклят бѹди
день той... Почто бо дан есть сѹщим в горести свет и сѹщим в
болезнѣх дѹшам живот... Прежде бо брашен моух въздыхание
ми приходит, слезю же аз одержим страхом, страх бо, е҃гоже
ѹжасахся, прииди ми,... ни ѹмирихся, ниже ѹмолчах, ниже почих,
и найде ми гнев.

Иов. 3: 1-3, 5, 20, 24-26.

Связь стихотворения с Кн. Иова установил Д.Д. Благой (1974, с. 175-179).
Публикация стихотворения в 1830 вызвала обмен поэтическими посланиями между
митр. Филаретом и Пушкиным - см. с. 164 и 165.

<Запись цитаты из Кн. Иова>

Послушайте глагол моих.

Иов. Гл. П /РП, 506/

<1828>

Книга Иова, гл. 13:

**Послушайте, послушайте глагол моух: возвещѹ бо вам слы-
шащим.**

Иов. 13: 17

“Запись в тетради № 2371, л. 922, поперек черновика стихотворения “Чернь”
 (“Поэт на лире вдохновенной”),... вероятно, должна была служить эпиграфом к сти-
хотворению” (примечание М. Цявловского: РП, 506-507).

В той же главе Кн. Иова звучит мотив ответа за грехи юности (13: 23,26). Ср.
выше стихотворение “Воспоминание”. С июня 1828 эта тема стала особенно акту-
альна для Пушкина в связи с начавшимся делом о “Гавриилиаде”.

Из поэмы “Полтава”

<Из песни 1>

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву. /V, 23/

Псалом 1:

Не тако нечестивин, не тако, но яко прах, егоже возмета-
ет ветер от лица земли.

Пс. 1: 4

Ср. с. 42.

<Из песни 2>

Несчастный думает: вот он!
Вот на пути моем кровавом
Мой вождь под знаменем Креста,
Грехов могущий разрешитель,
Духовной скорби врач, служитель
За нас распятого Христа,
Его святую Кровь и Тело
Принесший мне, да укреплюсь,
Да приступлю ко смерти смело
И жизни вечной приобшусь!

И с сокрушением сердечным
Готов несчастный Кочубей
Перед Всесильным, Бесконечным
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Он гостя узнает иного:
Свирепый Орлик перед ним. /V, 40/

1828

Речь идет о двух важнейших христианских таинствах покаяния и причащения. Кочубей ожидает священника, который примет его исповедь, разрешит его грехи и удостоит его св. причастия Тела и Крови Христовых и через них - приобщения "жизни вечной", божескому естеству.

* * *

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатление
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию Деву,
Матерь Господа Христа.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни Святому Духу ввек
Не случилось паладину,
Станный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом Пресвятой,
Устремив к Ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei кровью
Написал он на шите.

Между тем как паладины
Встречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

Lumen coelum, Sancta Rosa!
Восклищал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Всё влюбленный, всё печальный,
Без причастья умер он;

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря собирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де Богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за Матушкой Христа.

Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в Царство вечно
Паладина своего. /III, 161-162/

<1829>

Из “Путевых записок 1829 г.”

Черкесы нас ненавидят [и русские в долгу не остаются] <...> Не имеют никакой надежды их усмирить, пока их не обезоружат <...> что чрезвычайно трудно исполнить <...> Кинжал и шашка суть члены их тела<...> У них убийство простое телодвижение. < . . . > Что делать с таким народом?

Можно попробовать влияние роскоши - новые потребности мало по малу сблизят с нами черкесов <...> Есть наконец средство более сильное, более нравственное – более сообразное с просвещением нашего века [но этим средством Россия доньше не брежет: проповедание Евангелия]. Терпимость сама по себе вещь очень хорошая, но разве Апостольство с нею несовместно? [Разве Истина дана для того, чтобы скрывать ее под спудом. Мы окружены народами, пресмыкающимися во мраке детских заблуждений - и никто еще из нас не подумал препоясаться и идти с миром и крестом к бедным братьям, доньше лишенным света истинного.] Легче для нашей холодной лености в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям не знающим грамоты - [Нам тяжело странствовать между ими, подвергаясь трудам, опасностям по примеру [древних Апостолов] и новейших римско-католических миссионеров.]

Лицемеры! Так ли исполняете долг Христианства - Христиане ли вы - С сокрушением раскаяния должны вы потупить голову и безмолвствовать - - - Кто из вас, муж Веры и Смирения, уподобился святым старцам, скитающим по пустыням Африки, Азии и Америки, без обуви, в рубищах, часто без крова, без пищи - но оживленным теплым усердием и смиренномудрием <...> Мы умеем спокойно блистать велеречием*, упиваться похвалами слушателей - Мы читаем книги и важно находим** в суетных произведениях выражения предосудительные -

Предвижу улыбку на многих устах - Многие, сближая мои калмыцкие нежности с черкесским негодованием, подумают, что не всякой [и] не везде имеет право говорить языком высшей Истины - я не такого мнения - Истина, как добро Молиера, там и берется, где попадется.*** /VIII, 1034-1036/.

22 мая 1829

Евангелие от Луки, гл. 9-10:

Созвав же двенадцать, послал их проповедовать царствие Божие и исцелять больных. И сказал им, ничего не берите на дорогу, ни посоха, ни сумы, ни хлеба, ни серебра... Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. (Лк. 9: 1-3, 23)

После сего избрал Господь и других семьдесят учеников и послал их... во всякий город и место, куда Сам хотел идти. И сказал им: жатвы много, а делателей мало... Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков... В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему! (Лк. 10: 1-5)

**Из “Путешествия в Арзрум
во время похода 1829 года”**

<Из главы 2-й>

Казачи разбудили меня на заре. <...> Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. “Что за гора?” - спросил я потягиваясь, и услышал в ответ: “это Арарат”. Как сильно действие звуков! Жадно гля-

* Варианты: Мы умеем в великолепных храмах блистать велеречием... Мы умеем с спокойной кафедры блистать хитрым велеречием...

** Вы находите [светские] наши книги...

*** как добро Молиера, хороша везде, где...

дел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни - и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения... /VIII, 463/

Книга Бытия, гл. 8:

И седе ковчег в месяц седмый... на горах Араратских... Отверзе Ное оконце ковчега,.. и посла врана... и изшед не возвратися, дондеже изсяче вода от земли. И посла голубицу по нем... И премедлив еще седмь дний, паки посла голубицу из ковчега. И возвратися к нему голубица под вечер, и имеяша сучец масличен с листвием во устех своих: и позна Ное, яко уступи вода от лица земли.

Быт. 8: 4, 6-8, 10-11.

<Из главы 3-й>

<...> С любопытством смотрел я на язидов, слывающих на Востоке дьяволопоклонниками. Около 300 семейств обитают у подошвы Арарата. Они признали владычество русского Государя. Начальник их, высокий, уродливый мужчина в красном плаще и черной шапке, приходил иногда с поклоном к генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать от язидов правду о их вероисповедании. На мои вопросы отвечал он, что молва, будто бы язиды поклоняются сатане, есть пустая баснь; что они веруют в единого Бога; что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастлив, но со временем может быть прощен, ибо нельзя положить пределов милосердию Аллаха. Это объяснение меня успокоило. Я очень рад был за язидов, что они сатане не поклоняются; и заблуждения их показались мне уже гораздо простительнее. /VIII, 468/

<Из главы 5-й>

Переезд мой через горы замечателен был для меня тем, что близ Коби ночью застала меня буря. Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище. Белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками. /VIII, 482/

<1829-1835>

Монастырь на Казбеке

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне! ... /III, 200/
29 сентября 1829

<Дарственная надпись Ек. Н. Ушаковой на книге “Стихотворений”, 1 часть>

Всякое даяние благо - -
Всяк дар совершен свыше есть.
Катерине Николаевне
Ушаковой
от А.П.

21 сентября 1829 /РП, 716/

Литургия Иоанна Златоуста, молитва заамвонная:

Яко всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть,
сходяй от Тебе, Отца Светов; и Тебе славу, и благодарение, и
поклонение возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и
присно и во веки веков.

Литургия, 52

Из “Евгения Онегина”
(первоначальное вступление к главе 8-ой
“Путешествие Онегина”)

I

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N.N. прекрасный человек.

II

Блажен, кто понял голос строгой
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой,
Большой дорогой столбовой, -
Кто цель имел и к ней стремился,
Кто знал, зачем он в свет явился
И Богу душу передал,
Как откупщик иль генерал.
“Мы рождены, - сказал Сенека, -
Для пользы ближних и своей”
(Нельзя быть проще и ясней),
Но тяжело, прожив полвека,
В минувшем видеть только след
Утраченных бесплодных лет ...

III

Несносно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,

Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.
Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь как на обряд
И вслед за чинною толпою
Идти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей. /5, 145-146; 466/
<1829>

Евангелие от Матфея, гл. 5 (заповеди о блаженстве):

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.
Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие,
ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие
правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они
помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога
узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами
Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Цар-
ство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать
и всячески неправедно злословить за Меня.

Мф. 5: 3-11

Из стихотворения Воспоминания в Царском Селе

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок Библии, [безумный] расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал. /III, 189/
< >

14 декабря 1829

Евангелие от Луки, гл. 15 (Притча о блудном сыне):

У некоторого человека было два сына... И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране... и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Пришед же в себя сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода! Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему... увидел его отец его и сжался; и побежав пал ему на шею и целовал его.

Лк. 15: 11-21

В 1829-1830 гг. Пушкин неоднократно обращался к притче о блудном сыне: в наброске повести «Записки молодого человека» описываются немецкие лубочные картинки, изображающие историю блудного сына: «промотавшийся юноша <...> пасет свиней и разделяет с ними трапезу, - В его лице изображены глубокая печаль и раскаяние, он вспоминает о доме отца своего, где последний раб *etc.* Наконец, представлено его возвращение к отцу своему <...>» /VIII, 404/. В дальнейшем Пушкин перенес это описание в повесть «Станционный смотритель» 1830 г. /VIII, 99-100/, сюжет которой - история «блудной дочери».

* * *

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды -
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять. /III, 194/

26 декабря 1829 (Рождество Христово)

Книга Екклесиаста, гл. 3:

Всем время, и время всяцей вещи под небесем: время рож-
дати и время умира́ти, время садити и время исторгати саж-
деное...

Еккл. 3: 1-2

Книга Иова, гл. 14:

Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен пе-
чалями: как цветок, он выходит и опадает... Если дни ему оп-
ределены, и число месяцев его у Тебя, если Ты положил ему
предел, которого он не перейдет, то уклонись от него: пусть он
отдохнет... Для дерева есть надежда, что оно, если и будет
срублено, снова оживет, и отрасли от него выходить не пере-
станут... А человек умирает и распадается; отошел, и где он?

Иов. 14: 1-2, 5-7, 10. []

“ПОЭТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА” С МИТРОПОЛИТОМ ФИЛАРЕТОМ

<Ответ митрополита Филарета на стихи Пушкина “Дар напрасный, дар случайный”>

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн возвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум -
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум! /Вып. 5, 16/

<1830>

Псалом 50 (покаянный):

Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во
утробе моей.

Пс. 50: 12

Ср. с. 152 - стихотворение Пушкина (опубликовано в альманахе “Северные цветы” на 1830 год). В ответном стихотворении митрополит Московский Филарет, используя рифмы и поэтические образы Пушкина и дополняя их (в заключительных строках) образами 50-го Давидова Псалма, опровергает Пушкина его же собственными словами, наполненными здесь противоположным, покаянным смыслом. См. об этом подробнее: *Благой* (1974) с. 176-177; *Непомнящий* (1989), с. 257.

<Из письма Пушкина к Е.М. Хитрово> (подлинник по-французски)

*Вы должны считать меня очень неблагодарным, очень
дурным человеком. Но заклинаю вас не судить по внешности.
Мне невозможно сегодня представить себя в ваше распоря-
жение - хотя, не говоря уже о счастье быть у вас, одного любо-*

пытства было бы достаточно <...> Стихи Христианина, русского Епископа, в ответ на скептические куплеты! - это право большая удача. /XIV, 398/

<Около 14 января 1830>

Ответ на приглашение Е.М. Хитрово, которая известила Пушкина, что у нее находится адресованное ему послание митрополита Филарета. В дальнейшем Е.М. Хитрово сделалась посредницей между митрополитом и Пушкиным, передавая поэту известия по просьбе преосвященного, ср. письмо Е.М. Хитрово к Пушкину от 20 марта 1830 (подлинник по-французски): “Я сейчас вернулась от Филарета - он рассказал мне о происшествии, недавно случившемся в Москве... Он прибавил - расскажите это Пушкину” /XIV, 402, 71/

Как видно из письма, Пушкин воспринял известие о “стихах христианина” с “любопытством”, как знак светского успеха - “это право большая удача”. Однако через несколько дней, вероятно, 19 января, прочитав послание, Пушкин был потрясен им и ответил стихами (см.), резко контрастирующими с данным письмом, писанным до получения “стихов христианина”.

<Ответ Пушкина митрополиту Филарету>

Стансы

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт. /III, 212/

19 января 1830

Псалом 143:

Господи!... простри с высоты руку Твою, избавь меня и спаси меня...

Пс. 143: 7

Книга Иова, гл. 39:

Отвещав же Иов, рече Господеви: почто еще аз прюся, наказуем и обличаем от Господа, слышай таковая ничтоже сын; аз же кий ответ дам к сим; руку положу на устах моих...

Иов. 39: 33-34.

Различные оценки стихотворения см. в работах: Лесскис, с. 268, 282; Непомнящий (1989), с. 257-258, В.С. Непомнящий "Слово о благих намерениях" // Московский пушкинист. Вып. II. М., 1996, с. 330-334.

"Внезапность" произошедших в душе Пушкина изменений, отмеченную в стихотворении, можно объяснить "странным сближением" Пушкина с библейским Иовом: как Иов, он "проклял день свой" и, подобно Иову, получил ответ "с высоты духовной" - из уст Архипастыря. Возможно, именно обмен посланиями с владыкой Филаретом послужил причиной обращения Пушкина к Книге Иова "с намерением переводить" ее (см. с. 245).

Пушкин признает, что речи митрополита поражают его не в первый раз. С 1826 поэт был свидетелем служений владыки Филарета в Москве, кроме того, Пушкин читал его духовные произведения, на одно из них он прямо ссылается в примечании к "Полтаве" (1828):

"Смотри прекрасную речь преосвящ. Филарета "Рассуждение о нравственных причинах успехов русских в войне 1812 года" /V, 329/

<Из письма к кн. П.А. Вяземскому>

Если ты можешь вложить в себя Емизу, то сделай мне эту Божескую милость. Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках ее не плахи, а рубашку (справься у княгини Мещерской), а она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пенсифрейхи. /XIV, 74/

<Март 1830>

Книга Бытия, гл. 39:

Иосиф же приведен бысть во Египет. И купи его Пентеф-рий... И возложи жена господина его очи своя на Иосифа... Он же не хотяше... спати и быти с нею. Бысть же... некий день, и вниде Иосиф в дом делати дела своя, и никтоже бяше от сущих в дому внутри: и ухвати его за ризы, глаголющи: лязи со мною. И оставив риза своя в руку ея, убеже и изыде вон.

Быт. 39: 1, 7-8, 10-12

Елиза (“Пентефрейха”) - Е.М. Хитрово, страстная поклонница Пушкина. Ср. с. 191.

<Из письма к М.П. Погодину>

Слава в вышних Богу, а на земле Вам, любезный и почтенный! ваши 1800 р. ассигнациями получил с благодарностью <...> /XIV, 98/

<8-9 июня 1830>

Евангелие от Луки, гл. 2 (Великое славословие):

Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение.

Лк. 2: 14.

Ср. с. 225 и 236.

Мадона

Сонет

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,

Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш Божественный Спаситель -

Она с величием, Он с разумом в очах -
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без Ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания: Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец. /III, 224/

8 июля 1830

Отрок

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник Царям. /III, 241/
10 октября 1830

Евангелие от Матфея, гл. 4:

Ходя же при мори Галилейстем, виде два брата, Симона
глаголемаго Петра, и Андреа брата его, вметающа мрежи в
море, веста бо рыбаля. И глаголя има: грядите по Мне, и со-
творю вы ловца человеком. Она же абие оставльша мрежи, по
Нем идоста.

Мф. 4: 18-20

Стихотворение посвящено М.В.Ломоносову.

* * *

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

[На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его]

Животворящая Святыня!
Земля была <б> без них мертва,
Как <без?> <оазиса?> пустыня
И как Алтарь без Божества. /III, 242/

16 октября 1830

Текст стихотворения печатается по: *Пушкин. Исслед.*, т. XIII, с. 298 (реконструкция Л.М. Аринштейна). Вторая строфа вычеркнута Пушкиным.

* * *

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

[Там] нежила меня [тений] прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё - мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры -

Всё навредило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик молодой -
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал -
Волшебный демон - лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось - холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал - уныние и лень
Меня сковали - тщетно был я молод.

[Средь отроков] я молча целый день
Бродил угрюмый - всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень. /III, 254-255/
24 октября 1830

Существуют разноречивые толкования стихотворения, однако почти все исследователи сходятся на том, что здесь присутствует автобиографический пласт, связанный с Лицеем. Проф. Лев Парийский и вслед за ним о. Борис Васильев полагают, что

образ Жены, покровительствующей школе, наваян чудотворной иконой Божьей Матери Знамение. “Противопоставление этой “Жене” “идолов”, кумиров, изображений бесов не свидетельствует ли со всей силой о том, что стимулом для поэта в данном случае служило тоже какое-то изображение,.. священное изображение Жены? Таким именно изображением и был, можно думать, чудотворный образ Пресвятой Богородицы, который находился тогда рядом с Лицеем в Знаменской церкви. Он стоял в то время на высоте, поверх Царских врат, и потому невольно сразу же привлекал к себе благоговейное внимание входившего в церковь” (проф. Лев Парийский. Вып. 1, с. 74).

О. Борис Васильев отмечает близость описания Жены в этом стихотворении к образу Мадоны: “Она с величием, Он с разумом в очах -

Взирали, кроткие, во славе и в лучах...” - ср. здесь:

Смиренная, одетая убого,

Но видом величаясь жена...

В черновом варианте: “Ее лица и луч недвижимых взоров...”; “Ее чела и луч спокойных взоров ...”: (о. Борис Васильев, 1994, с. 171, 180).

Школе, хранимой Женой, в стихотворении противопоставлен “великолепный мрак чужого сада”: исследователи видят здесь противопоставление Лицейского сада (где находилась церковь с иконой Знамение) и дворцового парка с его мраморными “идолами”, символизирующими эллинское язычество (см.: В.С. Непомнящий. Поэзия и судьба. М., 1987, с. 402).

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы

<Из черного автографа>

Парк пророчиц частый лепет
Топ небесного коня

*

Парк ужасных будто лепет
Топот бледного коня
Вечности бессмертный трепет
Жизни мышья беготня /III, 860/

Октябрь 1830 Болдино

Апокалипсис, гл. 6:

И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли - умерщвлять мечом и голодом, и мором...

Откр. 6: 8

Ср. следующее стихотворение.

Герой

•

Что есть истина?

Д р у г

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священо,
Над коим вспыхнул сей язык.
На Троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

П о э т

Всё он, всё он - пришлец сей бранный,
Пред кем смирились Цари,
Сей ратник, Вольностью венчанный,
Исчезнувший как тень зари.

Д р у г

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною Звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает Знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать Героя плещет
Перед громадой Пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля, - и молчит?

П о э т

Нет, не у Счастья на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем Кесаря на троне,
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем Героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною Чумою,
Царицею Болезней ... Он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь, ходит меж одрами,
И холодно руку жмет Чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнью своей
Играл пред сумрачным Недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет Небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Д р у г

Мечты поэта -
Историк строгой гонит вас!
Увы! его раздался глас, -^{*)}
И где ж очарованье света!

П о э т

Да будет проклят правды свет,
Когда Посредственности холодной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздну! - Нет!
Тьмы низких Истин мне дороже
Нас возвышающий обман ...

^{*)} Memoires de Bourrienne.

Оставь Герою сердце... что же
Он будет без него? Тиран...

Д р у г

Утешься .

29 сентября 1830
Москва /III, 251-253/

Эпиграф - **Евангелие от Иоанна**, гл. 18:

Пилат сказал Ёмү: итак Ты Царь? Иисүс отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слүшает гласа Моего. Пилат сказал Ёмү: что есть истина?

Ин. 18: 37-38.

Деяния Апостолов, гл. 2:

И внезапно сделался шум с неба, как бы от несүщегося сильного ветра... И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них.

Деян. 2: 2-3

Ремарка "Москва" и дата, выставленная Пушкиным, относятся не к месту и времени создания стихотворения (оно было написано в Болдине), а к его неназванному адресату. 29 сентября 1830 в Москву, охваченную эпидемией холеры, прибыл Император Николай, чтобы "делить опасности и труды" с жителями города. Пушкин, узнав об этом, воспел поступок царя в стихотворении "Герой", которое сам поэт назвал "Апокалипсической песнью" и послал Погодину для анонимной публикации (см. следующее письмо).

Подробнее см. работу В.Г. Морова (1993).

Согласно В. Морову, одним из источников стихотворения послужило Слово митрополита Филарета на приезд Императора Николая:

"Благочестивый Государь! Цари обыкновенно любят являться Царями славы, чтобы окружать себя блеском торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься ныне среди нас как Царь подвигов, чтобы опасности с народом Твоим разделять, чтобы трудности препобеждать. Такое Царское дело выше славы человеческой, поелику основано на добродетели Христианской. Царь небесный провидит сию жертву сердца Твоего, и милосердно хранит Тебя, и долготерпиво шадит нас. С Крестом сретаем Тебя, Государь, да идет с Тобою Воскресение и жизнь".

("Московские ведомости" № 80, 4 октября 1830, с. 3559).

См. ниже на с. 218 упоминание Пушкиным этой речи свт. Филарета.

Образ Наполеона связывает стихотворение "Герой" с более ранним - "Недвижный страж дремал на царственном пороге" 1824 (с. 112), а также с X главой "Евгения Онегина":

Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились Цари,
Сей всадник, Папою венчанный,
Исчезнувший как тень зари... /VI,522-523/

Апокалипсис, гл. 6:

Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник,.. и дан
был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы побе-
дить.

Откр. 6: 2

<Из письма к М.П. Погодину>

*Дважды порывался я к Вам, но карантинны опять от-
брасывали меня на мой несносный островок, откуда прости-
рало к Вам руки и вопило гласом великим. Пошлите мне слово
живое, ради Бога. <...> Посылаю вам из моего Пафмоса Апо-
калипсическую песнь. Напечатайте, где хотите, хоть в Ве-
домостях - но прошу вас и требую именем нашей дружбы не
объявлять никому моего имени. /XIV, 121-122/*

<Начало ноября 1830>

Апокалипсис, гл. 19:

И возопи в крепости, гласом великим глаголя...

Откр. 19: 2 (ср. также Мф. 27: 46)

“Апокалипсическая песнь” - стихотворение “Герой” (см.)

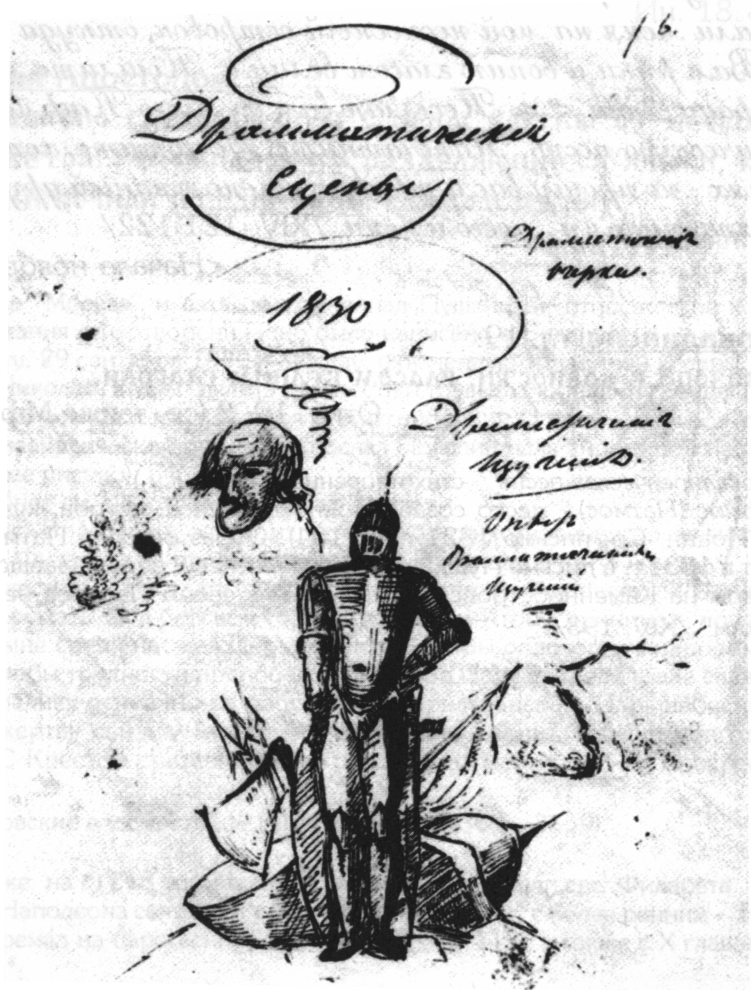
Пафмос (Патмос) - место создания Апокалипсиса: остров, куда был со-
слан ап. Иоанн. Ср. письмо 1821 г. (с. 104). Образ острова Патмоса вновь
возникает в 1831 г. в письме Пушкина к П.А. Плетневу, переживавшему эпиде-
мию холеры на Каменноостровской даче: “Ты в своем Патмосе безвреден и
недостижим” /XIV, 193/.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ, ИЛИ МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ

Драматический цикл Болдинской осени по-разному интерпретируется исследователями, некоторые соотносят их с библейскими мотивами. "Маленькие трагедии" наиболее легко поддаются христианскому истолкованию, - считает С. Давыдов. - На самом очевидном уровне эти четыре пьесы - философское осмысление смертных грехов: сребролюбия ("Скупой Рыцарь"), зависти ("Моцарт и Сальери"), блуда ("Каменный гость") и гордыни ("Пир во время чумы"). Последний грех, в свою очередь, применим ко всем четырем трагедиям и их демоническим героям" (Давыдов, с. 84). Другой американский исследователь Н. Лонган связывает "Маленькие трагедии" с апокалиптическими настроениями Болдинской осени: присутствующие в каждой из них формы имени Иоанн (Иван, Дон-Жуан, Дон-Гуан, Джексон), по мнению Н. Лонгана, отсылают к Откровению св. Иоанна Богослова (Лонган, 1995).

Добавим, что в двух из четырех "Маленьких трагедий" явно звучат мотивы Книги Екклесиаста.

<Монолог Барона из “Скупого рыцаря”>

< >
Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блещущие груди.

(Зажигает свечи и отпирает сундуки один за другим)

Я царствую! - - - Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!
Я царствую - - но кто вослед за мной
Приимет власть над нею? Мой наследник!
Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! сойдет сюда
Под эти мирные, немые своды
С толпой ласкателей, придворных жадных.
Украд ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрет.
И потекут сокровища мои
В атласные, диравые карманы.
Он разобьет священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит -
Он расточит... А по какому праву?
Мне разве даром это всё досталось,
Или шутя, как игроку, который
Гремит костями да груди загребает?
Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Всё это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребуший сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смушаются и мертвых высылают?..
Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там, посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрел. /VII, 112-113/
23 октября 1830

Книга Екклесиаста, гл. 5:

Кто любит серебро, тот не насытится серебром, и кто любит богатство, тому нет пользы от того. И это - суета! Умножается имущество, умножаются и потребляющие его; и какое благо для владеющего им: разве только смотреть своими глазами? Сладок сон трудящегося,.. но пресыщение богатого не дает ему уснуть. Есть мучительный недуг, который видел я под солнцем: богатство, сберегаемое владельцем его во вред ему. И гибнет богатство это от несчастных случаев: родил он сына, и ничего нет в руках у него... Какая же польза ему, что он трудился на ветер? А он во все дни свои ел впотьмах, в большем раздражении, в огорчении и досаде.

Еккл. 5: 9-16 []

Пир во время Чумы

< .>

П р е с е д а т е л ь (поет).

Когда могущая зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов,-
На встречу ей трещат каминь,
И весел зимний жар пиров.

*

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой....
Что делать нам? и чем помочь?

*

Как от проказницы зимы,
Запремся также от Чумы!
Зажжем огни, нальем бокалы;

Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

*

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

*

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

*

И так - хвала тебе, Чума!
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы,
И Девы-Розы пьем дыханье -
Быть может - - полное Чумы!

(Входит старый Священник.)

С в я щ е н н и к.

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной!
Средь ужаса плачевных похорон,
Средь бледных лиц молюсь я на кладбище -
А ваши ненавистные восторги
Смушают тишину гробов - и землю
Над мертвыми телами потрясают!

Когда бы стариков и жен моления
Не освятили общей, смертной ямы -
Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом.

Н е с к о л ь к о г о л о с о в .

Он мастерски об аде говорит!
Ступай, старик! ступай своей дорогой!

С в я щ е н н и к .

Я заклинаю вас Святою Кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души -
Ступайте по своим домам!

П р е с е д а т е л ь .

Д о м а
У нас печальны - юность любит радость.

С в я щ е н н и к .

Ты ль это, Вальсингам? Ты ль самый тот,
Кто три тому недели, на коленях,
Труп матери, рыдая, обнимал
И с воплем бился над ее могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачет,
Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына
В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющий бешеные песни, между
Мольбы святой и тяжких воздыханий?
Ступай за мной!

П р е с е д а т е л ь .

Зачем приходишь ты
Меня тревожить? не могу, не должен
Я за тобой идти: я здесь удержан

Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознанием беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем доме встречаю -
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,
И ласками (прости меня Господь) -
Погибшего - но милого создания....
Тень матери не вызовет меня
Отселе - поздно - слышу голос твой,
Меня зовущий - признаю усилья
Меня спасти.... старик! иди же с миром;
Но проклят будь, кто за тобой пойдет!

Многие.

Bravo, bravo! достойный председатель!
Вот проповедь тебе! пошел! пошел!

Священник.

Матильды чистый дух тебя зовет!

Председатель (встает).

Клянись же мне, с поднятой к небесам -
Увядающей, бледною рукой - оставить
В гробу навек умолкнувшее имя!
О, если б от очей ее бессмертных
Скрыть это зрелище! меня когда-то
Она считала чистым, гордым, вольным -
И знала рай в объятиях моих....
Где я? святое чадое света! вижу
Тебя я там, куда мой падший дух
Не достигнет уже....

Женский голос.

Он сумасшедший -
Он бредит о жене похороненной!

Священник.

Пойдем, пойдем....

П р е с е д а т е л ь.

Отец мой, ради Бога,
Оставь меня!

С в я щ е н н и к.

Спаси тебя Господь!
Прости, мой сын.

*(Уходит. Пир продолжается. Председатель остается
погруженный в глубокую задумчивость.)* /VII, 180-184/

8 ноября 1830

Книга Екклесиаста, гл. 7:

**Благо ходить в дом плача, нежели ходить в дом пира,
понеже сие конец всякому человеку... Сердце мудрых в дому
плача, а сердце безумных в дому веселия. Благо еже слыша-
ти прещение премудра, паче мужа слышащего песнь безум-
ных.**

Еккл. 7: 3-7

В.С. Непоминающий отмечает автобиографический пласт “Пира во время чумы”: “Как на мрачную медитацию «Дара напрасного ...» отвечал митрополит <Филарет>, так на вопль ужаса, облеченный в форму гимна чуме,... отвечает Священник. Пушкин принимает руку, протянутую ему «с высоты духовной», Вальсингам отвергает ее, но потом, прозрев, говорит о высоте, куда «мой падший дух / Не достигнет уже», а в финале остается в «глубокой задумчивости» ...” (Непоминающий, 1989, с. 259). В другой работе исследователя “гимн Чуме” трактуется как “черная литургия”, “жреческий акт” с “незримо реющим намеком на Причастие” (В.С. Непоминающий. Пушкин через двести лет. - Вып. 5, с. 78-79).

Из повести “Выстрел”

II

Прошло несколько лет, и домашние обстоятельства принудили меня поселиться в бедной деревеньке Н** уезда. Занимаясь хозяйством, я не переставал тихонько вздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднее было мне привыкнуть проводить

осенние и зимние вечера в совершенном уединении. <...> Наконец решился я лечь спать как можно ранее, а обедать как можно позже; таким образом укоротил я вечер и прибавил долготы дней, и обретох, яко се добро есть. /VIII, 70-71/.

1830

Книга Бытия, гл. 1:

И виде Бог свет яко добро, и разлучи Бог между светом и между тмою... И сотвори Бог два светила... и положи я... на тверди небесней... владети днем и ночью, и разлучати между светом и между тмою... И виде Бог вся, елика сотвори: и се добра зело.

Быт. 1: 4, 16, 18, 31

Мёдок
(Мёдок в Уаллах)

Попутный веет ветер. - Идет корабль,-
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Ветрила все, - идет, и пред кормой
Морская пена раздается. - Многим
Наполнилась грудь у всех пловцов.
Теперь, когда свершен опасный путь,
Родимый край они узрели снова;
Один стоит, вдаль устремляя<?> взоры,
И в темных очерках ему рисует
Мечта давно знакомые предметы,
Залив и мыс, - пока недвижны очи
Не заболят. Товарищу другой
Жмет руку и приветствует с отчизной,
И Господа благодарит, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику и [Деве] Пресвятой,
И милостынь и дальних поклонений
Старинные обеты обновляет,
[Когда] найдет он всё благополучно. /III, 179/
< >

<1830>

Преподобный Савва Игумен

Декабря 3. Преставление Преподобного Отца нашего Саввы игумена святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожех, нового чудотворца.

Из Пролога. Преподобный Отец наш Савва от юности своей Христа возлюбил, а мир возненавидел и, пришед к преподобному Сергию, принял Ангельский образ и стал подвизаться, угождая Богу постом, бдением, молитвами, смиренномудрием и всеми добродетельми, желая небесная блага приять от Господа. Многие искушения претерпел он от бесов, но победил их помощью вышнего и над страстями воцарился. Тогда, по наставлению учителя своего, великого Сергия, отошел он от обители Святыя Троицы и поселился в пустыне на горе, называемой Сторожи, в верху Москвы-реки, в расстоянии одного поприща от Звенигорода и сорока от града Москвы. Там святой иночествовал в безмолвии, терпя ночные морозы и тяготу вара дневного. - Услыша о добродетельном житии его, многие иноки и люди мирские от различных мест начали к нему приходить, дабы жить при нем и от него пользоваться. И принимал он всех с любовью, и был им образец смирения и иноческих трудов, сам черпая и нося воду и другие потребности правя, научая тем братию не лениться и не губить дней своих Праздностию, изобретательницею всего злаго. Потом некий Христолюбивый Князь, пришед к блаженному Отцу Савве, умолил его построить храм на том месте и сумму, нужную на создание оного, дал святому. И святой прошение Князя исполнил и построил храм честного и славного Рождества Пречистой Богоматери и обитель пречудесную и великую для душеспасительного пребывания в ней иноков. Там он добре пас во имя Христа собранное стадо, водя оное на пажить духовную, и быв некогда единожителем Божественному Сергию, сотворил многие добрые дела о Господе. В поздней старости впал он в болезнь телесную и, недолго пострадав, призвал братию и поучал их Божественным писаниям, наказывающим хранить чистоту телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и прилежать посту и молитве. Тогда поставил им в Игумены одного из учеников своих и всем братием заповедал пребывать у игумена в послушании и в повиновении. Наконец, дав им всем мир и последнее целование, в добром исповедании предал душу в руке Божии декабря 3-го дня, во всем благоугодив владыке своему, Христу. Услышав о преставлении Святого, Князя и Бояре, и окрест живущие, и все Христолюбивые граждане Зве-

нигорода стеклись с великой любовью на погребение Отца, принеся с собою больных своих, и, проводив его псалмопением надгробным, положили его с честью в им построенной церкви Пресвятой Богородицы, на правой стороне. Честные его мощи и до нынешнего дня многие и различные исцеления источают приходящим с верою, во славу Христа, Бога нашего, угодниками своими и по преставлении их преславные чудеса творящего, Ему же слава ныне, и присно, и во веки веков, аминь. /Academia, т.9, 395-396/

<Декабрь 1830 (?)>

Текст представляет собой выполненный Пушкиным перевод жития св. Саввы Сторожевского со славянского на русский язык. Этот перевод из Пролога, как и выписки из Четьих Миней (см. ниже), не включены ни в Большое, ни в Малое академические ПСС (в последний раз эти тексты публиковались в 10-томном Собрании сочинений Пушкина изд-ва “Художественная литература”: М., 1976. Т. 7. С. 203-206).

В Собрании сочинений изд-ва “Academia” перевод Жития св. Саввы предположительно датируется 1831 годом (автограф на бумаге с водяным знаком “1830” - Academia, 9, 753). Такая бумага была в употреблении уже в конце 1830. Очевидно, обращение к житию св. Саввы было вызвано поездкой Пушкина летом 1830 в подмосковные места его детства. Вероятно, Пушкин посетил тогда и Саввино-Сторожевский монастырь в 13 верстах от Захарова (предположение В. Листова, 1980, с. 173).

<Записка к П.В. Нащокину>

Сейчас еду Богу молиться и взял с собою последнюю сотню <...> коли можешь, достань с своей стороны тысячи две. /XIV, 136/

<Декабрь (после 5) 1830, Москва>

По свидетельству Нащокина, перед женитьбой Пушкин ездил с невестой и ее матерью “по соборам и к Иверской” (Бартенев П. Деятельный век: Исторический сборник, кн. 1. М., 1872. С.383). “Чудотворная Иверская икона Божией Матери особенно почиталась жителями Москвы... Без преувеличения можно сказать, что едва ли в Москве нашелся бы человек, который в продолжение своей жизни не прибегал с молитвою к св. иконе Иверской Богоматери и не находил в этой молитве надежды или утешения” (Московский патерик. М., 1991, с. 223-224).

<Выписки из январских Четъ-Миней>

Трапеза - Толк, толмач. - Разрезать (кого) - Рим ветхий - Велико-
родный - Тверда аки наковальня - Муж конского чина (всадник).

Вложи (диавол) убо ему мысль о родителях, яко жалостию сокру-
шатися сердцу его, воспоминающе велию отца и матере любовь, юже
к нему имеша. И глаголаша ему помысл: что ныне творят родители
твои без тебя, колико многую имут скорбь, и тугу, и плачу о тебе, яко
не ведущим им отшел еси. Отец плачет, мать рыдает, братия сетуют,
сродницы и ближние жалеют по тебе, и весь дом отца твоего в печали
есть тебе ради. Еще же воспоминаше ему лукавый богатство и славу
родителей, и пять братий его и различная мирская суетствия во ум
его привождаше. День же и ночь непрестанно таковыми помыслами
смущаше его, яко уже изнеможи ему телом и еле живу быти, ово бо от
великого воздержания и иноческих подвигов, ово же от смущения
помыслов, изсше яко скудель крепость его, и плоть его бе яко трость,
ветром колеблема.

(Житие преподобн. отца нашего Иоанна
Кушника - Ианнуар е. i. <15>)

Рубо - рубище. - Дельва - (бочка или ящик?)

И дубраву всякого древа своею рукою насади (Ч.М. Житие
св. Ора черноризца).

Куколь (саручон) - cuculum - Убрус.

С путем (с жалованием).

Приидоша к прельщенному преподобные отцы Никон игумен и
Иоанн, иже по нем бысть игумен, Пимен постник, Исаяя иже бысть
еп. ростовский, Матфей прозорливый, Исаяя, затворник печерский,
Агапит врач, Григ. чуд., Никола, иже бысть еп. тмут., Нестор летопи-
сец, Григорий творец канонов, Феоктист, иже бысть еп. черниг., Они-
сифор прозорливый; сии вси в добродетелях сияющие пришедше мо-
литву творяху к Богу о Никите.

(Житие пр. Никиты, затворника Печерского). /Academia, т. 9,
394-395/

<1831 (?)>

К январским Четым Минеям Пушкин обращался еще в 1825 во время работы
над "Борисом Годуновым" (ср. упоминание Пимена постника рядом с Нестором ле-
тописцем - отсюда, вероятно, имя летописца Пимена в трагедии). В издании "Academia"
датировка 1831 (?) на основании следующего письма к Плетневу.

<Из письма к П.А. Плетневу>

Предания русские ничуть не уступают в фантастической поэзии преданиям ирландским и германским. Если всё еще его <Жуковского> несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минейо, особенно легенды о киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла! /XIV, 163/

<Около 14 апреля 1831>

<Из письма к Е.М. Хитрово>

(Подлинник по-французски)

Вы говорите о г-не де Лалене <...> Пусть пророчествует вволю; не знаю, является ли для него Ниневией Париж, но мы-то уж несомненно теньбы. /XIV, 475; подл. - 157/.

26 марта 1831

Кн. пророка Ионы, гл. 3, повествует о том, как Иона пророчил разрушение города Ниневии через 40 дней за грехи жителей, но его пророчество не исполнилось, ибо Господь пожалел Ниневию.

<Из письма к П.Я. Чаадаеву>

(подлинник по-французски)

Ваша рукопись всё еще у меня. <...> Я только что перечел ее. <...> Всё, что вы говорите о Моисее, Риме, Аристотеле, об идее истинного Бога, о древнем Искусстве, о протестантизме, - изумительно по силе, истинности или красноречию. <...> Ваше понимание истории для меня совершенно ново, и я не всегда могу согласиться с вами: например, для меня непостижимы ваша неприязнь к Марку Аврелию и пристрастие к Давиду (псалмами которого, если только они действительно принадлежат ему, я восхищаюсь). Не понимаю, почему яркое и наивное изображение Политеизма возмущает вас в Томере. Помимо его поэтических достоинств, это, по вашему собственному признанию, великий исторический памятник. Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не

встречается также и в Буддизме? Вы видите единство Христианства в Католицизме, то есть в Папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской. Я плохо излагаю свои мысли, но вы поймете меня. Пишите мне, друг мой, даже если бы вам пришлось бранить меня. Лучшее, говорит Екклесиаст, внимать наставлениям мудрого, чем песням безумца. /XIV, 188; 430-431/

6 июля 1831

Книга Екклесиаста, гл. 7:

Благо еже слышати прещение премудра, паче мужа слышащего песнь безумных.

Еккл. 7: 7

Пушкин говорит здесь о рукописи "Философических писем" Чаадаева (письма 6-8). Ср. следующее письмо.

<Из письма к кн. П.А.Вяземскому>

Благодарю Александра Ивановича <Тургенева> за его религиозно-философическую приписку. Не понимаю, за что Чаадаев с братией нападает на реформуацию, c'est à dire un fail de l'esprit Chrétien. Ce que le Christianisme y perdit en unité il le regagna en popularité.¹ Третья Церковь - дело другое: она остановилась и отделилась от общего стремления Христианского духа. /XIV, 205/

3 августа 1831

¹ т.е. на известное проявление Христианского Духа. Насколько Христианство потеряло при этом в отношении своего единства, настолько же оно выиграло в отношении своей народности (франц.).

<Из письма к А.А. Орлову>

*Мал бех в братии моей, и если мой камешек угодил в мед-
ный лоб Голиафу Фиглярину, то слава Создателю! /XV, 2/
24 ноября 1831*

Псалом Давида на единоборство с Голиафом:

**Мал бех в братии моей и юнший в дому отца моего... Изы-
дох в сретение иноплеменику... и отъях поношение от сынов
Израилевых.**

Речь идет о полемической статье Пушкина “Торжество дружбы ...”, направленной против Ф. Булгарина (Фиглярина).

<Из письма к М.П. Погодину>

*Газета моя будет немного похуже Северной пчелы. Угож-
дать публике, я не намерен <...> Стихотворений, помещать
не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед пуб-
ликой; на то проза-мякина. /XV, 29/*

<Сентябрь 1832>

Евангелие от Матфея, гл. 7:

**Не дадите святая псом, ни пометайте бисер ваших пред
свиньями, да не поперут их ногами своими...**

Мф. 7: 6

<Из переписки Пушкина с кн. П.А. Вяземским 1831>

<Вяземский - Пушкину>

Жаль, что тебя здесь нет: я угостил бы тебя перепискою знакомого тебе Авраама с Игнатием Петровым, по поводу отпускной его. Письма подсыпаны эпиграммами... И всё это написано с добросовестностью и некоторою классической сановитостью... /XIV, 214/

24 августа

<Ответ Пушкина>

Журнал <...> можно бы нам попробовать... Мы бы переписку Авраама с Ценатиел поместили бы в отделении. Классическая словесность. /XIV, 220/

3 сентября

<Вяземский - Пушкину>

Мы вчера семейно пили за твое здоровье и настоящим шампанским. Я думаю, и из Авраамова лоно, как из подземельна свода, была вытащена Шампанского бутылка. /XIV, 218/

31 августа

Авраам - ветхозаветный патриарх, родоначальник еврейского народа; в христианской традиции - "отец наш", отец всех верующих. Здесь - отец Пушкина Сергей Львович.

Авраамово лоно - образ места упокоения праведников (Лк. 16: 22, 23). В переписке Вяземского с Пушкиным так именуется дом родителей Пушкина. Иронический тон сообщения о бутылке шампанского в честь именин Пушкина (30 августа - день св. кн. Александра Невского) вызван известной скупостью отца поэта Сергея Львовича.

<Из письма к жене>

Теперь послушай, с кем я путешествовал, с кем провел я 5 дней и 5 ночей. Кто-то будет мне гоним! с пятью немецкими актрисами, в желтых кацавейках и в черных вуалях. Какое? Ей Богу, душа моя, не я с ними кокетничал, они со мною алмурились в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка, и как маленький Иосиф вышел чист от искушения. Приехав в Москву, искал отыскивать Жацкина, нашел его по-прежнему озабоченным домашними обстоятельствами, но уже спокойнее в сношениях со своею Сарою. /XV, 30/

<22 сентября 1832>

Книга Бытия, гл. 39:

И обратила взоры на Иосифа жена господина его и сказала: спи со мною. Но он отказался и сказал: ...как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом?.. случилось в один день, что он вошел в дом делать дело свое, а никого из домашних тут в доме не было; она схватила его за одежду его и сказала: ложись со мной. Но он, оставив одежду свою в руках ее, побежал и выбежал вон.

Быт. 39: 7-12 []

Ср. с. 166.

Сарра (Сара) - жена ветхозаветного патриарха Авраама. Здесь: цыганка Ольга, подруга Нашокина.

<«Путешествие к Св. местам» А.Н. Муравьева>

В 1829 году внимание Европы было обращено на Адриано-поль, где решалась судьба Греции, целые 8 лет занимавшей помышления всего просвещенного мира. Греция оживала, могущественная помощь Севера возвращала ей независимость и самобытность. -

Во время переговоров, среди торжествующего нашего стана, в виду смятенного Константинополя, один молодой поэт думал о ключах Св. Храма, о Иерусалиме, ныне забытом Христианскою Европою для суетных развалин Парфенона и Ликейя. Ему представилась возможность исполнить давнее желание сердца, любимую мечту отрочества. Г. Муравьев через генерала Дибича получил дозволение посетить Св. места - и к ним отправился через Константинополь и Александрию. Ныне издал он свои путевые записки.

С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г-на Муравьева. *Здесь, у подошвы Сиона, - говорит другой русский путешественник¹, - всяк христианин, всяк верующий, кто только сохранил жар в сердце и любовь к великому.* Но молодой наш соотечественник привлечен туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил Св. места как верующий, как смиренный [Христианин], как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред

гробом [Господа] Христа Спасителя. - Он traverse Грецию, gréосcuré одною великой мыслью, он не старается, как Шатобриан, воспользоваться противоположной [мифологией] Библии и Одиссеи. Он не останавливается, он спешит, он беседует с стран<ным> <?> преобразователем Египта, проникает в глубину пирамид, пускается в пустыню, оживленную черными шатрами бедуинов и верблюдами караванов, вступает в Обетованную землю, наконец с высоты вдруг видит Ерусалим... /XI, 217; ПД №1814, 1815, 1816/

<1832>

¹ Д.В. Дашков, автор записок "Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок путешествия по Греции и Палестине, в 1820 году" ("Северные цветы" на 1826 год).

<Подражания "Аду" Данте>

I

И дале мы пошли - и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копченое корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: "Поведай мне: в сей казни что сокрыто?"

Виргилий мне: "Мой сын, сей казни смысл велик:
Одно стяжание имел всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете."
Тут грешник жареный протяжно возопил:
"О, если б я теперь тонул в холодной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
Сто на сто я терплю: процент неимоверный!" -
Тут звучно лопнул он - я взоры потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.

Я, нос себе зажав, отворотил лицо.
Но мудрый вождь ташил меня всё дале, дале -
И, камень приподняв за медное кольцо,

Сошли мы вниз - и я узрел себя в подвале.

II

Тогда я демонов увидел черный рой,
Подобный издали ватаге муравьиной -
И бесы тешились проклятою игрой:

До свода адского касалась вершиной
Гора стеклянная, [как Арарат] остра -
И разлегалась над темною равниной.

И бесы, раскалив как жар чугун ядра,
[Пустили вниз его смердящими] когтями;
Ядро запрыгало - и гладкая гора,

Звения, растрескалась колючими звездами.
Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами.

Схватили под руки жену с ее сестрой,
И заголили их, и вниз пихнули с криком -
И обе сидючи пустились вниз стрелой...

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
Стекло их резало, впивалось в тело им -
А бесы прыгали в веселии великом.

Я издали глядел - смущением томим. /III, 281-282/
<1832>

<Из романа “Дубровский”>

<Из главы V>

- Удались от зла и сотвори благо, - говорил поп попадье, - нечего нам здесь оставаться. /VIII, 180/

Псалом 33:

Уклонися от зла и сотвори благо.

Пс. 33: 15

<Начало главы IX>

Накануне праздника гости начали съезжаться... В 9 часов утра заблаговестили к обедне, и всё потянулось к новой каменной церкви, построенной Кирилом Петровичем и ежегодно украшаемой его приношениями. Собралось такое множество почетных богомольцев, что простые крестьяне не могли поместиться в церкви и стояли на паперти и в ограде. Обедня не начиналась - ждали Кирила Петровича. Он приехал в коляске шестернею - и торжественно пошел на свое место, сопровождаемый Мариєю Кириловной. Взоры мужчин и женщин обратились на нее; первые удивлялись ее красоте, вторые со вниманием осмотрели ее наряд. Началась обедня, домашние певчие пели на крылосе, Кирила Петрович сам подтягивал, молился, не смотря ни направо, ни налево, и с гордым смирением поклонился в землю, когда дьякон громогласно упомянул и о зиждителе храма сего.

Обедня кончилась. Кирила Петрович первый подошел ко кресту. Все двинулись за ним, потом соседи подошли к нему с почтением. Дамы окружили Машу. Кирила Петрович, выходя из церкви, пригласил всех к себе обедать, сел в коляску и отправился домой. /VIII, 191/

Декабрь 1832

Литургия Иоанна Златоуста, сугубая ектиния:

Еще молимся о... создателех святого храма сего...

Литургия, 12

<Из письма к П.С. Санковскому >

Если вы видите А. Бестужева, передайте ему поклон от меня. <...> Здесь распространился слух о его смерти, мы искренне оплакивали его и очень обрадовались его воскрешению в третий день по Писанию. /XV, 316, 39, подлинник по-франц., подчеркнутые нами слова в подлиннике - по-русски/

3 января 1833

Символ веры, 5:

(Верую во единого Бога Отца, Вседержителя... И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия... Распятого же за ны при Понтийстем Пилате...) И воскресшего в третий день по Писанию...

Из поэмы “Анджело”

Часть I

XII.

< .>

И з а б е л а.

Будь милостив!

А н д ж е л о.

Нельзя.

Потворствовать греху есть то же преступление,
Карая одного, спасаю многих я.

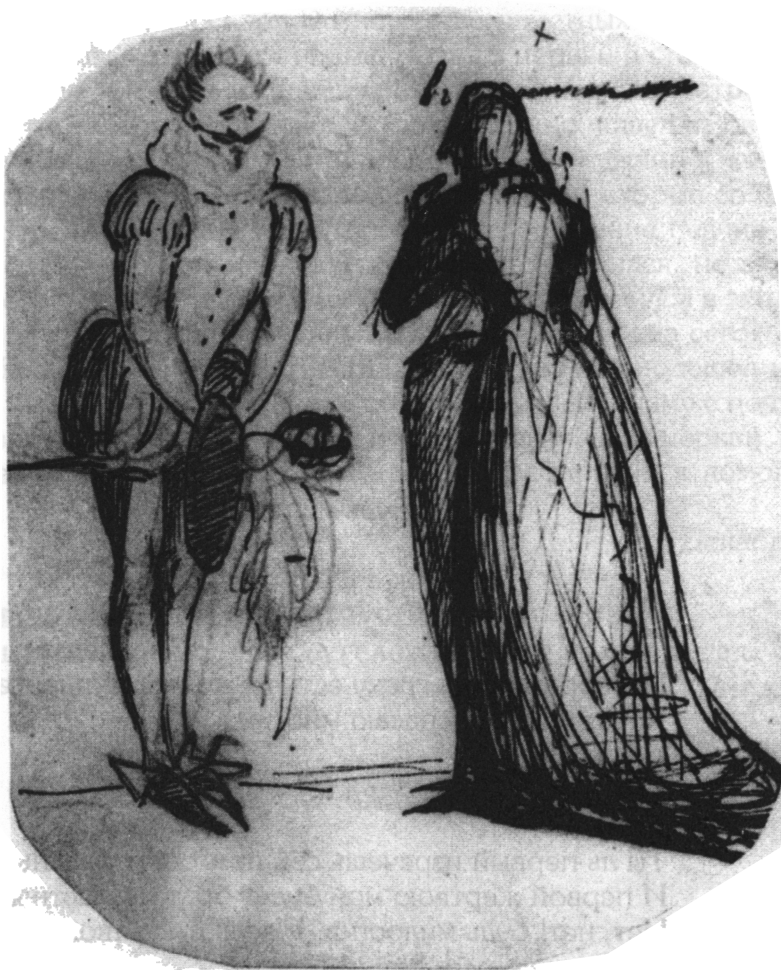
И з а б е л а.

Ты ль первый изречешь сей приговор ужасный?
И первой жертвою мой будет брат несчастный.
Нет, нет! будь милостив. Ужель душа твоя

Совсем безвинная? спросись у ней: ужели
И мысли грешные в ней отроду не тлели?

ХІІІ.

Невольно он вздрогнул, поникнул головой
И прочь идти хотел. Она: "Постой, постой!
Послушай, воротись. Великими дарами
Я задарю тебя ... прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты делиться с небесами:
Я одарю тебя молитвами души
Пред утренней зарей, в полуношной тиши,
Молитвами любви, смирения и мира,

Молитвами святых, угодных Небу дев,
В уединении умерших уж для мира,
Живых для Господа”.

Смушен и присмирив,
Он ей свидание на завтра назначает
И в отдаленные покои поспешает.

· Часть II.

I.

День целый Анджело безмолвный и угрюмый
Сидел, уединясь, объят одною думой,
Одним желанием; всю ночь не тронул сон
Усталых вежд его. “Что ж это? - мыслит он, -
Ужель ее люблю, когда хочу так сильно
Услышать вновь ее и взор мой усладить
Девичьей прелестью? По ней грустит умильно
Душа ... или когда святого уловить
Захочет бес, тогда приманкою святою
И манит он на крюк? Нескромной красотою
Я не был отроду к соблазнам увлечен,
И чистой девою теперь я побежден.
Влюбленный человек доселе мне казался
Смешным, и я его безумству удивлялся.
А ныне!”

II.

Размышлять, молиться хочет он,
Но мыслит, молится рассеянно. Словами
Он Небу говорит, а волей и мечтами
Стремится к ней одной. В унынье погружен,
Устами праздными жевал он имя Бога,
А в сердце грех кипел ... /V, 112-114/
< >

<1833>

Герои здесь противопоставлены своим отношением к молитве. Тот же прием Пушкин использовал в “Домике в Коломне” 1830, описывая двух героинь. Графиня
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!).

Параша, наоборот,

Молилась Богу тихо и прилежно
И не казалась им развлечена. /V, 88/

**<Из “ Путешествия из Москвы в Петербург”>
<черновая редакция главы “Ломоносов”>**

В Ломоносове нет ни воображения, ни чувства. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, <...> утомительны и надуты; подражания псалмам и книге Иова - лучше, но отличаются только хорошим слогом, и то не всегда точным. Их поэзия принадлежит не Ломоносову. /XI, 225-226/

<1834>

* * *

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали.
И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаясь лучей.
В порыве гнева и печали
Ты проклял ли, Пророк, бессмысленных детей,
Разбил ли ты свои скрижали?
О, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой,
Ты любишь гром небес, но также внимлешь ты
Жужжанью пчел над розой алой.
[Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,]
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Во след Бовы иль Еруслана. /III, 286/

1834 (!)

Кн. Исход, гл. 24-32, повествует о том, как пророк Моисей взшел на гору Синай и получил от Бога скрижали откровения, и закон, и заповеди. Он отсутствовал сорок дней и сорок ночей, и за это время народ забыл истинного Бога, потребовал от Аарона сделать золотого тельца, и устроил вокруг него пир и пляски. Когда Моисей сошел с горы Синай и увидел тельца и пляски, он “воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали и разбил их ...” (Исх. 32: 1-19).

Впервые стихотворение Пушкина опубликовано Жуковским под заглавием “К Н***”. В ПСС датируется 1832 годом (вопреки дате “1834” в рукописи) и печатается под редакторским заглавием “Гнедичу” /III, 1237/. По свидетельству Гоголя (“Выбранные места из переписки с друзьями”: Гоголь, с.80-83), адресат стихотворения - Император Николай. Подробнее об этом см.: Л.М. Аринштейн, 1997, с. 335-337.

“И светел ты сошел... Смутились мы, твоих чуждаясь лучей” - согласно **Книге Исход** (34: 29-30), когда Моисей сошел с горы Синай с новыми скрижалями, лицо его стало “сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним”: люди боялись смотреть на него, как на солнце, и Моисей, говоря с народом, должен был закрывать свое лицо покрывалом.

<Из писем к жене в Пасху 1834>

Воскресение. Христос воскрес, моя милая женка, грустно, мой Ангел, грустно без тебя. Письмо твое мне из головы нейдет. Ты, мне кажется, слишком устала. Приедешь в Москву, <...> целую ночь простоишь у всенощной, и теперь лежишь враспыху в истерике и лихорадке. Вот что меня тревожит, мой Ангел. <...> Прощайте, все мои. Христос воскрес, Христос с Вами. /XV, 130/

<22 апреля>

Что делать с матерью? <...> Боюсь ужасно для тебя семейственных сцен. Поляжи Господи царя Давида и всю крепость его! /XV, 134/

<28 апреля>

Мена моя милая, женка мой Ангел - я сегодня уж писал тебе, да письмо мое как-то не удалось. Начал я было за здравие, да свел за упокой. Начал нежностями, а кончил плохой. Виноват, женка. Остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должникам нашим. /XV, 136-137/

<30 апреля> Фомин Понедельник

Молитва Господня:

Отче наш, Иже еси на Небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

Мф. 6: 9-13

<Из дневника 1833-1835>

Среда на Святой неделе. Праздник совершеннолетия совершился <...> Всегда много смешного подвернется в случаи самые торжественные. Филарет сочинял службу на случай присяги. Он выбрал для паремии главу из Книги царств, где между прочим сказано, что царь собрал и тысящников, и сотников, и евнухов своих. К.А.Нарышкин сказал, что это искусное применение к камергерам. А в городе стали говорить, что во время службы будут молиться за евнухов. Принуждены были слово евнух заменить другим. /XII, 327/.

<25 апреля 1834>

Филарет - митрополит Московский, адресат стихотворения Пушкина (с. 165).

Паремия - отрывок из Св. Писания, который читается на службе и призван раскрыть смысл отмечаемого события. Текст паремии для особой церковной службы в честь совершеннолетия наследника Александра Николаевича был выбран не из Книги Царств (как пишет Пушкин), а из Первой Книги Паралипоменон, 28: 1 /XVII, 112/.

<Из письма к жене>

Подравнив тебя, беру нежно тебя за уши и целую - благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас.
/XV, 184-185/

3 августа 1834

* * *

Пора, мой друг, пора! [покая] сердце просит -
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... И глядь - как раз - умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля -
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег. /III, 330/

<План продолжения стихотворения в рукописи>

Юность не имеет нужды в *at home* <пристанище - англ.>, зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен кто находит подругу - тогда удались он домой.

О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню - поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические - семья, любовь etc. - *религия, смерть*. /III, 941/

<Июнь (?) 1834>

Подчеркнутые Пушкиным слова “*религия, смерть*” в ПСС никак не отмечены, хотя другие слова, подчеркнутые в оригинале, выделены курсивом (замечание о. Бориса Васильева, с. 216).

* * *

Он между нами жил
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад - и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь

Наш мирный гость нам стал врагом - и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!... Боже! осяти
В нем сердце правдою Твоей и миром
И возврати ему... /III, 331/

10 августа 1834

Стихотворение вызвано публикацией резких антирусских стихов Адама Мишкевича. Ср. молитву иноков в "Борисе Годунове": "Да ниспошлет Господь любовь и мир / Его душе страдающей и бурной" /VII, 21/.

<Из письма к жене>

Вот уже скоро две недели как я в деревне <...> скучно, мой Ангел. И стихи в голову нейдут, и роман не переписываю. Читаю Вальтер-Скотта и Бюффю, а всё об вас думаю. <...> Прощай, Иисус Вас храни. /XV, 192-193/.

<Сентябрь 1834>

<Из статьи "О ничтожестве литературы русской">

Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена против господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония холодная и острая и насмешка бешеная и площадная. Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслью умственной деятельности человека. <...> Весь его разрушительный гений со всею свободою излился в цинической поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву Демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святыня обоих Заветов обругана ... /XI, 271-272/

<1834>

Из повести “Пиковая Дама”

V.

Три дня после роковой ночи, в девять часов утра, Германн отправился в *** монастырь, где должны были отпевать тело усопшей графини. Не чувствуя раскаяния, он не мог однако совершенно заглушить голос совести, твердивший ему: ты убийца старухи! Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков. Он верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь, - и решился явиться на ее похороны, чтобы испросить у ней прощения.

Церковь была полна. <...> Никто не плакал; слезы были бы - une affectation. Графиня так была стара, что смерть ее никого не могла поразить и что ее родственники давно смотрели на нее как на отжившую. Молодой архиерей произнес надгробное слово. В простых и трогательных выражениях представил он мирное усупение праведницы, которой долгие годы были тихим, умирительным приготовлением к христианской кончине. “Ангел смерти обрел ее, - сказал оратор, - бодрствующую в помышлениях благих и в ожидании жениха полночного”. /VIII, 246/

<1833-1834>

Евангелие от Матфея, гл. 25:

Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли на встречу жениху... И как жених замедлил, то задремали все, и уснули. Но в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите на встречу ему... Итак бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий.

Мф. 25: 1-13

Из "Песен западных славян"

1

Видение короля

Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят - королю лишь не спится:
Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозит
И в Стамбул отослать ее хочет.

Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воеет ночная птица,
Она чует беду немину,чу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.

Не сова воеет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет,
В церкви Божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.

Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви Божией не видит,
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в Божию церковь.

Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце,
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь Божию входит.

Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.
Он идет, шагая через трупы,
Кровь по шиколку ему достягает...

Горе! в церкви турки и татары
И предатели, враги богумилы.

На амвоне сам султан безбожный,
Держит он на-голо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.

Короля незапный обнял холод:
Тут же видит он отца и брата.
Пред султаном старик бедный справа,
Униженно стоя на коленях,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленях,
Его сын, Радивой окаянный,
Басурманскою чалмою покрытый
(С тою самою веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует,
Как холоп, наказанный фалангой.

И султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами
И промолвил потом Радивою:
“Будь над Боснией моей ты властелином,
Для гяур-християн беглербеем”.
И отступник бил челом султану,
Трижды пол окровавленный целуя.

И султан прислужников крикнул
И сказал: “Дать кафтан Радивою!
Не бархатный кафтан, не парчевый,
А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного”.
Басурмане на короля наскочили,
До-нага всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили мясо и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожею Радивоя.

Громко мученик Господу взмолился:
“Прав ты, Боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!”

При сем Имени церковь задрожала,
Всё внезапно утихло, померкло,-
Всё исчезло - будто не бывало.

И король ощупью в потемках
Кое-как до двери добрался
И с молитвою на улицу вышел.

Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба,
И пошли бусурмане на приступ. /III, 337-339/

Моление героя - это подобие Иисусовой молитвы: **“Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй мя, грешного”**. Ее глубинный смысл заключается в том, что при произнесении Имени Иисуса сам Господь присутствует в молитвенном общении с Ним. (Котельников, с. 22). В “Песне” Именем Иисуса изгоняется ужасное видение: “При сем Имени церковь задрожала ...”, ср. “Неба содроганье” в стихотворении “Пророк”.

2

Янко Марнавич

Что в разъездах бей Янко Марнавич?
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей он сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомшенья?

Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомшенья.
Но он бродит, как гайдук бездомный
С той поры, как Кирила умер.

В церкви Спаса они братовались,
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.

Веселое было пиrowанье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,
Два могучие беи побрались.

Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он тоскуя бродит,
Словно вол, ужаленный змиею.

Наконец он на родину воротился
И вошел в церковь Святого Спаса.
Там целый день он молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,
Потом лег и жене своей молвил:
“Посмотри, жена, ты в окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселе?”
Жена встала, в окошко поглядела
И сказала: “На дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно”.
Повернулся Янко Марнавич
И тихонько стал читать молитву.

Помолившись, он опять ей молвил:
“Посмотри, что ты видишь в окошко?”
И жена, поглядев, отвечала:
“Вижу, вон, малый огонечек
Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою”.
Улыбнулся Янко Марнавич
И опять стал тихонько молиться.

Помолясь, он опять жене молвил:
“Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что там еще видно?”
И жена, поглядев, отвечала:
“Вижу я на реке сиянье,
Близится оно к нашему дому”.
Бей вздохнул и с постели свалился.
Тут и смерть ему приключилась. /III, 340-341/

<1834>

Здесь в символической картине отражено православное понимание молитвы как связующего звена между Богом и человеком: покаянная молитва дает свет даже грешнику-братоубийце, приближая его в смертный час к Богу. Ср. в “Борисе Годунове” сцену смерти Бориса.

<Из дневника 1833-1835>

28 ноября 1834

В Тарутине пьяные ямщики чуть меня не убили. Но я поставил на своем. - Какие мы разбойники? - говорили мне они. - Нам дана воля, и поставлен столп нам в честь. Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник - и уверяют, что церковь была бы приличнее. Я доволен с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет. /XII, 332/

22 декабря 1834

Цензор Никитенко на обахте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю напечатал в Библиотеке Смирдина перевод оды В.Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: Если-де я был бы Богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои. Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался Государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. - Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты Бог,

То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это всё равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадрили. А всё виноват Глинка (Федор). После его ухарского псалма, где он заставил Бога говорить языком Дениса Давыдова, цензор подумал, что Он пустился во всё тяжкое...

Псалом Глинки уморительно смешон. /XII, 335/

Митрополит Петербургский Серафим (Глаголевский) (1757-1843). В 1828 он возбудил дело о поэме "Гавриилиада".

Февраль 1835

Филарет сделал донос на Павского¹, будто бы он лютеранин. - Павский отставлен от Великого князя. Митрополит² и Синод подтвердили мнение Филарета. Государь сказал, что в делах духовных он не судия; но ласково простился с Павским. Жаль умного, ученого и доброго священника! Павского не любят. Шишков, который набил академию попами, никак не хотел принять Павского в число членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в корнях президента. Митрополит на место Павского предлагал попа Кочтова, плута и сплетника. Государь не захотел и выбрал другого, человека, говорят, очень порядочного. Этот приезжал к митрополиту, а старый лукавец сказал: я вас рекомендовал Государю. /XII, 336-337/

¹ Протоиерей Герасим (Павский) (1787-1863) в 1816-1817 преподавал Пушкину в Лицее Закон Божий, позже был законоучителем сына Николая I - Александра Николаевича. Автор русских переводов псалмов (была издана Библейским обществом), Евангелия от Матфея, учительных и пророческих книг Ветхого Завета: последний перевод не вышел в свет и навлек на автора недовольство Синода. Для преподавания Великому князю Александру Николаевичу Закона Божия о. Герасим составил несколько методических пособий, из них “Христианское учение в краткой системе” и “Начертание церковной истории” были признаны неправославными. О. Герасим был блестящий знаток еврейского языка и автор первого и единственного тогда пособия по нему.

² Митрополит Петербургский Серафим, ср. запись от 22 декабря 1834. В некоторых комментариях упоминания Пушкиным в дневнике “митрополита” ошибочно относятся к митрополиту Московскому Филарету. Данная запись, где сказано, что митрополит подтвердил мнение Филарета, со всей очевидностью показывает, что, говоря о митрополите (“старом лукавце”), Пушкин имеет в виду именно Петербургского владыку Серафима.

Из Table-talk

Гёте имел большое влияние на Байрона. Фауст тревожил воображение Чалыд Гарольда. Два раза Байрон пытался бороться с Великаном романтической поэзии - и остался хром как Иаков. /XII, 163/ <1830-e>

Книга Бытия, гл. 32:

И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова... Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал ему: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом... И взошло солнце,.. и хромал он на бедро свое.

Быт. 32: 24-31 []

Два раза пытался бороться - в драматических поэмах “Манфред” и “Преображенный урод”.

* * *

Чудный сон мне Бог послал -
С длинной белой бороною,
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.
Он сказал мне: "Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь Царствия небес.
[Скоро странствию земному]
Твоему придет конец,
Уж готовит Ангел смерти
Для тебя святой Венец.
Путник, ляжешь на ночлеге,
В <гавань?>, плаватель, войдешь,
[Бедный] пахарь утомленный,
Отрешишь волов от плуга
На последней борозде.

Ныне грешник тот великий,
О котором предвещанье
Слышал ты <уже> <?> давно -
Грешник [долго] жданный,
[Наконец] к тебе [приидет]
Исповедовать себя
И получит разрешение,
И заснешь ты вечным сном".
Сон отрадный, благовещий -
Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Ах, ужели в самом деле
Близок я [к моей ко<нчине>]?
И страшуся и надеюсь ...
Казни вечная страшуся,
Милосердия надеюсь:
Успокой меня, Творец.
Но Твоя да будет воля,
Не моя.

- Кто там идет?.. /ПД, № 959/14-15/
<Апрель 1835>

Молитва св. Иоанна Дамаскина:

...Не ужели мне одр сей гроб будет... Се ми гроб предлежит, се ми смерть предстонт. Куда Твоего, Господи, боюся и муки безконечныя... Но, Господи,.. спаси мя... да не одолеет моя злоба Твоей неизглаголанней благодати и милосердию: и якоже хощеши, устрои о мне вещь.

Молитвослов, 21

Евангелие от Луки, гл. 22 (Моление Христа о чаше):

Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет.

Лк. 22: 42

В Малом ПСС печатается как вариант к переводу из Саути “На Испанию родную”. В.А.Сайтанов показал, что, напротив, Пушкин в переводе из Саути отступил от оригинала, включив в рассказ о короле Родрике “благодатное виденье”, напоминающее сюжет “Чудного сна”. Сайтанов отмечает здесь “элементы церковно-литературной традиции”: по свидетельству специалистов, в некоторых житиях “праведник, молящийся о пресечении жизни, получает обещание, что земной путь окончится для него после встречи с великим грешником, которого надо исповедовать” (В.А.Сайтанов. Третий перевод из Саути. // Пушкин. Исслед. Т. XIV, с.98-99, 107).

Об автобиографических мотивах стихотворения см. работу Л.М. Аринштейна, 1996, № 7, с. 602-603).

Заключительная “молитвенная” часть, написанная на одном дыхании - представляет собой переложение молитвы Иоанна Дамаскина, которая входит в вечернее молитвенное правило, т.е. читается ежедневно перед сном.

Ср. следующее стихотворение.

Странник

I.

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбью великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
“Что делать буду я? Что станет со мной?”

II.

И так я сетую в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я по неволе.

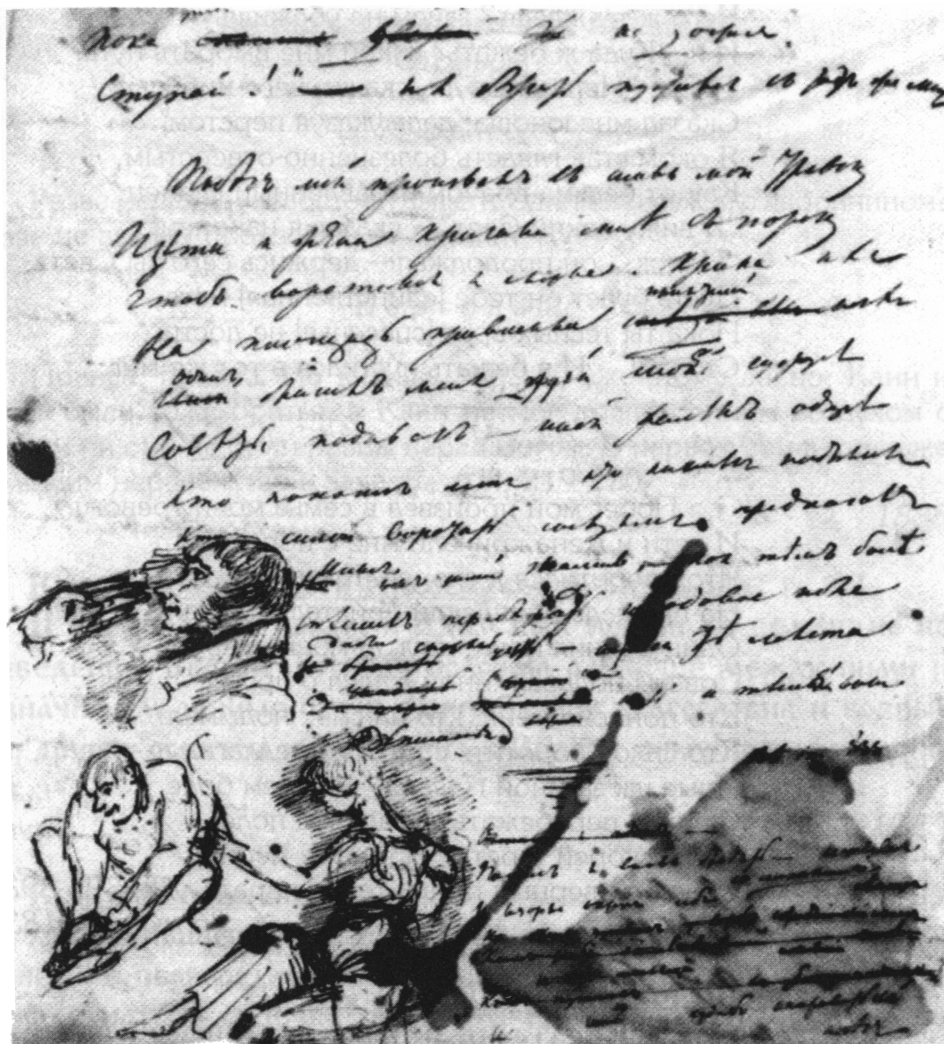
“О, горе, горе нам! Вы, дети, ты жена! -
Сказал я, - ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!”

III.

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроеным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Полутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос, я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Всё плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны, и кому суровый нужен врач.

IV.

Пошел я вновь бродить - уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,

Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
 Духовный труженик - влача свою веригу,
 Я встретил юношу, читающего Книгу.
 Он тихо поднял взор - и спросил меня,
 О чем, бродя один, так горько плачу я?
 И я в ответ ему: "Познай мой жребий злобный:
 Я осужден на смерть и позван в суд загробный -
 И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
 И смерть меня страшит."

- "Коль жребий твой таков,-

Он возразил, - и ты так жалок в самом деле,

Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?"
И я: "Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?"
Тогда: "Не видишь ли, скажи, чего-нибудь?" -
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
"Я вижу некий Свет", - сказал я наконец.
"Иди ж, - он продолжал: - держись сего ты Света;
Пусть будет он тебе [единственная] мета,
Пока ты тесных врат [спасенья] не достиг,
Ступай!" - И я бежать пустился в тот же миг.

V.

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть - оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата. /III, 391-393/
26 ию<...> 1835

Евангелие от Матфея, гл. 7:

Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

Мф. 7: 13-14

Переложение религиозно-философской аллегории Дж.Бениэна "Путь паломника". Стихотворение наполнено автобиографическим содержанием.

<Сцены из рыцарских времен>

(Отрывок)

Франц.

Разве мещанин недостоин дышать одним воздухом с дворянином?
Разве не все мы произошли от Адама?

Бертольд.

Правда, правда. Но видишь, Франц, уже этому давно: Каин и Авель были тоже братья, а Каин не мог дышать одним воздухом с Авелем - и они не были равны перед Богом. В первом семействе уже мы видим неравенство и зависть. /VII, 219-220/

1835

Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, гл. 33:

И все люди из праха, и Адам был создан из земли; но по всеведению Своему Господь положил различие между ними и назначил им разные пути: одних из них благословил и возвысил, других освятил и приблизил к Себе, а иных проклял и унижил...

Сир. 33: 10-12 []

Книга Бытия, гл. 4:

...Каин принес от плодов земли дар Господу, и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его... И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его.

Быт. 4: 3-5, 8 []

* * *

Когда Владыка Ассирийский
Народы казнию казил,
И Олоферн весь край Азийский
Его деснице покорил, -
Высок смиреньем терпеливым

И крепок верой в Бога сил,
Перед Сатрапом горделивым
Израил выи не склонил;
Во все пределы Иудеи
Проникнул трепет. Иереи
Одели вретищем алтарь;
Народ завыл, объятый страхом,
[Главу покрыв] золой и прахом,
И внял ему Всевышний Царь.

Притек Сатрап к уществам горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным;
Стеной, <как> поясом узорным,
Препоясáлась высота.

И, над тесниной торжествуя,
Как Муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине.

Сатрап смутился изумленный -
И гнев в нем душу помрачил ...
И свой совет разноплеменный
Он - любопытный - спросил:
"Кто сей народ? и что их сила,
И кто им вождь, и отчего
Сердца их дерзость воспалила,
И их надежда на кого?.."
И встал тогда сынов Аммона
Военачальник Ахиор
[И рек] - и Олоферн со трона
Склонил <к нему> и слух и взор.

/III, 406-407/
9 ноября 1835

Книга Иудифь, гл. 4, 5, 9:

Быны Израиля, жившие в Иудее, услышав обо всем, что
сделал с народами Олоферн, военачальник Ассирийского царя...
очень, очень испугались его и трепетали за Иерусалим и храм
Господа... Они послали во все пределы... а великий священник
Иоаким... написал жителям Ветилуи... чтобы они заняли вос-
ходы в нагорную страну, потому что чрез них был вход в

Иудею, и легко было им воспрепятствовать приходящим, так как тесен был проход... И с великим усердием возопили к Богу все мужи Израеля и смирили души свои... посыпали пеплом свои головы... облекли жертвенник во вретище (*В славянской Библии: и алтарь вретищем одеяша*) и единодушно зывали к Богу Израилеву... И Господь услышал голос их и призрел на скорбь их...

Между тем Олоферну... дано было знать, что сыны Израеля... заложили входы в нагорную страну и укрепили стенами всякую вершину высокой горы, а на равнинах устроили преграды. Он весьма разгневался и, призвав всех военачальников... сказал им: скажите мне,.. что это за народ,.. в чем их крепость и сила, кто поставлен над ними царем... (*В славянской Библии: вождь воинства их*) и почему они больше всех, живущих на западе, упорствуют выйти мне навстречу? Ахнор, предводитель всех сынов Аммона, сказал ему: выслушай,.. я скажу тебе истину об этом народе... Прежде они поселились в Месопотамии... и начали поклоняться Богу неба, Богу, Которого они познали... И доколе не согрешили пред Богом своим, счастье было с ними, потому что с ними Бог, ненавидящий неправду...

(*Молитва Юдифи*): Не во во множестве крепость Твоя, ниже могущество Твое в сильных, но смиренных еси Бог,.. заступник немощных... Сотвори... во всем племени познание, еже ведати, яко Ты еси, Боже, Бог всея силы и державы, и несть инаго защитника рода Израилева кроме Тебя.

Иудифь. 4: 1-15, 5: 1-17, [] 9: 11-14

Стихотворение представляет собой поэтическое переложение нескольких глав Книги Иудифь (подробно см.: М.Ф.Мурьянов. Из символов и аллегорий Пушкина. М., 1996, с. 200-222). Центром произведения Пушкина становится описание города Ветилуи, которое в библейском тексте отсутствует. Образ Ветилуи, белеющей в вышине, над которым поэт долго работал (сохранился целый лист черновых вариантов), восходит, вероятно, к картине Джорджоне “Юдифь”, знакомой Пушкину по Эрмитажу. Возможно, этот живописный образ был подкреплён кавказскими впечатлениями Пушкина, отраженными в стихотворении 1829 “Монастырь на Казбеке” (с. 159), о связи его с данным стихотворением см. работы о. Бориса Васильева, И. Сурат.

**<Статьи, опубликованные
в журнале “Современник” 1836>**

**Собрание сочинений Георгия Кониского,
Архиепископа Белорусского,
изд. протоиереем Иоанном Григоровичем.
СПб., 1835.**

Георгий Кониский известен у нас краткой речью, которую произнес он в Мстиславле Императрице Екатерине во время ее путешествия в 1787 году: “Оставим астрономам...” и проч. Речь сия, прославленная во всех наших реториках, не что иное, как остроумное приветствие, и заключает в себе игру выражений, может быть, слишком затейливую: по нашему мнению, приветствие, коим высокопреосвященный Филарет встретил Государя Императора, приехавшего в Москву в конце 1830 года, в своей умилительной простоте заключает гораздо более истинного красноречия. Впрочем различие обстоятельств изъясняет и различие чувств, выражаемых обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностью двора своего, встречаемая всюду торжествами и празднествами; Государь посетил Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасом.

Но Георгий есть один из самых достопамятных мужей минувшего столетия. Жизнь его принадлежит истории. Он вступил в управление своею епархией, когда Белоруссия находилась еще под игом Польши. Православие было гонимо католическим фанатизмом. Церкви наши стояли пусты или отданы были униатам. Миссионеры насильно гнали народ в униятские костелы, ругались над ослушниками, секли их, заключали в темницы, томили голодом, отымали у них детей, дабы воспитывать их в своей вере, уничтожали браки, совершенные по обрядам нашей Церкви, ругались над могилами православных. Георгий искал защиты у русского правительства; он доносил обо всем Св.Синоду, и жаловался нашему посланнику, находившемуся в Варшаве. Ревность его пуше озлобила гонителей. Доминиканец Овлачинский, прославившийся ненавистию к нашей Церкви, замыслил принести Георгия в жертву своему изуверству. В 1759 году Георгий, презирав опасности, ему угрожающие, поехал обозревать сетующую свою епархию. Овлачинский и миссионеры возмутили в Орше шляхту и жолнеров. Они разогнали народ, вышедший с хоругвями навстречу своему архипастырю, остановили колокольный звон, и с воплем ворвались в церковь, где Георгий священнодействовал. Преосвященный едва успел спастись от их сабель в стенах Кутеинского монастыря, откуда тайно вывезли его в телеге, прикрыв навозом. Другой изувер, свире-

пый Зенович, предводительствуя езуитскими воспитанниками, ночью в Могилеве напал на архиерейский дом. Буйные молодые люди вломились в ворота, перебили окна, ранили несколько монахов, семинаристов и слуг; но к счастью не нашли Георгия, скрывшегося в подвалах своего дома. <...>

В 1765 Георгий явился в Варшаве и пред троном Станислава с жаром заступился за тех, которые именовались еще подданными Польши. Король поражен был его словами. Он обещал свое покровительство диссидентам, и в следующем году действительно повелел “уния́тским архиереям, из среды своей избрав одного епископа, прислать в Варшаву, для изыскания и постановления надлежащих мер ко взаимному успокоению враждующих”. Но гордые польские магнаты, презрев посредничество России и Пруссии, отвергли справедливые требования диссидентов. Вследствие сего Екатерина повелела своим войскам двинуться к Варшаве. Там, за оградой русских штыков, созван был сейм, учреждена согласительная комиссия и диссидентам возвращены их прежние права.

Георгий, один из первых членов Случкой конфедерации, определен был в члены сей комиссии. Он опять отправился в Варшаву и деятельно занялся объяснением древних грамот, на коих основаны были права диссидентов. Он умел приобрести уважение своих противников и даже их доверенность. “Мы за вами еще живем, сказал однажды ему уния́тский епископ Шептицкий, а когда католики вас догрызут, то примутся и за нас”. Уния́ты втайне готовы были отложиться от Папы и снова соединиться с Греко-Российскою Церковью. Между тем Барская конфедерация, поддерживаемая политикою Шуазёля, воспламенила новую войну. Следствием оной был первый раздел Польши. Семь областей, древнее достояние нашего отечества, были ему возвращены - и в 1773 году Георгий явился пред Екатериною, уже как подданный, радостно приветствуя избавительницу и законную владычицу Белоруссии.

С тех пор Георгий мог спокойно посвятить себя на управление своею епархией. Просвещение духовенства, ему подвластного, было главною его заботою. Он учреждал училища, беспрестанно поучал свою паству, а часы досуга посвящал ученым занятиям. Он умер в 1795 году, будучи 77 лет от роду.

Ныне протоиерей И. Григорович издал собрание сочинений Георгия Кониского, присовокупив к книге своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописание Георгия Кониского.

Проповеди Георгия просты, и даже несколько грубы, как поучения старцев первоначальных; но их искренность увлекательна. Политические речи его имеют большое достоинство. Лучшая из них произнесена им Екатерине, по совершении ее коронования. Помешаем здесь несколько из его отдельных мыслей:

«Для молитвы пост есть то же, что для птицы крылья.

*

Когда грешник, не хотящий покаяться в беззакониях своих, молится Богородице и вопиет Ей: *радуйся!* то приветствие сие столько же оскорбляет Ее, как и то Иудейское *радуйся*, когда распинатели Христовы, ударяя в ланиту Божественного Сына Ея, приглашали: *ра-дуйся, Царю Иудейский!** Ибо нераскаянный грешник есть новый распинатель Христов.** Да ищем убо заступления и покрова Ея, но оставим наперед грехи свои: ибо с грехами и из-под ризы своей изринет нас.

*

Душа бессмертная, от бренного тела, как птица из растерзанной сети, весело излетевши, воспаряет в рай Богонасажденный, где вечно цветет древо жизни, где жилище Самому Христу и Избранным Его.

*

Телеса наши, в гробах согнившие и в прах рассыпавшиеся, возникнут от земли, как трава весною, и по соединении с душами восстанут, и укажутся всему небу, пред очами Ангелов и человеков, пред очами предков наших и потомков, одни яко пшеница, другие яко плевелы, ожидая серпов Ангельских, и того места, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевел.

*

*Вниде в клеть твою и помолися.**** Такая уединенная молитва и в соборе может иметь место, если молящийся уединился от всех забот и попечений и пребывает безмолвен среди молвы, его окружающей; если он, отрясши от чувств своих все страсти и вожделения, един с единым Богом беседует. Авраам, ведя сына своего Исаака на заклание, говорит сопровождающим его рабам: *сидите zde со ослятем, аз же и детиш пойдем до онде, и поклонившеся возвратимся к вам.***** Так истинно молящийся страстям своим, аки рабам, повелевает оставить его и ожидать, пока он молитву свою

* Матф. 27, 29.

** Евр. 6, 6.

*** Матф. 6, 6.

**** Быт. 22, 5.

Богу, аки Исаака, в жертву принесет. - О! сколь отличны от сего молитвы наши! Мы и в уединении целое торжище вокруг себя собираем. Молясь, и покупаем, и продаем, и хозяйством управляем, и о лихоимстве заботимся, и друзьям ласкательствуем, и на врагов вооружаемся, и о сластях помышляем, и о сундуках своих трепещем. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы преисполненное? Где тут ум, разумеющий глаголы свои? Где сердце, долженствующее прилепиться к Богу? Одни уста трубят, и язык, как кимвал, звяцает; а мысли - как птицы в воздухе, по всем странам носятся; а сердце - холодно, как бездушный труп, зарытый вместе с сокровищем нашим.

*

Иосиф, проданный братьями своими во Египет, соделавшись правителем царства, дал им в удел самую богатую землю, Гесем именуемую.* Сын Божий, по безмерной благодати своей, соединившийся с нашею природою, и таким образом соделавшийся Братом нашим, дает нам не часть некую области небесной, но всё царство Свое нераздельно. Небо отверсто для нас; престолы уготованы; объятия Божественного Брата нашего ждут нас. Пойдем, полетим к Нему: но прежде должны мы сбросить с себя всю тяготу мирскую, влекущую нас к земле.

*

Неверующему чудесам мы смело можем сказать с блаженным Августинном: “Большее из всех чудес чудо есть то, что два-на-десять человек, бескнижных, безоружных, нищих, проповедовавших крест, победили не только Владык и сильных земли, но и самих богов языческих, и целый свет Христу покорили”. Ты возразишь мне на сие, что сии победители мира сами были умерщвлены, и ни один почти из них не кончил жизни без мучений, без креста, меча и огня. Но вот мой краткий ответ: на то и посланы были сии победители своим Воеводою: *Се Аз посылаю вас яко овцы посреде волков: предадут вы на сонмы, и на соборишах их бьют вас.*** Особое убо чудо миру и печать истины Евангельской есть страдальческая смерть посланников-победителей. Но посмотри, что с сими убиенными последовало? Цари персть их почитают и, отложив порфиру и венец, благоговейно преклоняют колена пред гробами их.

*

Нигде не читаем, чтобы язычники страдали так за своих идолов, как Мученики Христианские за веру Христову. Да и в нынешних бо-

* Быт. 47, 6, 11.

** Матф. 10, 16, 17.

гоборных сонмищах атеистов и натуралистов, в главных гнездах их, во Франции и Англии, нашелся ли хотя один такой ревнитель, который бы за безбожие свое или натурализм произвольно на муки дерзнул? У нас в России, за несколько пред сим лет, известный боярин, уличенный в безбожии, одним показанием кнута отрекся того.

*

Говорят многие: почему молитвы наши ни чудес не творят, ни лучшей перемены в нас не производят. Ах, стыдно и вспоминать молитвы наши! Об них можно то же сказать, что сказал кормчий одному бывшему на корабле беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, все плователи обратились к молитве, и вместе с ними и оный беззаконник нечто промолвил, то кормчий остановил его сими словами: “Ты, пожалуй, помолчи: не знает де Бог, что и ты с нами, и потому еще между отчаянием и надеждою находимся; а как де услышит твою святую молитву, так мы и погибли”. - Достойна ли молитва имени своего, когда она в одних устах обращается, а ум не помнит и не знает того, что болтает язык? Читаем: *глаголы моя внуши, Господи, разумеи звание мое**, а сами ни глаголов не внушаем, ни звания нашего не разумеем. Такая молитва переменит ли нас, окаянных и грешных, в добрых и богоугодных? Грешными в церковь приходим, грешнейшими выходим.

*

Радость плотская ограничивается наслаждением: по мере как затихает веселый гудок, затихает и веселость. Но радость духовная есть радость вечная; она не умаляется в бедах, не кончается при смерти, но переходит и по ту сторону гроба.

*

Важны ли добрые дела наши в деле спасения? Я объясню тебе вопрос сей подобием. Возьми небольшой кусок меди и понеси его на торжище; там за него ты ничего не купишь: всякий с насмешкою скажет тебе известную пословицу: “Приложи копейку, то купишь калач”. Но ежели тот самый металл будет иметь изображение Государя твоего или другой знак его монеты, то купишь за него, что тебе надобно. Так точно и дела наши. Ежели ты не имеешь Веры и упования на Христа Спасителя, не сомневайся признать, что они суетны. Но те самые дела совокупи с Верою и упованием на Него, тогда они будут

* Псал. 5,2.

важны; и если потребно тебе откупиться от грехов, или купить небесные вечные утехи, - купишь ими несомненно.

*

Мы познаем разумом души; а телесные очи суть как бы очки, чрез кои душевные очи смотрят.

*

Чужий грех на мне не лежит. Но если чужий грех содевается моим советом, согласиём или неосторожным примером, тогда он не только лежит на мне, но как жернов, тяготит душу мою. *Горе человеку тому, говорит Сам Спаситель, имже соблазн приходит!** Действительно, грех соблазна прежде меня, прежде моей смерти, предшествует на Суд Божий, и уже по кончине моей следует туда же за мною. Скажу то же иными словами. Все соблазненные примером моим, и прежде меня позванные на Суд Божий, уже понесли туда грехи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тут еще не всё. Я умер и перестал грешить: но все соблазненные мною, и притом все, от соблазненных мною вновь соблазняемые, оставаясь еще в сей жизни, посылают, вслед за мною, бесчисленные беззакония, от единого примера моего, яко от единого блата, истекающие. Убо готовы для меня новые, сугубые мучения! Вот как ужасен грех соблазна, ужаснее многоглавой Лернейской гидры!»

Кониский написал также несколько стихотворений Русских, Польских и Латинских. В художественном отношении они имеют мало достоинства, хотя в них и виден дух мыслящий. Следующая элегия показала нам достопримечательна /XII, 12-18/:

Серпа ожидают созрелые класы;
А нам вестники смерти - седые власы.
О! смертный, беспечный, посмотри в зеркало:
Ты сед, как пятьдесят лет тебе миновало.
Как же ты собрался в смертную дорогу?
С чем ты предстанешь Правосудному Богу?
Путь смертный безвестен и полон разбоя:
Искусного, храброго требует конвоя.
Кто ж тебя поведет и за тебя сразится?
Друг, проводив тебя к гробу, в дом возвратится.
Изнеможешь, пеший, таща грехов ношу!
Ах! тут-то нужно иметь подмогу хорошу,
Подмогу, какая дана Сикеоту:
Но - та дана слезам, кровавому поту.

* Матф. 18, 7.

А ты много ли плакал за грехи? Считайся.
Не весь ли век твой есть цепь грехов? Признайся.
Ах! вижу, ты нагиш, как родила мати:
Ни лоскутка на душе твоей не сыскати!
Поверь же, не внидешь в небесны чертоги:
В ад тебя низринут, связав руки, ноги.
Без масла дел благих гаснет свеча Веры;
Затворятся брачные буим девам двери;
Может быть, при смерти, “помяни мя” скажешь
И тем уста свои навсегда завяжешь.
И так, доколе древа топор не коснется,
Плод добрых дел тебе принесть остается. /7, 229/

**Об обязанностях человека.
Сочинение Сильвио Пеллико**

На днях выйдет из печати новый перевод книги “*Dei doveri degli uomini*”, сочинения славного Сильвио Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *пословицею народов*; она не включает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, - и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие.

И не всуе, собираясь сказать несколько слов о книге кроткого страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественном Евангелии: мало было избранных (даже между первоначальными пастырями Церкви), которые бы в своих творениях приблизились кротостию духа, сладостию красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди Небесного учителя.

В позднейшие времена неизвестный творец книги “О подражании Иисусу Христу”, Фенелон и Сильвио Пеллико в высшей степени принадлежат к сим избранным, которых Ангел Господний приветствовал именем *человеков благоволения*.

Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах и, получая свободу, издал свои записки. Изумление было всеобщее: ждали жалоб, напитанных горечью, - прочли умилительные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви и доброжелательства.

Признаемся в нашем суетном зломыслии. Читая сии записки, где ни разу не вырывается из-под пера несчастного узника выражения нетерпения, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скры-

тое намерение в этой ненарушимой благосклонности ко всем и ко всему; эта умеренность казалась нам искусством. И, восхищаясь писателем, мы укоряли человека в неискренности. Книга “*Dei doveri*” устыдила нас и разрешила нам тайну прекрасной души, тайну человека-христианина.

Сказав, какую книгу напомнило нам сочинение Сильвио Пеллико, мы ничего более не можем и не должны прибавить к похвале нашей. <...>

/XII, 99-100/

Евангелие от Матфея, гл. 20:

...Много званых, а мало избранных.

Мф. 20: 16 (также 22: 14)

Евангелие от Луки, гл. 2:

И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение.

Лк. 2: 13-14

Ср. с. 167.

**Словарь о Святых
прославленных в Российской Церкви, и о некоторых
сподвижниках благочестия местно-чтимых. 1836 г. С.П.Б.**

В наше время главный недостаток, отзывающийся во всех почти ученых произведениях, есть отсутствие труда. Редко случается критике указывать на плоды долгих изучений и терпеливых разысканий. Что же из того происходит? Наши так называемые ученые принуждены заменять существенные достоинства изворотами более или менее удачными: порицанием предшественников, новизною взглядов, приноровлением модных понятий к старым давно известным предметам и пр. Таковые средства (которые, в некотором смысле, можно назвать шарлатанством) не подвигают науки ни на шаг, поселяют жалкий дух сомнения и отрицания в умах незрелых и слабых и печалют людей истинно ученых и здравомыслящих.

Словарь о святых не принадлежит к числу опрометчивых и скороспелых произведений, наводняющих наши книжные лавки. От-

четливость в предварительных изысканиях, полнота в совершении предпринятого труда поставили сию книгу высоко во мнении знающих людей. Издатель на своем поприще имел предшественником Новикова, напечатавшего в 1784 году *Опыт Исторического Словаря о всех в истинной православной вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах*. С того времени прошло более пятидесяти лет; средства и источники умножились; для нового издателя труд был облегчен, но вместе с тем и удвоен. В *Опыте* Новикова помещено 169 имен угодников, с описанием их жития или безо всякого объяснения: *Словарь о святых* заключает в себе 363 имени, т.е. более, нежели вдвое. У Новикова источники изредка указаны внизу самого текста: в нынешнем “Словаре” полный “Указатель” источникам напечатан особо, в два столбца, мелким шрифтом, и составляет целый печатный лист.

«Церковь Российская, - сказано в предисловии, - весьма осторожно оглашала святыми угодников своих, и только по явном открытии нетления мощей, прославленных чудесами, помещала их в месяцесловы. Россия к утверждению православия своего видела во многих местах явное знамение благодати над мощами тех, кои святостию жизни, примером благочестия или христианским самоотвержением явили себя достойными почитания; но имена сих угодников не были внесены в “Общие Святцы Российской Церкви”, а память их совершалась в тех только местах, где они почивают. Причиною такой местности было отделение духовной власти Новгорода от главной духовной власти России и потом разделение митрополии на Киевскую и Московскую. Уже в половине XVI века Московский митрополит Макарий, составляя “Великие Четы-Минеи”, собрал жития и некоторых святых, еще дотоле в Патериках не помещенных, и для установления им служб имел в Москве, 1547 года, собор, на котором двенадцати святым российским назначено повсюду празднование и службы, а девяти только в местах, где мощи их почивают. Те церкви, которые не успели на собор представить свидетельств о своих местных угодниках, после получали, по рассмотрению митрополита, дозволение совершать память их, и потом, при Патриархах, некоторые из них внесены в общие месяцесловы. Митрополит Ростовский Димитрий, в своих Четьих-Минях поместил преподобных Киевопечерских под числом совершения их памяти. Но и за сим многие не внесены в месяцесловы, хотя некоторым сочинены особые службы, кондаки и тропари: таковы угодники новгородские, псковские, вологодские и другие.

В предлагаемом “Словаре” помещены жития святых, прославленных в Российской Церкви; жития некоторых других подвижников благочестия, коих память благоговейно сохраняется там, где они жили или почили; наконец краткие известия о тех богоугодно-поживших,

которых имена выписаны из синодиков или древних монастырских записок. При описании жизни святого, прославленного во всей Российской Церкви, обозначены в “Словаре” месяц и число совершения памяти; относительно прочих также означает место и день, когда читается их память совершением молебных пений или панихид, по введенному постановлением или преданием обычаю».

Слог издателя должен будет служить образцом для всех ученых словарей. Он прост, полон и краток. Нам случилось в “Энциклопедическом лексиконе” (впрочем, книге необходимой и имеющей столь великое достоинство) найти в описании какого-то сражения уподобление одного из корпусов кораблю или птице, не помним наверно чему: таковые риторические фигуры в каком-нибудь ином сочинении могут быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя; но в словаре они во всяком случае нестерпимы.

Издатель “Словаря о святых” оказал важную услугу Истории. Между тем книга его имеет и общую занимательность: есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно. Не позволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не дивиться крайнему их нелюбопытству.

Наконец и библиофилы будут благодарны за типографическую изящность издания: “Словарь” напечатан в большую осьмушку, на лучшей веленовой бумаге, и есть отличное произведение типографии Второго Отделения Собственной Канцелярии Е.И.В. /XII, 101-103; XVII, 63/

О святом покровителе Пушкина до сих пор ведутся споры. Называются прп. Александр Куштский, свт. Александр Константинопольский и блгв.кн. Александр Невский. Известно, что современники отмечали именины Пушкина 30 августа: в этот день празднуется память нескольких святых по имени Александр, в частности, и Александра Константинопольского, но в России 30 августа особенно торжественно праздновалась память перенесения в Петербург мощей св. Александра Невского (см. с. 79 и 190 - упоминание этого праздника самим Пушкиным и кн. Вяземским). Наиболее убедительным представляется нам мнение о том, что Пушкин был крещен в честь св. благоверного князя Александра Невского - он был особенно почитаем в семье поэта, ср. в “Моей родословной” 1830:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил /III, 262/.

Упоминается “Невский герой” и в раннем стихотворении “Князю А.М.Горчакову” 1814 /I, 51/, написанному к именинам Горчакова - дню св. Александра Невского.

Подробно о святом покровителе Пушкина см. работы Н.И.Грановской и Э.С. Лебедевой: *Вып. 4. С. 68-81.*

<Цикл стихотворений 1836>

Цикл образуют стихотворения, написанные летом 1836 на Каменноостровской даче. Пушкин пометил их в рукописи римскими цифрами. Стихотворения под цифрами I и V неизвестны. По предположению В.Старка, цикл связан с воспоминанием событий Страстной недели: среда - последний день, когда на службе в храме читается молитва св. Ефрема Сирина ("Молитва" - II); четверг - день предательства Иуды ("Подражание италиянскоиу" - III); Страстная пятница - воспоминание о крестных муках Спасителя ("Мирская власть" - IV), см. В.П.Старк "Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина в 1836 г." // *Пушкин: Исслед.* Т. X, с. 193-203.

<I>

<.

.>

II

Молитва

Отцы Пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую Священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи. /III, 421/

22 июля

Молитва св. Ефрема Сирина:

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Эй, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Молитвослов, 113

смерть
идея (смерть), и в нем
мгновенно и в одно мгновение
22 июня
1946.

III

(Подражание Италианскому)

Как с древа сорвался предатель Ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань Геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому Владыке,
И Сатана, привстав, с веселием на лице
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа. /III, 418/
22 июня

Подражание сонету Франческо Джанни “Sopra Giuda”. Подробно проанализировано С. Давыдовым (Давыдов, с.91).

IV

Мирская власть

Когда великое свершалось торжество
И в муках на кресте кончалось Божество,
Тогда по сторонам Животворяща древа

Мария-грешница и Пресвятая Дева,
Стояли, бледные, две слабые жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь Креста Честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража? -
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей? -
Иль мните важности придать Царю Царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих Господ,
Пускать не велено сюда простой народ? /З, 333/
5 июля

Согласно **Евангелию от Иоанна**, гл. 19, "при кресте Иисуса стояли мать Его... и Мария Магдалина" (Ин. 19:25). В страстную пятницу 1836 г. у распятия в Казанском соборе были выставлены часовые.

Царем Царей назван в Апокалипсисе Иисус Христос (Откр. 19: 16).

<V>

<.

.>

VI

(Из Пиндемонти)

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали Боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать Царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая Цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова.*

Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне Свобода:
Зависеть от Царя, зависеть от народа -
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь Божественным Природы красотам,
И пред созданиями Искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.

- Вот счастье! вот права... /III, 420; 3, 336/

5 июля

* * *

Напрасно я бегу к Сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так <?>, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий. /III, 419/
<Начало июля 1836>

Псалтирь (псалмы 16, 41, 83, 98):

Блажен человек,.. у которого в сердце стези направлены к
Тебе... они... являются пред Богом на Сионе. (Пс. 83: 6,8)

Господь в Сионе велик, и высок Он есть над всеми людьми.
(Пс. 98: 2)

Врази мои душу мою одержаша. Изгоняции мя ныне обы-
доша мя, очи мои возложивша уклонити на землю. Объяша мя
яко лев готов на лов... (Пс. 16: 9, 11-12)

Имже образом желает елень на источники водная, сице
желает душа моя к Тебе, Боже. (Пс. 41: 2)

См. специальную работу М.Ф. Мурьянова (1991).

К.И. Зайцев видел в наброске Пушкина “удивительную парафразу знаменитых
слов Апостола Петра” (Зайцев К.И. Религиозная проблема Пушкина // Пушкин и
его время. М., 1997, с. 446), очевидно разумея Первое соборное послание: “Про-
тивник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить” (I Пет. 5: 8).

* * *

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолей,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут, -
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя... /III, 422-423/

14 августа 1836

К теме сельского кладбища Пушкин впервые обратился в 1834 ("Стою печален на кладбище" - III, 333 и 947). В стихотворении 1836 г. Пушкин противопоставляет петербургское кладбище некрополю Святогорского монастыря, где в апреле 1836 он похоронил свою мать и заказал место для своей будущей могилы.

* * *

*Exegi monumentum.*¹

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,²
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру - душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит -
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокой век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.³

Велению Божию, о муза, будь послушна,⁴
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца. /III, 424/

21 августа 1836

¹ Я воздвиг памятник (лат.) - Гораций, ода XXX, кн. III.

² Написано непосредственно после праздника перенесения Спаса Нерукотворного Образа (16 августа). См.: Keil, 1978.

³ Первоначальный вариант строфы:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел. /III, 1035/

Здесь Пушкин подводит итог своим усилиям пробудить “милость к падшим” в душе Императора Николая, ср. “Стансы” 1827, “Друзьям” 1828, “Герой” 1830 и др. Надежды Пушкина на милосердие Николая особенно возросли после “великодушного посещения” Императором холерной Москвы в 1830: “Каков Государь! молодец! того и гляди, что наших каторжников простит” /XIV, 122/, - однако его надеждам на прощение декабристов не суждено было сбыться. По свидетельству Гоголя, Пушкин видел божественное предназначение царской власти в смягчении законов, в милосердии и христианском прощении врагов и “падших” (Гоголь, с. 89).

⁴ В черновике: “Призыванью своему ...”, “Святому жребию...” /III, 1034/. Эта строфа связывает стихотворение с “Пророком” 1826 (см. с. 143) и отсылает к пророческим книгам Библии:

Книга пророка Иезекииля, гл. 2:

И рече Господь ко мне: ...послю тя аз к дому Израилеву... и познают, яко пророк еси ты посреде их. И ты, сыне человек, не убоишися их,.. зане разсверепеют и обыдут тя окрест, посреде бо скорпиев ты живе-

ши: словес их не ўбойся и от лица их не ўжасайся,.. и воглаголещи
словеса моя к ним, аще ўбо ўслышат, или ўбоятся...

Иез. 2: 3, 5-7

<Из последних писем>

<К кн. В.Ф. Одоевскому>

*Конечно, Княжна Зизи имеет более истинны и занимательности, нежели Сильфида. Но всякое даяние Ваше благо. /XVI, 210/
<Конец ноября - декабрь 1836>*

...Всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть...

Литургия, 52

Ср. с. 159. Речь в письме идет о повестях кн. Одоевского для пушкинского журнала "Современник".

<К А.И. Тургеневу>

*Вот Вам Ваши письма. Должно будет вымарать <...>
некоторые искренние, душевные слова, ибо не мечите etc. /XVI, 218/
16 января 1837*

Евангелие от Матфея, гл. 7:

Не дадите святая псом; ни пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут их ногами своими, и вращшеся расторгнут вы.

Мф. 7: 6

<К гр. К.Ф. Толю>

Как ни сильно предубеждение невежества, как ни жадно приемлется клевета, но одно слово, сказанное таким человеком, каков Вы, навсегда их уничтожает. Теней с одного взгляда открывает истину, а Истина сильнее Царя, говорит Священное Писание. /XVI, 224/

26 января 1837

Об этом письме см. специальную работу Г.М.Воронцова-Вельяминова "Истина сильнее царя" // Вопросы литературы, 1983, № 4, с. 210-216.

Письмо написано накануне роковой дуэли.

СМЕРТЬ ПОЭТА И ЕГО НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ

СОВРЕМЕННОКИ ПУШКИНА О ЕГО КОНЧИНЕ

Из воспоминаний кн. Павла Вяземского (о событиях осени 1836 г.)

... **П**ушкин постоянно и настойчиво указывал мне на недостаточное мое знакомство с текстами Священного писания и убедительно настаивал на чтении книг Ветхого и Нового Завета.
(Кн. П.П. Вяземский. Собрание сочинений. СПб., 1893, с.547)

Из письма П.А. Плетнева к Я.О. Гроту:

Любимый со мною разговор его <Пушкина>, за несколько недель до его смерти, все обращен был на слова: “Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение”.
(П. в восп. Т. 2, с.257)

Евангелие от Луки, гл. 2:

И внезапно бысть со Ангелом множество вой небесных, хвалящих Бога, и глаголющих: Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение.

Лк. 2: 13-14

Ср. с. 224.

После дуэли

...В эти последние часы жизни он как будто сделался иной: буря, которая за несколько часов волновала его душу яростною страстию, исчезла, не оставив на нем никакого следа; ни слова, ниже воспоминания о поединке. Однажды только, когда Данзас упомянул о Геккере, он сказал: “Не мстить за меня! Я все простил”.

Но вот черта, чрезвычайно трогательная. В самый день дуэля, рано поутру, получил он пригласительный билет на погребение Гречева сына. Он вспомнил об этом посреди всех страданий. “Если увидите Греча, - сказал он Спасскому, - поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участие в его потере”. У него спросили: желает ли он исповедаться и причаститься. Он согласился охотно, и положено было призвать священника утром.

(В.А. Жуковский. Письмо к С.Л. Пушкину, 15 февраля 1837)
(П. в восп. Т. 2, с. 347)

* * *

Пришел священник, исповедал и причастил его. Священник говорил мне после со слезами о нем и о благочестии, с коим он исполнил долг христианский. Пушкин никогда не был *esprit fort*¹, по крайней мере не был им в последние годы жизни своей: напротив он имел сильное религиозное чувство, читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотою многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их ...

Пожелал он видеть Карамзину. Мы за нею послали. Прошаясь с нею, просил он ее перекрестить его, что она и исполнила. Данзас, желая выведать, в каких чувствах умирает он к Геккерну, спросил его: не поручит ли он ему чего-нибудь в случае смерти касательно Геккерна? “Требую, отвечал он ему, чтобы ты не мстил за мою смерть, прошая ему и хочу умереть христианином”.

Вот все, что на эту минуту могу припомнить из всего того, что мы видели. Ручаюсь совестью, что нет тут лишнего слова и никакого преувеличения. Напротив, вероятно многого нет. Собираем теперь что каждый из нас видел и слышал, чтобы составить полное описание, засвидетельствованное нами и докторами. Пушкин принадлежит не одним близким друзьям, но и из сказанного здесь мною ты можешь видеть, в каких чувствах, в каком расположении ума и сердца своего кончил жизнь Пушкин. Дай Бог нам каждому подобную кончину.

(кн. П.А. Вяземский - А.Я. Булгакову, 5 февраля 1837)

¹ вольнодумец (франц.)

...Уже начался последний процесс жизни... Но мысли его были светлы. Изредка только полудремотное забытие их отуманивало. Раз он подал руку Дально и, пожимая ее, проговорил: "Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше..." Но, очнувшись, он сказал: "Мне было пригрезилось, что я с тобой лечу вверх по этим книгам и полкам; высоко... и голова закружилась"... Даль, по просьбе его,.. приподнял повыше; и вдруг, как будто проснувшись, он быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: "Кончена жизнь". Даль, не расслышав, отвечал: "Да, конечно, мы тебя положили". "Жизнь кончена!" - повторил он внятно... Я смотрел внимательно, ждал последнего вздоха; но я его не заметил. Тишина, его объявлявшая, казалась мне успокоением. Все над ним молчали,.. не смея нарушить великого таинства смерти, которое свершилось перед нами во всей умирительной святине своей.

Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо... Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею... Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное,.. удовлетворенное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: "Что видишь, друг?" Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскальзывала в нем и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина.

(В.А.Жуковский. Письмо к С.Л.Пушкину, 15 февраля 1837 -
П. в восп. Т. 2, с. 353-354)

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ ПУШКИНА

<Наброски к замыслу так называемой “Адской поэмы”>

* * *

[В] дали тех пропастей глубоких,
Где в муках вечных и жестоких]

Где слез во мраке льются реки,
Откуда изгнаны навеки
Надежда, мир, любовь и сон,
Где море адское клокочет,
Где, [грешника] внимая стон,
Ужасный Сатана хохочет /II, 469/

<1821>

* * *

“Скажи, какие заклинанья
Имеют над тобою власть?”
- Все хороши: на все призванья
Готов я как бы с неба пасть.
Довольно одного желанья -
Я, как догадливый холоп,
В ладони по-турецки хлоп,
Присвистни, позвони, и мигом
Явлюсь. Что делать - я служу,

Живу, кряхчу под вечным игом,
Как нянька бедная, хожу
За вами - слушаю, гляжу. /II, 380/

<1822-1824>

Исследователи связывают первый отрывок с замыслом поэмы "Влюбленный бес".
Второй фрагмент обычно печатается среди набросков к замыслу о Фаусте 1825,
однако он датируется более ранним периодом (*Летопись*, 318, 666)

<Наброски к так называемому "замыслу о Фаусте">

* * *

- Вот Коцит, вот Ахерон,
Вот горящий Флегетон.
Доктор Фауст, ну смелее,
Там нам будет веселее. -
- Где же мост? - Какой тут мост,
На вот - сядь ко мне на хвост.

- Кто идет? - Солдат.
- Это что? - Парад.
- Вот обер-капрал,
Унтер-генерал.

- Что горит во мгле?
Что кипит в котле?
- Фауст, ха ха ха,
Посмотри - уха,
[Погляди] - цари.
О вари, вари!...

- Сегодня бал у Сатаны -
На именины мы званы -
[Смотри как эти два бесенка
Усердно жарят поросенка],
А этот бес - как важен он,
Как чинно выметает вон
Опилки, серу, пыль и кости.
- Скажи мне, скоро ль будут гости?

- Так вот детей земных изгнание?
Какой порядок и молчанье!
Какой огромный сводов ряд,
Но где же грешников варят?
Всё тихо. - Там, гораздо дале.
- Где мы теперь? - В парадной зале.

* * *

242

Старик, закрыв святую Книгу,
Застежки медные сомкнул.
Старуха ставит бедный ужин
На стол и всю семью зовет.
Никто нейдет, забыв о пище.
Текут в безмолвии часы.
Уснуло всё под сенью ночи.
Еврейской хижины одной
Не посетил отрадный сон.
На колокольне городской
Бьет полночь. - Вдруг рукой тяжелой
Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
Младой еврей встает и дверь
С недоумением отворяет -
И входит незнакомый странник.
В его руке дорожный посох. /III, 44/

<1826>

“Начало неосуществленного замысла, о котором писал в своем дневнике Ф. Малевский. На вечере у Ксенофонта Полевого 19 февраля 1827 г. Пушкин говорил о своем замысле на тему “Вечного жида”: «В хижине еврея умирает дитя. Среди плача человек говорит матери: “Не плачь. Не смерть, а жизнь ужасна. Я странствующий жид. Я видел Иисуса, несущего крест, и издевался”. При нем умирает двадцатилетний старец. Это на него произвело большее впечатление, чем падение Римской империи”». (Примечание Б.В.Томашевского - 2, 385)

<Перечень драматических замыслов>

Скупой
Ромул и Рем
Моцарт и Сальери
Дон-Жуан
Иисус¹
Беральд Савойский
Павел I
Влюбленный бес
Димитрий и Марина
Курбский /РП, 276/

<1826-1828>

¹ Драматический замысел об Иисусе не был осуществлен Пушкиным. Ю.М.Лотман, предпринявший реконструкцию этого замысла, полагал, что, подобно тому, как в основе “маленьких трагедий” лежат конфликты между эпохами и культурами, в основе замысла об Иисусе должно было находиться “столкновение эпохи античного язычества и новой христианской цивилизации”. Исследователь считал сюжет об Иисусе Христе одним из постоянных “спутников” Пушкина, “сквозных сюжетов”, “к которым он, варьируя и изменяя их, упорно обращается в разные моменты своего творчества” (Лотман, 1982, с. 22, 27). См. также план “Повести из римской жизни”.

<Тазит>

Тазит и миссионер. Рис. А.С.Пушкина 1829.

Ср. в плане поэмы: “Юноша и монах”; “[священник] Миссионер” /V, 336/

<“С намерением переводить Иова”>

<Из письма П.В. Киреевского к Н.М. Языкову>

Пушкин был недели две в Москве и третьего дня уехал. Он учится по-еврейски, с намерением переводить Иова ...

12 октября 1832

(“Исторический вестник”, 1883, декабрь, с. 535)

Свидетельство Киреевского подтверждается рядом фактов: в 1832 г. Пушкин записал древнееврейский алфавит с указанием звучания, названия и греческих соответствий буквам /РП, 24-25; 60-63/: с 1831 г. Пушкин начал приобретать тома двужычного французско-еврейского издания Библии 1831-1836 (Модзалевский, № 605; далее в скобках указаны номера книг по каталогу Модзалевского). В библиотеке поэта сохранился стихотворный французский перевод Книги Иова 1826 (№ 1107) и специальные издания: английский учебник древнееврейского языка 1829 (№ 1014) и древнееврейский словарь, предназначенный для чтения Священного Писания в оригинале: “Lexicon Hebraicum et Chaldaicum: complectens voces omnimodas quæ in Sacris Bibliis exstant... Studio Ioannis Buxtorfii. Glasguae. 1824 (№ 692).

Ср. обращения к Книге Иова в поэзии Пушкина 1828-1830 - сс. 152-153, 163-166.

<План “Повести из римской жизни”>

<...> Первый вечер <...> (Мы находим П.<етрония> с своим лекарем - он продолжает рассуждение о роде смерти - избирает теплые ванны и кровь) <...> Он перевязывает рану - и начинаются рассказы - 1) о Клеопатре - наши рассуждения о том. 2) вечер П.<етроний> приказывает разбить драгоценную чашу - диктует Satyricon - рассуждения о падении человека - о падении богов - о общем безверии - о предрассудках Нерона - [Хр.] раб христианин... /VIII, 936/

<1833-1835>

Проанализирован Ю.М.Лотманом (1982) в связи с неосуществленным драматическим замыслом Пушкина об Иисусе Христе (см.): “Вторая ночь должна была начаться страшной картиной духовного развала римского мира... После разговоров об “общем безверии” и слов о смерти языческих богов в рукописи плана появляется зачеркнутая позднее помета «Хр.», что естественнее всего расшифровать как «Христос». Это и есть тема “рассуждений” второй ночи. Пушкин зачеркнул имя Христа и обозначил не тему, а рассказчика, вписав: “раб христианин”. Расшифровка темы рассуждений второй ночи позволяет увидеть в, казалось бы, неоконченном и бесформенном отрывке исключительную стройность композиции и значительность мысли; картина духовного одичания и полной истощенности античной цивилизации со-

относится с двумя альтернативными рассказами: в одном (о Клеопатре - И.Ю.) воссоздается сконцентрированный образ языческой римско-эллинистической культуры - апофеоз чувственной любви, наслаждения..., в другом - образ новой, наступающей христианской цивилизации и новых истин, проповедуемых рабом... Если предположить, что в центре рассказа раба должен был находиться эпизод тайной вечера, то всё построение приобретает еще большую стройность: сюжет организуется тремя пирами - пир Клеопатры, пир Петрония и пир Христа ... С точки зрения параллелизма сцен показательно, что Пушкин ... ввел из Плиния упоминание о разбитой чаше. Возможно, что это нужно было ему, чтобы ввести рассказ о молении о чаше ... Символика чаши жизни и чаши страданий пронизывает последние главы всех четырех Евангелий ... Введение такого персонажа, как раб христианин, меняло атмосферу предсмертных вечеров Петрония ... Этой «антисократической» (ср. подчеркнутый отказ от разговоров о бессмертии души) смерти мог быть резко противопоставлен рассказ о последнем ужине Христа ... Тема мученичества и, пользуясь выражением Радищева, шествования «смерти во сретение» могла получить в рассказе раба и более широкое толкование: 60-е гг. н. э. были отмечены массовыми казнями христиан. В частности, Пушкин, конечно, помнил, что всего за несколько месяцев до самоубийства Петрония свершилось мученичество апостолов Петра и Павла, казненных в Риме в 65 г. ... Бросается в глаза структурный параллелизм между последней «ночью» Петрония и «Пиром во время чумы»: пир на краю гибели - жажда наслаждений, гедонизм,.. героический стоицизм человека, утратившего веру во все ценности, и - в итоге - суровый голос христианского проповедника".

(Лотман, 1982, с. 19-20, 22-27).

ПОСЛЕСЛОВИЕ В.С.НЕПОМНЯЩЕГО

“**Р**аспалась связь времен”, - вспоминается над этими страницами. То, что в книге является поводом для справок и отсылок, научных комментариев и просто пояснений, еще восемьдесят-сто лет назад было само собой ясно почти любому читателю.

Вехи Священной истории, евангельские события, выражения, формулы и образы Ветхого и Нового Заветов, слова псалмов и посланий, Деяний апостолов и Апокалипсиса, православных молитв и литургического обихода - все это входило в язык русской культуры, в наш духовный состав с тою же необходимостью и естественностью, как кислород в состав воздуха. Ныне мера религиозной необразованности и духовного невежества в обществе поистине не поддается описанию, знаменуя тем самым меру самоотрицания, в которое впала Россия накануне тысячелетия своей христианской истории.

Настоящая книга - одно из свидетельств как этой трагедии, так и нашего стремления преодолеть бездну разрыва, искупить грех отступничества.

Не случайно предметом ее является творчество писателя, которому волею Промысла суждено было, пережив и испытав могучие соблазны наступающего неоязычества, преодолеть их и заложить традицию русской светской культуры как культуры православной. Думается, что поставленная в книге задача - выявить и пояснить пушкинские обращения к Священным текстам христианства - решена достойно; в частности, именно здесь представлены все (по крайней мере, по нынешним данным науки) тексты Пушкина, связанные со Священным Писанием, - ни в одном из собраний его сочинений мы не встретим

их в такой полноте. Впрочем, не исключены возможности обнаружить - в частности и в иных, порой широко известных текстах - новые библейско-евангельские реминисценции, сегодня еще неявные, ибо чаще всего не только в слове выраженные, сколько воплощенные самим строем пушкинского художественного мышления.

Последнее очень важно. Читателю не следует обманываться, думая, что свод обращений Пушкина к Писанию - это и есть достаточное свидетельство о христианстве Пушкина или христианском содержании его текстов. Такой задачи книга и не ставит; она - если употребить расхожую метафору - дает возможность увидеть лишь надводную часть айсберга. Можно ведь использовать библейские образы, не будучи - или не считая себя - верующим христианином: примеры дают "безумные шалости" молодого Пушкина. Личный и духовный путь его не прост и драматичен на протяжении почти всей жизни, что видно и из этой книги; но ведь подлинно христианский путь редко бывает прост и легок, и во Враче имеют нужду не здоровые, а больные (Мф. 9: 12). Личный путь Пушкина был не прост как раз потому, что он чувствовал и признавал свой гений, свой творческий дар как не свою ношу, - а на это не каждый художник способен. Пушкину было дано чувствовать и мыслить по-христиански, было дано благое иго (Мф. 11: 30) по-христиански "мыслить и страдать" - и этим определяется строй, характер и высокая цель его художественного мышления, сущность и предназначение его творческого гения, данного Богом России как раз в эпоху духовных соблазнов. Не только букву христианства, но прежде всего дух его надо постигать в гении Пушкина. А добрым подспорьем послужит эта книга.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.-Л., издательство Академии наук СССР. 1937- 1949: Т. I-XVI. 1959: Справочный том (XVII) (при ссылках на это издание в тексте книги номер тома обозначается римской цифрой, а номер страницы - арабской, например, XIII, 153).

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти тт. Л., "Наука", 1977-1979 (при ссылках номер тома и номер страницы обозначаются арабскими цифрами: 2, 137).

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 9-ти тт. Под ред. Ю.Оксмана и М.Цявловского. Т. 9. М., "Academia", 1937 (при ссылках - **Academia**).

Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. Подгот. к печ. и коммент. М.А.Цявловского, Л.Б.Модзалевского и Т.Г.Зенгер. М.-Л., 1935 (при ссылках обозначается как **РП**).

Фотокопии рукописей А.С.Пушкина из собрания Государственного музея А.С.Пушкина в Москве (при ссылках указывается № автографа в рукописном отделе Пушкинского Дома, ф. 244 (А.С.Пушкин), оп. 1, например, ПД № 835, л. 20-21 об.).

Летопись - Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина: 1799-1826. Сост. М.А.Цявловский. Изд. 2-е, испр. и дополн. Л., "Наука", 1991.

Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. ("Синодальный перевод"). Изд. Московской Патриархии. М., 1988.

Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке. М., 1993 (репринтное издание).

Le sainte Bible contenant l'Ancien et le Nouveau Testament, traduite sur la Vulgate par M. Le Maistre de Sasi. Au frais de la Société Biblique Russe. S.Pétersbourg, 1817.

Православный богослужебный сборник. Изд. Московской Патриархии. М., 1976.

Служебник. Изд. Московской Патриархии. М., 1977.

Литургия - Всеношное бдение. Литургия. СПб., 1993.

Молитвослов - Православный молитвослов и Псалтирь. Изд-во Московской Патриархии. М., 1988.

Жития святых - Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 1-12. М., Синодальная типография, 1904.

Литература

Анастасий, митрополит. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. Изд. 2-е. М., 1991.

Аринштейн, 1996 - Аринштейн Л.М. Преддуэльная лирика Пушкина // Вестник РАН. Т. 66, 1996, № 7-8.

Аринштейн, 1997 - Аринштейн Л.М. Николаевский цикл Пушкина // Вестник РАН. Т. 67, 1997, № 4.

Аринштейн. *Arion* - Аринштейн Л.М. Автобиографический мотив "Сцены из Фауста" // *Arion*. В.3. Bonn, 1996. S. 25-37.

Бартенев П. Деятнадцатый век: Исторический сборник. Кн. 1. М., 1872.

Благой, 1974 - Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826-1830). М., 1974.

Богосл. сл. - Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 1-2.

о. Борис Васильев, 1994 - Васильев Б.А. Духовный путь Пушкина. М., 1994.

Воронцов-Вельяминов Г.М. "Истина сильнее царя" // Вопросы литературы, 1983, № 4. С. 210-216.

Временник - Временник Пушкинской комиссии.

Вяземский П.П. Собрание сочинений. СПб., 1893.

Гиппиус Вл. Пушкин и христианство. Пг., 1915.

Гоголь - Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. // Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992.

Грановская Н.И. Небесный покровитель рода Пушкиных // Вып. 4, с. 68-73.

Григорьева А.Д. Язык лирики Пушкина 30-х годов // Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Язык лирики XIX в.: Пушкин. Некрасов. М., "Наука", 1981. С. 120-154.

Давыдов - Давыдов С. Пушкин и христианство // Записки Русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1992-1993. С. 67-94.

Дунаев М.М. Православие и русская литература. Ч. 1. М., 1996. С. 171-314.

Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1994.

Зайцев К.И. Религиозная проблема Пушкина // 1799-1837: Пушкин и его время. М., 1997.

Карамзин. История - Карамзин Н.М. История Государства Российского. Изд. 5-е. СПб., 1843. Кн. 1 -3.

Котельников - Котельников В.А. Православная аскетика и русская литература (На пути к Оптиной). СПб., 1994.

Краваль Л.А. Пушкин и святцы // Вып. 2. С. 13-20.

Лебедева Э.С. "Святому Невскому служил": К вопросу об обстоятельствах крещения и о небесном покровителе А.С.Пушкина // Вып. 4. С. 74-81.

Лесскис - Лесскис Г.А. Пушкинский путь в русской литературе. М., 1993.

Лесскис Г.А. Религия и нравственность в творчестве позднего Пушкина. М., 1992.

Листов, 1980 - Листов В.С. Вокруг пушкинского отрывка "На тихих берегах Москвы" // Болдинские чтения. Горький, 1980. С. 164-174.

Лонган, 1995 - Лонган Н. Поэтика имени Иоанн в "Маленьких трагедиях" в связи с Откровением Иоанна Богослова: Доклад IV Международному "круглому столу" по Пушкинской программе РФК "Пушкин и христианская культура". Москва, Дом ученых. 20 февраля 1995 г.

Лотман, 1982 - Лотман Ю.М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе // Временник. 1979. Л., "Наука", 1982. С. 15-27.

Мальчукова - Мальчукова Т.Г. О сочетании античной и христианской традиции в лирике А.С.Пушкина // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 84-130.

Модзалевский - Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910 (при ссылках указывается порядковый номер описания).

Моров, 1993 - [Моров В.Г.] Н.Н. "Апокалипсическая песнь" Пушкина: Опыт истолкования стихотворения "Герой". М., 1993.

Моров, 1995 - Моров В.Г. Скрижаль свободы: Святитель Московский Филарет и наполеоновская легенда Пушкина. [М.], 1995.

Московский патерик: Жития святых. М., 1991.

Мурьянов М.Ф. Пушкин и "Песнь песней" // Временник. 1972. С. 47-65.

Мурьянов М.Ф. О стихотворении Пушкина "Напрасно я бегу к Сионским высотам" // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М., "Наука", 1991. С. 164-180.

Мурьянов М.Ф. Из символов и аллегорий Пушкина. М., 1996.

Мурьянов М.Ф. Пушкинское "Сотворение мира" // Московский пушкинист. Вып. IV. М., 1997. С. 5-14.

Непомнящий В.С. Пророк: Художественный мир Пушкина и современность // Новый мир. 1987, № 1.

Непомнящий, 1989 - Непомнящий В.С. Дар: Заметки о духовной биографии Пушкина // Новый мир. 1989, № 6.

Непомнящий В.С. Пушкин через двести лет // Вып. 5, с. 74-96.

Непомнящий В.С. Слово о благих намерениях // Московский пушкинист. Вып. II. М., 1996. С. 328-338.

Непомнящий В.С. Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. Изд. 2-е. М., 1987.

Последний год жизни Пушкина. Сост. В.В.Кунин. М., 1988.

Православная Богословская Энциклопедия. Под ред. А.Лопухина и Н.Глубоковского. СПб., 1900-1911. Т. 1-12.

Пушкарь Б.Н., епископ. Священная Библейская история. Ч. 1-2. Чебоксары, 1996.

П. в восп. - Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1-2.

Пушкинская эпоха и христианская культура. Сб. научных трудов. Сост. Э.С.Лебедева. Вып. 1-9. СПб., 1991-1996 (при ссылках - Вып. 1-9).

Пушкин. Исслед. - Пушкин. Исследования и материалы. Т. X-XIV. Л., "Наука", 1982-1991.

Сайтанов В.Л. Третий перевод из Саути // Пушкин. Исслед. Т. XIV. С. 97-120.

Смирнова А.О. Записки (Из записных книжек 1826-1845 гг.). Ч. 1, СПб., 1895.

Старк В.П. Притча о сеятеле и тема поэта-пророка в лирике Пушкина // Пушкин. Исслед. Т. XIV. С. 51-64.

Старк В.П. Стихотворение "Отцы пустынноики и жены непорочны..." и цикл Пушкина 1836 г. // Пушкин. Исслед. Т. X. С. 193-203.

Сурат И.З. "Стоит, белеясь, Ветилуя..." // Московский пушкинист. Вып. III. М., 1997. С. 135-151.

Франк - Франк С.Л. Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1957.

Франк С.Л. Религиозность Пушкина // Путь. Париж, 1933, № 40.

Христианство. Словарь. Под общ. ред. Л.Н.Митрохина и др. М., 1994.

Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. М., 1983.

Черняев Н.И. "Пророк" Пушкина в связи с его же "Подражаниями Корану". Харьков, 1898.

Эфрос А.М. Рисунки поэта. М.-Л., Academia, 1933.

Юрьева И.Ю. Библейская книга Иова в творчестве Пушкина // Русская литература, 1995, № 1. С. 184-188.

Юрьева И.Ю. "Библию, Библию!": Священное Писание в творчестве Пушкина // Московский Пушкинист. Вып. IV. М., 1997. С. 119-143.

Юрьева И.Ю. Молитвы в текстах Пушкина // Вып. 6. С. 110-121.

Юрьева И.Ю. "Нельзя молиться за царя Ирода" // Вестник РАН. Т. 67, № 6. С. 525-528.

Юрьева И.Ю. Христианская тема в критических статьях Пушкина 1830-х годов // Вып. 5. С. 105-109.

Ebbinghaus A. Der Falsche und der Heilige Demetrius in A.S.Puškins "Boris Godunov" // Z. Slaw. 37 (1992). S. 175-183.

Keil, 1978 - Keil R.-D. *Nerukotvornyj* - Beobachtungen zur geistigen Geschichte eines Wortes // Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven. B.XIII: Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa. Aus Anlass des VIII Internationalen Slavistencongresses in Zagreb. W. Schmidt Verlag Giessen, 1978. S. 269-317.

Keil, 1980 - Keil R.-D. Commentationes philologicae. Fünf kleine Puškin-Studien mit einem Vorwort // Canadian American Slavic Studies, vol. 14, № 2. Summer, 1980. P. 237-244.

ОБРАЩЕНИЯ ПУШКИНА К СВЯЩЕННОМУ ПИСАНИЮ

Жирным шрифтом обозначены случаи, не отмеченные в справочном аппарате Большого ПСС (ср. раздел “Библия” в справочном томе - XVII, 111-114). Знаком || перед заглавием (|| Гавриилиада) обозначены произведения, отсутствующие в настоящем сборнике. *Курсивом* выделены те случаи, когда обращения к Библии принадлежат не самому Пушкину, а цитируемым в его произведениях авторам, или извлечены из исторических документов. Многочисленные примеры такого рода опущены в нашем сборнике (таковы, например, насыщенные цитатами из Св. Писания документы, относящиеся к Пугачеву и опубликованные Пушкиным в “Истории Пугачевского бунта”).

Характер обращения Пушкина к Писанию может быть различным: мы выделяем аллюзии - *, цитаты - **, измененные цитаты - (**), упоминания данной церковной книги или ее сюжета - о; разработку сюжета - оо.

Книга Бытия (Быт.) - [22]

Глава	Сюжет, цитируемое место	Произведения и письма Пушкина, дата	Аллюзия * Цитата ** Измененная цитата (**) Упоминание о Разработка сюжета оо Рисунок - Рис.	Стр.	Ссылки на ПСС, РП, др. источники текста
1	2	3	4	5	6
Гл. 1	Сотворение мира (Быт. 1: 1-2, 31)	"Недвижный страж" 1823-1824	(*)	110	II, 310
	Быт. 1: 1-25; 2: 4-6	"В начале не было ни жизни, ни света...": <Легенда о происхождении мира>. 1824 (?)	оо	44	РП, 33-34
	Быт. 1: 4-18	Выстрел. 1830	(*)	183	VIII, 71, 598, 604
Гл. 3	Первородный грех (Быт. 3: 1-7)	К Наталье. 1813. Гавриилиада. 1821. Евгений Онегин. VIII гл. 1830.	о оо о	83 — —	1,7 IV, 128-129 VI, 177

	"В поте лица твоего снеси хлеб твой" (Быт. 3: 19)	Письмо к Соболевскому. 15.07.1827 <История Петра>. 1835-1836	oo o (**)	— — 83	IV, 128-129 VI, 177 XIII, 332
	Ангел с пламенным мечом (Быт. 3: 24)	Воспоминание (черн.). 1828 "На Испанию родную". 1835	o oo Рис.	76 151 9	X, 37 III, 651, 655 (3, 417) ГД № 976/4
Гл. 4	Каин и Авель	<Сцены из рыцарских времен>, 1835	o	215	VII, 220, 352
Гл. 7-8	Всемирный потоп	Письмо к брату. Ноябрь 1824 "Напрасно ахнула Европа". 1825 Путешествие в Арарум... 1829-1835	oo * **	115 115 158	XIII, 122-123 II, 386 VIII, 463
Гл. 9	Ной и его сын Хам (Быт. 9: 20-24)	Письмо к брату. Ноябрь 1824.	oo	115	XIII, 122-123
Гл. 19	Содом; Лот и его дочери	"Раззевавшись от обед- ни...". 1821 "Проклятый город Кишинев" (Из письма к Вигелю". 1823	o oo	58 57	II, 192 XIII, 71-73, 379
Гл. 22: 5	Принесение в жертву Исаака	<i>Собрание сочинений Георгия Кониского.</i> 1836	**	220	XII, 15
Гл. 32	Иаков борет- ся с Богом	Table-talk. 1830-е	oo	209	XII, 163
Гл. 39	Иосиф и жена Пентефрия	Письмо к Вяземскому. Март 1830 Письмо к жене. 22.09.1832	oo o	167 191	XIV, 74 XV, 30
Гл. 47	Быт. 47: 6, 11	<i>Собрание сочинений Георгия Кониского.</i> 1836	**	221	XII, 15

Книга Исход (Исх.) - [6]

1	2	3	4	5	6
Гл. 7-12	Семь казней египетских	[[Письмо к Осиповой. 29.06.1831	о	—	XIV, 184
Гл. 15: 1	Песнь Моисея	"Недвижный страж..." 1824	*	112	II, 312
Гл. 20	Десятая заповедь: Исх. 20: 17	Десятая заповедь. 1821 Письмо к брату. 27.07.1821	(**) (**)	105 105	II, 231 XIII, 31
	Вторая заповедь: "Не сотвори себе кумира" (Исх. 20: 4)	"Недавно я в часы свободы". 1822	**	105-106	II, 274
Гл. 24-30	Моисей на горе Синай, скрижали откровения	"С Гомером долго ты беседовал один". 1834	оо	199	III, 286

Книга Иисуса Навина

1	2	3	4	5	6
Гл. 6	Взятие Иерихона	[[Путешествие в Арзрум... 1829-1835 (пересказ слов А.Ермолова)	оо	—	VIII, 445, 1002

Первая книга Царств (1 Царств) - [3]

1	2	3	4	5	6
		<Дневник 1833-1835>. 25.04. 1834 (названа ошибочно)	о	200	XII, 327
Гл. 17	Давид и Голиаф	"Певец-Давид был ростом мал" <На гр. Воронцова>. 1824	оо	113	II, 318
		Письмо к Орлову. 24.11.1831	оо	189	XV, 2

Первая книга Паралипоменон (1 Пар.)

1	2	3	4	5	6
Гл. 28: 1	"Собра же Давид... начальники тысящей и сотней... и сынов своих со евреями"	<Дневник 1833-1835>. 25.04.1834	(**)	200	ХІІ, 327

Книга Иудифь (Иудифь)

1	2	3	4	5	6
Гл. 1-5	Нашествие Олоферна, подготовка Израиля к войне (Иудифь 4: 1-15; 5: 1-17)	"Когда владыка Ассирийский" 1835	оо, (**)	217-218	ІІІ, 406-407, 1019-1025

Книга Иова (Иов) - [7]

1	2	3	4	5	6
	(Переложение Ломоносовым Книги Иова)	Письмо к Бестужеву 29.06.1824 <Путешествие из Москвы в Петербург>. 1833-1835	о о	114 198	ХІІІ, 101 ХІ, 225-226, 261
	(Намерение Пушкина переводить Иова)	(Письмо П. Киреевского к Н. Языкову) 12.10.1832		245	РП, 24-25; 60-63
Гл. 3: 1-26	Проклятие дня своего рождения	"Дар напрасный, дар случайный" (На день рождения). 1828	*	152-153	ІІІ, 104
Гл. 13: 17	"Послушайте глагол моих"	<Запись цитаты>. 1828	**	153	ІІІ, 715; РП, 506
Гл. 14	Иов. 14: 15-17	Воспоминание. 1828	*	152	ІІІ, 102
	Иов. 14: 1-10	"Брожу ли я вдоль улиц шумных". 1829	*	163	ІІІ, 194
Гл. 39	Ответ Иова Господу (Иов 39: 33-34)	"В часы забав иль праздной скуки" (Стансы). 1830	оо	166	ІІІ, 212

Псалтирь (Пс.) - [18]

1	2	3	4	5	6
	Псалмы Давида	Письмо к Чаадаеву. 06.07.1831 <Путешествие из Москвы в Петербург>. 1834	о о	187 198	XIV, 188 XI, 225- 226, 261
Псалом 1	Пс. 1: 4	"Зачем ты послан был..." 1824 Полтава. 1828	* *	42 154	II, 314 V, 23
Псалом 2	Пс. 2: 1-12	"Недвижный страж..." 1824 "Была пора: наш праздник молодой". 1836	* (**)	111 10	II, 311 III, 432
Псалом 5	Пс. 5: 2	Собрание сочинений Георгия Кониского. 1836	(**)	222	XII, 16
Псалом 13	Пс. 13: 1	"Зачем ты послан был..." 1824 Письмо к Плетневу. 03.03.26	(**) (**)	42 141	II, 314, 827 XIII, 264
Псалмы 16, 41 и др.	Пс. 16: 9-12 Пс. 41: 2 Сионские высоты, лев - символ вра- гов души, олень	"Напрасно я бегу к Сионским высотам". 1836	оо	231	III, 419, 1029
Псалмы 26 и 123	Пс. 26: 11 Пс. 123: 8	<История Петра>. 1835- 1836	(**)	78	X, 137
Псалом 33: 15	"Уклонися от зла и сотвори благо"	<Дубровский>. 1832	(**)	194	VIII, 180
Псалом 50	Покаянный. "По- милуй мя, Боже, по велицей милости Твоей..." Пс. 50: 12	Монах. 1813 Евгений Онегин II гл. (черн.). 1823 (Ответ Филарета на стихи Пушкина)	о о	85 — 164	I, 10 VI, 288 3, 453
Псалом 103	Сотворение мира - Пс. 103: 1-5	Подражания Корану: V. "Земля недвижна - неба своды". 1824	оо	64	II, 354-355
Псалом 143	Пс. 143: 7	"В часы забав иль праздной скуки" (Стансы). 1830	*	166	III, 212
(Псалом 151)	Псалом Давида на единоборство с Голиафом ("Мал бех в братии моей...")	"Певец Давид был ростом мал" <На гр. Воронцова>. 1824 Письмо к Орлову. 24.11.1831	* **	113 189	II, 318 XV, 2

Книга Екклесиаста (Еккл.) - [12]

1	2	3	4	5	6
Гл. 1	Суета сует, всё - суета (Еккл. 1: 2)	К молодой актрисе. 1815 Орлову. 1819 <Дубровский>. 1832 Путешествие в Арзрум... 1829-1835 (черн.)	* (**) ** **	100 99 — 83	I, 131 II, 85 VIII, 179 VIII, 1005
Гл. 3	"Всею свое время..." (Еккл. 3: 1-2)	К Шербинину. 1819 "Брожу ли я вдоль улиц шумных". 1829	* (**)	101 163	II, 87 III, 194
Гл. 5	Еккл. 5: 9-16	Скупой рыцарь. 1830	oo	178	VII, 112-113
Гл. 7	Еккл. 7: 3-7 Еккл. 7: 7	Пир во время чумы. 1830 Письмо к Чаадаеву. 6.07.1831	oo **	182 188	VII, 180-183 XIV, 188
Гл. 11	Еккл. 11: 8 Еккл. 11: 9	К Шербинину. 1819 Стансы Толстому. 1819	* (**)	101 100	II, 87 II, 109
Гл. 12	Еккл. 12: 5	"Брожу ли я вдоль улиц шумных". 1829 (Письмо В.Кюхельбекера к Пушкину. 20.10.1830)	*	163 19	III, 194 XIV, 116

Песнь песней царя Соломона (Песн.) - [4]

1	2	3	4	5	6
Гл.1	"Да лобжет мя от лобзаний уст своих..." (Песн. 1: 1-2)	Песнь песней царя Соломона (перевод). 1821 "В крови горит огонь желанья" (Подражания). 1825 <Путешествие из Москвы в Петербург> (черн.). 1834	** (**) **	103 117 118	II, 974, РП, 32 II, 442 XI, 226
Гл. 2	Песн. 2: 17	"В крови горит огонь желанья" (Подражания). 1825	(**)	117	II, 442
Гл. 4	Песн. 4: 12-16	"Вертоград моей сестры" (Подражания) 1825	(**)	117-118	II, 441

Книга премудрости Соломона

1	2	3	4	5	6
	(Упоминание в стихотворении Теплякова)	Фракийские элегии. Стихотворения В.Теплякова. 1836	o	—	XII, 91

Книга премудрости Иисуса сына Сирахова (Сир.) - [2]

1	2	3	4	5	6
	(Переложение о.Гавриила Пакатского)	Письмо к брату. Февр. 1825	о	119	XIII, 147
Гл. 33	Сир. 33: 10-12	<Сцены из рыцарских времен>. 1835	*	216	VII, 219-220

Книга пророка Исаяи - [7]

1	2	3	4	5	6
Гл. 6	Ис. 6: 1-8	Пророк, 1826	оо	144	III, 30-31
Гл. 14	Денница-Люцифер Ис. 14: 12-14	На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 г. ("Ушла брань племен...") Тень Фон-Визина. 1815	*	91-92	I, 145
			о	93	I, 162
	Ис. 14: 19-22	Вольность. 1817	*	92	II, 47
	Ис. 14:12	"Зачем ты послан был..." 1824	*	42	II, 314
		"Недвижный страж..." 1824 Герой. 1830	* *	112 173	II, 311 III, 251

Книга пророка Иеремии (Иер.), Плач Иеремии - [3]

1	2	3	4	5	6
	Плач Иеремии	Письмо к брату 4.09.1822	о	102	XIII, 45
Гл. 9	"И примите ушима вашима..." (Иер. 9: 20)	<Запись цигаты>. 1821	**	102	РП, 157
Гл. 1, 20 и др.	Иер. 1: 4-17 Иер. 20: 9	Пророк. 1826	оо	144	III, 30-31

Книга пророка Иезекииля (Иез.) - [3]

1	2	3	4	5	6
Гл. 2	Иез. 2: 3-7	"Я памятник себе воздвиг нерукотворный". 1836	*	233	III, 424
Гл. 36	Иез. 36: 16-33	Пророк. 1826	оо, *	144-145	III, 30-31
	Иез. 36: 31	Воспоминание. 1828	*	152	III, 102

Книга пророка Даниила - [2]

1	2	3	4	5	6
Гл. 13	Сусанна	Полтава (примеч.). 1828 "Кто знает край...". 1821	о Рис.	— —	V, 66 ПД №831, л. 26

Книга пророка Ионы

1	2	3	4	5	6
Гл. 3-4	Пророчество Ионы в Ниневии	Письмо к Хитрово. 26.03.1831	(**)	187	XIV, 157

Евангелие от Матфея (Мф.) - [17]

1	2	3	4	5	6
Гл. 2	"Ирод царь встревожился... И собравши... книжников... страшивал у них: где должно родиться Христу? (Мф. 2: 3-4)	"Зачем ты послан был...". 1824	*	42	II, 314 и 825
Гл.4	Призвание первых апостолов (Мф. 4: 18-22)	Отрок. 1830	*	168	III, 241
Гл. 5	Заповеди о блаженстве (Мф. 5: 3-11)	Евгений Онегин (Путешествие Онегина). 1829	оо, *	160-161	VI, 169, 473-475, 493-494; 5, 145-146, 466
Гл. 6	Мф. 6: 6	Собрание сочинений Георгия Кониского. 1836	**	220	XII, 15
Гл. 7	Нагорная проповедь (Мф. 7: 3)	"От всеношной вечер идя домой". 1813-1817	(**)	27	I, 283
	"Не пометайте бисер ваших пред свиньями" (Мф. 7: 6)	Письмо к Погодину. Сент. 1832	(**)	189	XV, 29, 220
		Письмо к Тургеневу. 16.01.1837	**	234	XVI, 218
	"Пространная врата и широкий путь вводя в пагубу..." (Мф. 7: 13)	Монах. 1813	(**)	89	I, 20

Обращения Пушкина к Священному Писанию

	"Узкая врата и тесный путь вводя в живот" (Мф. 7: 14)	Странник. 1835	**	214	III, 393
Гл. 10, 18	Мф. 10: 16-17; 18: 7	<i>Собрание сочинений Георгия Кониского.</i> 1836	** **	221 223	XII, 16, 17
Гл. 20	"Много званых, а мало избранных" (Мф. 20: 16; 22: 14)	"По смерти Петра..." 1822 Об обязанностях человека. 1836	(**) **	— 224	XI, 15 XII, 99
Гл. 22	"Воздадите убо Кесарева Кесареви, и Божия Богови" (Мф. 22: 21)	Письмо к Гнедичу. 27.06. 1822 <i>История Пугачевского бунта.</i> 1834	(**) **	83 —	XIII, 40 IX, 184
Гл. 25	Притча о десяти девах и женихе полуношном (Мф. 25: 1-13)	Пиковая Дама. 1833-1834	(**), оо	203	VIII, 246
Гл. 27	Мф. 27: 29	<i>Собрание сочинений Георгия Кониского.</i> 1836	**	220	XII, 14

Евангелие от Луки (Лк.) - [19]

1	2	3	4	5	6
Гл. 1	Благовещение Девы Марии (Лк. 1: 26-38)	Гавриилиада. 1821	(**), оо	56	IV, 133
Гл. 2	"Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение" (Лк. 2: 14)	Письмо к Погодину 8-9 июня 1830. Об обязанностях человека. 1836 (<i>Письмо Плетнева к Гроту - о событиях января 1837</i>)	(**) (**)	167 225 236	XIV, 98 XII, 99 П. в восп. совр. 2, 257
Гл. 4	"Врачу! Исцелися сам" (Лк. 4: 23)	Письмо к издателю. 1836	**	83	XII, 95
Гл. 8	Притча о сеятеле (Лк. 8: 5-8)	Письмо к Тургеневу. 1.12.1823 "Свободы сеятель пустынный". 1823	(**) оо	109- 110 109	XIII, 79, 385 II, 302
Гл. 9-10	Иисус посылает апостолов проповедовать (Лк. 9: 1-3; 10: 1-5)	Путевые записки 1829 г.	*	157	VIII, 1034-1036

Приложение

Гл. 10	Отряхнуть прах города, где "не примут вас" (Лк. 10: 10-11)	"Презрев и голос <?> укоризны". 1824	*	114	II, 349
Гл. 13	"Подвизайтесь внити сквозе тесная врата" (Лк. 13: 24)	"Когда б писать ты начал сдуру" <Эпиграмма>. 1820	*	102	II, 152
Гл. 15	Притча о блудном сыне	Письмо к Вяземскому. 27.05.1826 ("блудный зять")	*	—	XIII, 279
	Лк. 15: 11-21	Воспоминания в Царском Селе. 1829	oo	162	III, 189
	Лк. 15: 17	<Записки молодого человека> 1829 (?) Станционный смотритель 1830	(**) oo	162 162	VIII, 404 и 949; VIII, 99, 100
Гл. 16: 22	Лоно Авраама	(Письма Вяземского к Пушкину)		190	XIV, 28 и 218
Гл. 21: 2	Две лепты бедной вдовы (то же - Мк. 12: 42)	<Мордвинову>. 1826	o	83	III, 46
Гл. 22	Моление о чаше (Лк. 22: 42)	"Чудный сон мне Бог послал". 1835	(**)	210-211	III, 446
Гл. 23	"Не ведут бо что творят" (Лк. 23: 34)	Письмо к Вяземскому. Май 1826	**	143	XIII, 278
	"Помяни мя... егда приидеши во царствии си" (Лк. 23: 42)	<Начало автобиографии>. 1830-е (цитата из письма Ганибалы)	**	—	XII, 312-313, 437
	"Отче, в руке Твои предаю дух Мой" (Лк. 23: 46)	Письмо к Тургеневу. 7.05.1821 Письмо к Жуковскому. 17.08.1825	(**) **	104 121	XIII, 29 XIII, 211

Евангелие от Иоанна (Ин.) - [3]

1	2	3	4	5	6
Гл. 1	[["Аминь, аминь глаголю вам" (Ин. 1: 51) (<i>выражение "Аминь глаголю вам" встречается в Евангелии неоднократно</i>)	[[Письмо к Вяземскому. 9.11.1826	**	—	XIII, 305
Гл. 18	"Что есть истина?" (Ин. 18: 38)	Герой. 1830 (эпиграф)	**	7, 172	III, 251
Гл. 19	Крестные муки Христа; Богородица и Мария Магдалина у Креста Господня (Ин. 19: 25)	Мирская власть. 1836	oo	230	III, 417

Деяния апостолов (Деян.)

1	2	3	4	5	6
Гл. 2	Сошествие Святого Духа (Деян. 2: 2-3)	Герой. 1830	*, oo	172	III, 251

Первое соборное послание ап. Петра (1 Пет.) - [2]

1	2	3	4	5	6
Гл.3	Повиновение жен своим мужьям (1 Пет. 3: 1-4)	<Арап Петра Великого>. 1827	*	148	VIII, 21
Гл. 5	Лев, ищущий добычи (дьявол) (1 Пет. 5: 8)	"Напрасно я бегу к Сионским высотам". 1836	*	231	III, 419

Первое послание к Коринфянам ап. Павла (1 Кор.)

1	2	3	4	5	6
Гл. 7: 9	"Лучше вступить в брак, нежели разжигаться"	Письмо к Дельвигу 20.02.1826	(**)	140-141	XIII, 262

Послание к Ефессянам ап. Павла (Еф.) - [2]

1	2	3	4	5	6
Гл. 4: 22	"Отложить прежний образ жизни ветхого человека"	[[Письмо к Дельвигу. 23.03.1821	(**)	—	XIII, 26
Гл. 5: 33	"Жена да боится своего мужа"	<Арап Петра Великого>. 1827	**	148	VIII, 21

Послание к Евреям ап. Павла (Евр.)

1	2	3	4	5	6
Гл. 6: 6	Нераскаянные грешники "снова распинают в себе Сына Божия"	Собрание сочинений Георгия Кониского. 1836	(**)	220	XII, 14

Откровение св. Иоанна Богослова (Апокалипсис) (Откр.) - [11]

1	2	3	4	5	6
		Тень Фон-Визина. 1815 Письмо к Тургеневу. 7.05.1821. [[Разговоры Н.К.Загряжской. 1830-е	о о о	93 104 —	I, 162 XIII, 29 XII, 174
Гл. 6	Четыре всадника Откр. 6: 2	Евгений Онегин , X глава. 1830. Герой . 1830.	* *	175 172	VI, 522-523 III, 251
	Откр. 6: 8	"Недвижный страж..." 1824 Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы (черн.) 1830	* **	112 171	II, 311-312 III, 860
Гл. 18	"Вавилон - великая блудница" (Откр. 18: 1-3)	Письмо к Вульффу. 7.05.1826	(**)	142	XIII, 275
Гл. 19	Откр. 19: 2	Письмо к Погодину. Ноябрь 1830	о,**	175	XIV, 121
	Откр. 19: 15	"Недвижный страж..." 1824	(**)	111	II, 311-312
	Царь Царей (Откр. 19: 16)	Мирская власть . 1836	**	230	III, 417

Символ веры ("Верую") - [3]

1	2	3	4	5	6
		Письмо к брату. 4.12.1824	о	40	XIII, 126
5	"И воскресшего в третий день по писанием"	Письмо к Санковскому. 3.01.1833	**	195	XV, 39
11	"Чаю воскресения мертвых"	Письмо к Вяземскому. 25.05.1825	**	120	XIII, 183

Литургия Иоанна Златоуста - [6]

1-2	3	4	5	6
Прокимны и аллилурии среды, четверга	Пророк. 1826	*	143	III, 31
"Твоя от Твоих"	Дарственная надпись Е.Н.Вульф. 1828	**	149	РП, 713
	Дарственная надпись В.И.Далю. 1833	**	149	РП, 725
Молитва заамвонная ("Всякое даяние благо...")	Дарственная надпись Ек.Ушаковой. 1829	**	159	РП, 716
	Письмо к Одоевскому. 1836	(**)	234	XVI, 210
Сугубая ектения	<Дубровский>. 1832	(**)	194	VIII, 191

Литургия Василия Великого

1-2	3	4	5	6
Диптих ("в пропастях земных")	19 октября 1827 г.	**	146	III, 80

Молитвы - [16]

Название (1-2)	3	4	5	6
"Богородице, Дево, радуйся..." (Песнь Пресвятой Богородице)	Бова, 1814	о	91	I, 69
	Гавриилиада, 1821	*	55	IV, 133
"Верую, Господи, и исповедую" ("Причастная молитва" Иоанна Златоуста)	Письмо к брату. 13.06.1824	(**)	113	XIII, 98
	<История Петра>. 1835-1836	**, о	80	X, 246
"Во имя Отца и Сына..." (Начальная молитва)	Письмо к Плетневу 4-6.12.1825	**	140	XIII, 249

Приложение

Молитва Ефрема Сирина	Письмо к Дельвигу. 23.03.1821 "Отцы пустыnnики..." (Молитва) 1836	(**) (**)	103 228	XIII, 25 III, 421
Молитва Иисусова ("Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй мя, грешного")	Видение короля (Песни западных славян). 1834	(**)	206- 207	III, 339
Краткая молитва Честному Кресту	Тургеневу ("Тургенев, верный покровитель"). 1817	**	97	II, 40
"Не ужели мне одр сей гроб будет..." (Молитва Иоанна Дамаскина)	"Чудный сон..." 1835	(**)	210- 211	III, 446
"Отче наш..." (Молитва Господня)	Бова. 1814 Письмо к жене. 30.04.1834	o **	91 200	I, 69 XV, 137
"Помилуй мя..." (50 псалом - см. или Молитва Иисусова)	Монах. 1813 [Евгений Онегин. II гл. (черн.). 1823	o o	85 —	I, 10 VI, 288
Молитва ко Пресвятой Троице	Пророк. 1826	*	144	III, 30-31
"Царю Небесный, Утешителю... Иже везде сый..." (Молитва Святому Духу)	Борис Годунов. 1825	*	133	VII, 37

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПИСЕМ ПУШКИНА

Знаком * - Анджело* - отмечены произведения, которые помещены в сборнике не целиком, а в виде фрагментов. Произведения, заключенные в скобки - ("Была пора: наш праздник молодой") - , не включены в основной корпус сборника, но упоминаются и/или цитируются в комментариях, в теоретической части или в справочном аппарате. **Жирным шрифтом** выделены тексты Пушкина, отсутствующие в Большом академическом ПСС.

Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной, 1827 - **148**

Ангел, 1827 - **147**

Анджело*, поэма , 1833 - **195-197**

<Арап Петра Великого>*, роман, 1827 - **147-148**, 265, 266

<Бакуниной> ("Напрасно воспевать мне ваши именины")*, 1817 (?) - **98**

Бахчисарайский фонтан*, поэма, 1823 - **106-107**

Безверие, 1817 - **36-38**

Бова (Отрывок из поэмы)*, 1814 - 51, **91**, 267, 268

"Бог помочь вам, друзья мои" (19 октября 1827) - 15, **146**, 267

"Боже! Царя храни" (Молитва русских), 1816 - **95**

Борис Годунов*, трагедия, 1825 - 122-124, **125-139**, 202, 207, 268

"Брожу ли я вдоль улиц шумных". 1829 - 19, **162-163**, 258, 260

("Была пора: наш праздник молодой", 1836) - 10, 259

В альбом Илличевскому, 1817 - **52**

"В еврейской хижине лампада", 1826 - **242-243**

"В крови горит огонь желанья" (Подражания), 1825 - **117**, 260

"В начале жизни школу помню я", 1830 - **169-170**, 171

"В начале не было ни жизни, ни света..." <Легенда о происхождении мира>, 1824 (?) - 43, 255

("В пещере тайной, в день гоненья", 1824) - 61

"В себе все блага заключая" <Послание А.И.Тургеневу>, 1819 - **97**

"В часы забав иль праздной скуки" (Стансы), 1830 - **165-166**, 258, 259

"[Вдали тех пропастей глубоких]", 1821 - 239

"Вертоград моей сестры" (Подражания), 1825 - 11, **117**, 260

"Вечерня отошла давно", 1823 - **107-108**

Видение короля (Песни западных славян. 1), 1834 - **204-206**, 268

“Вложи (дьявол) убо ему мысль...” <Выписки из январских Четь-Миней>, 1831 (?) - 186

“Внушить-внять...” <Запись 1821> - 102, 261

Вольность. Ода *, 1817 - 92, 261

<Воображаемый разговор с Александром I>*, 1824 - **48**

Воспоминание (“Когда для смертного умолкнет шумный день”), 1828 + черн. - **150-151**, 258, 261

Воспоминания в Царском Селе* (“Воспоминаньями смущенный”), 1829 - **161**, 264

“Восстань, боязливый” (Подражания Корану. VII) - **65**

“Вот Коцит, вот Ахерон” <Наброски к замыслу о Фаусте>, 1825 - **241**

“Вот Муза, резвая болтуня” <Набросок посвящения к “Гавриилиаде”> 1821 - **55**

“Вы читали в 1 кн. Московского Вестника...” <Письмо к издателю “Московского Вестника”>, 1828 - **149**

<Выписки из январских Четь-Миней>, 1831 (?) - 185, 186

Выстрел* (Повести покойного Ивана Петровича Белкина), 1830 - **182-183**, 255

Гавриилиада*, поэма, план, 1821 - **55**, 263, 267

Герой, 1830 - **172-174**, 261, 265, 266

“Гете имел большое влияние на Байрона” (Table-talk), 1830-е - **209**, 256

(Городок, 1814) - 33

(Кн. А.М.Горчакову - “Пускай, не знаясь с Аполлоном”, 1814) - 227

<В.Л.Давыдову> (“Меж тем, как генерал Орлов”), 1821 - **52-53**

“Дар напрасный, дар случайный” (На день рождения), 1828 - **152**, 164, 258

<Дарственная надпись А.Н.Вульф>, 1826) - 142

<Дарственная надпись Е.Н.Вульф>, 1828 - 149, 267

<Дарственная надпись Далю>, 1833 - 149, 267

<Дарственная надпись Ек.Н.Ушаковой>, 1829 - 159, 267

“Два чувства дивно близки нам”, 1830 - **168-169**

“28 ноября 1834” <Дневник 1833-1835> - **208**

19 октября 1827 (“Бог помочь вам, друзья мои”), 1827 - 15, **146**, 267

Демон, 1823 - **40**

Десятая заповедь, 1821 - **104-105**, 257

<Дневник 1833-1835 гг.>* - 58, **73-74, 200, 208**, 257, 258

(Домики в Коломне, поэма, 1830) - 197

<Дубровский>*, 1832 - **194**, 259, 260, 267

“[Думаю, что критик ошибся]” <Заметка о стихотворении “Демон”>, 1825 - **41**

Евгений Онегин*, роман в стихах - **160-161, 175, 262, 268**

“Жил на свете рыцарь бедный”, 1829 - **154-156**

Житие пр. Никиты, затворника Печерского <Выписки из январских Четь-Миней>, 1831 (?) - **186**

Житие пр. отца нашего Иоанна Кушника <Выписки из январских Четь-Миней>, 1831 (?) - **186**

Житие св. Ора черноризца <Выписки из январских Четь-Миней>, 1831 (?) - **186**

“Житье тому, любезный друг” (К Щербинину), 1819 - **101, 260**

(Зависть, первоначальное заглавие “Моцарта и Сальери “, 1830) - **20**

<Заметка о стихотворении “Демон”>, 1825 - **41**

<Заметки о религии и атеизме 1830 г.> - **49**

(Записка о народном воспитании, 1826) - **145**

(<Записки молодого человека>*, 1829 ?) - **162, 264**

<Запись 1821 г. с цитатой из пророка Иеремии> - **102, 261**

<Запись цитаты из Книги Иова>, 1828 - **18, 153, 258**

“Заутра с свечкой грошевою”, 1816 - **94**

“Зачем ты послан был, и кто тебя послал?”, 1824 - **41-42, 259, 261, 262**

“Земля недвижна - неба своды” (Подражания Корану. V), 1824 - **64, 259**

“И дале мы пошли - и страх обнял меня”. I <Подражания “Аду” Данте>, 1832 - **192-193**

“И путник усталый на Бога роптал” (Подражания Корану. IX), 1824 - **66-67**

<Из Кишиневского дневника>*, 1821 - **34, 38**

Из Пиндемонти (“Не дорого ценю я громкие права”), 1836 - **230-231**

<Из письма к Вигелю> (“Проклятый город Кишинев”), 1823 - **57, 256**

<Из письма к В.Л.Пушкину> (“Христос воскрес, питомец Феба”), 1816 - **94-95**

<Из письма к Родзянке> (“Прости, украинский мудрец”), 1824 - **118**

“История древняя кончилась Богочеловеком...” <О втором томе

“Истории русского народа” Полевого>, 1830 - **69, 71-72**

<История Петра>*, 1835 - **76-80, 256, 259, 267**

История Пугачевского бунта*, 1833 - **72-73**

К * (“Ты богоматерь, нет сомненья”)**, 1824 - **29, 58-59**

(К другу стихотворцу, 1814) - **83**

(К молодой актрисе*, 1815) - **99-100, 260**

(К морю, 1824) - **114**

(К Наталье - “Так и мне узнать случилось”, 1813) - **83, 255**

<К Н>** (“С Гомером долго ты беседовал один”), 1834 - **26, 198, 257**

К Огаревой, которой Митрополит прислал плодов из своего сада, 1817 - **96**

К Шербинину, 1819 - **101**, 260

“Клянусь четой и нечетой” (Подражания Корану. I), 1824 - **62**

“Когда б писать ты начал сдуру” <Эпиграмма>, 1820 - 11, **102**, 264

“Когда б я был царь...” <Воображаемый разговор с Александром I>*, 1824 - **48**

“Когда владыка Ассирийский”, 1835 - **215-216**, 258

“Когда для смертного умолкнет шумный день” (Воспоминание), 1828 - **150-151**, 258, 261

“Когда за городом, задумчив, я брожу”, 1836 - **232**

“Когда сожмешь ты снова руку”, 1818 - **99**

Кривцову (“Не пугай нас, милый друг”), 1817 - **98**

“Кто знает край, где небо блещет”*, 1828 - **149-150**

“Кто идет? - Солдат” <Наброски к замыслу о Фаусте>, 1825 - **241**

“Кто там? - Здорово, господа” <Наброски к замыслу о Фаусте>, 1825 - **242**

<Легенда о происхождении мира>, 1824 (?) - **43**, 255

(“Люблю ваш сумрак неизвестный”, 1822) - 35

Мадона. Сонет, 1830 - **167-168**, 171

Медок (Медок в Уаллах), 1830 - **183**

“Меж тем как генерал Орлов” <В.Л. Давыдову>, 1821 - **52-53**

Мирская власть, 1836 - **229-230**, 265, 266

“Мой первый друг, мой друг бесценный” <И.И.Пушину>, 1826 - **146**

Молитва (“Отцы Пустынники и жены непорочны”), 1836 - **228**, 268

Монастырь на Казбеке, 1829 - **159**, 217

Монах*, 1813 - **85-88**, 259, 268

(<Мордвинову>, 1826) - 83, 264

(Моцарт и Сальери, “маленькая трагедия”, 1830) - 20

(Моя родословная, 1830) - 227

На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году (“Утихла брань племен...”), 1815 - **91**, 113, 261

<На гр. Воронцова> (“Певец-Давид был ростом мал”), 1824(?) - **113**, 257, 259

<На Ф.П.Глинку> (“Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах”), 1825 - **119**

На день рождения (“Дар напрасный, дар случайный”), 1828 - **152**, 258

<На именины Анны Вульф> (“Хотя стишки на именины”), 1825 - **141-142**

(“На Испанию родную”, 1835) - 211, 256

“На тихих берегах Москвы”, 1822 - **106**

<Наброски к замыслу о Фаусте>, 1825 - **241-242**
“Надеждой сладостной младенчески дыша”, 1823 - **39**
“Напрасно ахнула Европа”, 1825 -29, **115**, 256
“Напрасно воспевать мне ваши именины” <Бакуниной>. 1817 (?) - **98**
“Напрасно я бегу к Сионским высотам”, 1836 - 13, **231**, 259, 265
<Начало автобиографии>, 1830-е - **264**
“Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах” <На Ф.Н.Глинку>, 1825 - **119**
“Не допускать существования Бога...”, 1830 - 33, **49**
“Не пугай нас, милый друг” (Кривцову), 1817 - **98**
“Недавно я в часы свободы”*, 1822 - **105-106**, 257
“Недаром вы приснились мне” (Подражания Корану. VI), 1824 - **65**
“Недвижный страж дремал на царственном пороге”, 1823-1824 - 21, **110-112**, 257, 259, 261, 266.

<О втором томе “Истории русского народа” Полевого>* (“История древняя кончилась Богочеловеком...”), 1830 - 69, **71-72**
“О жены чистые пророка” (Подражания Корану. II), 1824 - **62-63**
<О ничтожестве литературы русской>, 1834 - **74**, **202**
“О ты, который сочетал” (Орлову)*, 1819 - 19, **99**, 260
Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико.* 1836 - 17, 25, 83, **224-225**, 263.
“Один из адъютантов Потемкина...” (Table-talk), 1830-е - **75**
“Он между нами жил”, 1834 - **201-202**
Орлову (“О ты, который сочетал”), 1819 - 19, **99**, 260
 (“От всеношной вечер идя домой”, 1813-1817) - 27, 262
Отрок, 1830 - 13, **168**, 262
Отрывок (“Ты, сердцу непонятный мрак”), 1822 - **38-39**
“Отцы Пустынники и жены непорочны” (Молитва), 1836 - **228**, 268
<Очерк истории Украины>*, 1831 - **72**

Памятник (“Я памятник себе воздвиг нерукотворный”), 1836 - 16, **232-233**, 261

“Певец-Давид был ростом мал” <На гр. Воронцова>, 1824(?) - 113, 257, 259

<Перечень драматических замыслов>, 1826-1828 - **243**, 245
Песни западных славян*, 1834:

1. Видение короля - **204-206**, 268

2. Янко Марнавич - 124, **206-207**

Песнь песней царя Соломона, 1821 - **103**, 260

Пиковая Дама*, 1833-1834 - **203**, 263

Пир во время Чумы*, “маленькая трагедия”, 1830 - 20, **178-182**, 260
(Письмо к издателю: “Георгий Кониский, о котором напечатана статья...”, 1836) - 83, 263

- <Письмо к издателю "Московского Вестника">*, 1828 - **149**
"По смерти Петра..."*, 1822 - **71**, 263
Повести покойного Ивана Петровича Белкина, 1830:
 Выстрел* - **182-183**, 255
 (Станционный смотритель) - 162, 264
<Повесть из римской жизни>*, план, 1833-1835 - **245**
Подражание Италианскому ("Как с древа сорвался предатель Ученик"), 1836 - **229**
<Подражания "Аду" Данте>, 1832:
 I. "И дале мы пошли - и страх обнял меня" - **192-193**
 II. "Тогда я демонов увидел черный рой" - **193**
Подражания Корану, 1824 - 61, **62-67**, 259
Подражания <Песни песней царя Соломона >, 1825:
 "В крови горит огонь желанья" - **117**, 260
 "Вертоград моей сестры" - 11, **117**, 260
<Показания по делу о "Гаврилиаде">*, 1828 - 59
Полтава*, поэма, 1828 - **153-154**, 166, 259
"Пора, мой друг, пора! [покою] сердце просит", 1834 - **201**
(Послание к кн. Горчакову, 1819) - 51
Послание Лиде ("Тебе, наперсница Венеры"), 1816 - **96**
"Послушайте глагол моих" <Запись цитаты из Книги Иова>, 1828 - 18, **153**, 258
"Почти все религии...", 1830 - **49**
("Поэт на лире вдохновенной" - Чернь), 1828 - 18, 153
"Презрев и голос <?> укоризны", 1824 - **114**, 264
Преподобный Савва игумен. Из Пролога, 1830 (?) - 184-185
"Приидоша к прельщенному преподобные отцы..." <Выписки из январских Четь-Миней>, 1831 (?) - 186
(Принцу Оранскому, 1816) - 113
"Проклятый город Кишинев!" <Из письма к Вигелю>, 1823 - **57**, 256
Пророк, 1826 - 16, **143**, 233, 261, 267, 268
Птичка ("В чужбине свято наблюдаю"), 1823 - **109**
<Путевые записки>*, 1829 - **156-157**, 263
Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г.* - **157-158**, 256, 257, 260
<Путешествие из Москвы в Петербург>*, 1834 - **118, 198**, 258
<Путешествие к св. местам А.Н.Муравьева> ("В 1829 году внимание Европы..."), 1832 - **191-192**
<И.И.Пушину> - "Мой первый друг, мой друг бесценный", 1826 - **145**

(Разговоры Н.К.Загряжской, 1830-е) - 266
("Раззевавшись от обедни", 1821) - **58**, 256
"Рубо - рубище..." <Выписки из январских Четь-Миней>, 1831 (?) - 186

(Русалка, 1819) - 87, 89

“С Гомером долго ты беседовал один” <К Н**>, 1834 - 26, **198**, 257

“С Тобюю древле, о Всесильный” (Подражания Корану. IV), 1824 - **64**

“Свободы сеятель пустынный”, 1823 - **109**, 263

“Сегодня бал у Сатаны” <Наброски к замыслу о Фаусте>, 1825 - **241**

“Середа на Святой неделе” <Дневник 1833-1835>, 1834 - **200**, 257, 258

“Скажи, какие заклинанья” <Наброски к замыслу о Фаусте>, 1822-1824 - **239-240**

“Скупой, Ромул и Рем...” <Перечень драматических замыслов>, **1826-1828 - 243**

Скупой рыцарь, “маленькая трагедия”, 1830 - 20, **177**, 260

Словарь о святых, прославленных в Российской Церкви..., 1836 - **225-227**

“Смутясь нахмурился пророк” (Подражания Корану. III), 1824 - **63**

Собрание сочинений Георгия Кониского, архиепископа Белорусского*, 1836 - **218-224**, 256, 259, 262, 263, 266

Стансы (“В часы забав иль праздной скуки”), 1830 - **165**, 258, 259

Стансы Толстому (“Философ ранний, ты бежишь”), 1819 - **100**, 260

(Станционный смотритель, повесть, 1830) - 162, 264

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы* (черн.) 1830 - 23, **171**, 266

Странник, 1835 - **211-214**, 263

“Суворов наблюдал посты...” (Table-talk), 1830-е - **75**

<Сцены из рыцарских времен>*, 1835 - **215**, 256, 261

Сцена из Фауста, 1825 - **44-48**

<Тазит>*, поэма, план, 1829 - **244**

“Так вот детей земных изгнание?” <Наброски к замыслу о Фаусте>, 1825 - **241**

“Тебе, наперсница Венеры” <Послание Лиде>, 1816 - **96**

Тень Фон-Визина*, 1815 - **92-93**, 261, 268

“Тогда я демонов увидел черный рой”. II <Подражания “Аду” Данте>, 1832 - **193**

“Торгуя совестью пред бледной нишетою” (Подражания Корану. VIII), 1824 - **66**

“Трапеза - Толк, толмач...” <Выписки из январских Четь-Миней>, **1831 (?) - 186**

Тургеневу (“Тургенев, верный покровитель”), 1817 - **97**, 268

“Ты богоматерь, нет сомненья” (К ***), 1824 - 29, **58-59**

“Ты, сердцу непонятный мрак” (Отрывок), 1822 - **38-39**

“Утро провел я с Пестелем...” <Из Кишиневского дневника>, 1821 - 34, **38**

“Филарет сделал донос на Павского...” <Дневник 1833-1835>, 1835 - **208**

“Философ ранний, ты бежишь” (Стансы Толстому), 1819 - **100**, 260
(Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова, 1836) - 260

“Хотя стишки на именины”, 1825 - **141-142**

“Христос воскрес, моя Реввека”, 1821 - **54**

“Христос воскрес, питомец Феба” <Из письма к В.Л.Пушкину>, 1816 - **94**

“Цензор Никитенко на обахте под арестом...” <Дневник 1833-1835>, 1834 - **208**

(Чаадаеву: “В стране, где я забыл тревоги прежних лет”, 1821) - 51
(Чернь - “Поэт на лире вдохновенной”, 1828) - 18, 153

“Что козырь?” - Черви. “Мне ходить” <Наброски к замыслу о Фаусте>, 1825 - **242**

“Чудный сон мне Бог послал”, 1835 - **210**, 264, 268

<Эпиграмма> “Когда б писать ты начал сдуру”, 1820 - 11, **102**, 264
(Эпиграммы на Фотия, Стурзду) - 51

<Эпитафия младенцу кн. Н.С.Волконскому>, 1829 - **147**

“Юность не имеет нужды в *at home*...” (план продолжения “Пора, мой друг, пора”), 1834 - **201**

“Я вижу в праздности, в неистовых пирах” (Воспоминание), 1828, черн. - **151**, 256

“Я памятник себе воздвиг нерукотворный”, 1836 - 16, **232-233**, 261
Янко Марнавич (Песни западных славян. 2), 1834 - 124, **206-207**

“*Ne pas admettre l'existence de Dieu...*”, 1830 - **49**

“*Presque toutes les religions...*”, 1830 - **49**

Table-talk*, 1830-e. - **75**, **209**, 256

Письма Пушкина

Бестужеву А.А., -	29 июня 1824 - 114 , 258
брату, Л.С.Пушкину -	27 июля 1821 - 195 , 257 4 сент. 1822 - 102 , 261 13 июня 1824 - 113 , 267 1-10 ноября 1824 - 140 ноябрь 1824 - 115 , 116 , 256 4 дек. 1824 - 40, 116 , 267 февр. 1825 - 119 , 261 7 апр. 1825 - 120
Вигелю Ф.Ф., -	22 окт. - 4 ноября 1823 - 57 , 256
Вульффу А.Н., -	7 мая 1826 - 10, 142 , 266
Вяземскому П.А. -	8/10 окт. 1824 - 114 25 янв 1825 - 119 7 апр. 1825 - 120 25 мая 1825 - 120 , 267 13 сент. 1825 - 121 27 мая 1826 - 264 май 1826 - 142 , 264 9 ноября 1826 - 145 , 265 март 1830 - 166 , 256 3 авг. 1831 - 188 3 сент. 1831 - 190
Гнедичу Н.И. -	(27 июня 1822) - 83, 263 13 мая 1823 - 108-109
Дельвигу А.А. -	23 марта 1821 - 103 , 266, 268 20 февр. 1826 - 140 , 265
жене, Н.Н.Пушкиной -	22 сент. 1832 - 190 , 256 22 апр. 1834 - 199 28 апр. 1834 - 199 30 апр. 1834 - 199 , 268 3 авг. 1834 - 200 сент. 1834 - 202
Жуковскому А.А. -	17 авг. 1825 - 121 , 264

Приложение

Нашокину П.В. - неизвестному (отрывок) -	дек. 1830 - 185 апр.-май 1824 - 34, 43
Одоевскому В.Ф. -	дек. 1836 - 234 , 267
Орлову А.А. -	24 ноября 1831 - 189 , 257, 259
(Осиповой П.А. -	29 июня 1831) - 257
Плетневу П.А. -	4 дек. 1825 - 140 , 267 3 марта 1826 - 141 , 259 14 апр. 1831 - 187 июль 1831 - 175
Погодину М.П. -	8-9 июня 1830 - 167 , 263 ноябрь 1830 - 175 , 266 сент. 1832 - 189 , 262
Пушкиной Н.Н. - см. жене	
Пушкину Л.С. - см. брату	
Санковскому П.С. -	3 янв. 1833 - 195 , 267
Собаньской К.А. -	2 февр. 1830 - 48-49
(Соболевскому С.А. -	15 июля 1827) - 83, 256
Толю К.Ф. -	26 января 1837 - 234
Тургеневу А.И. -	7 мая 1821 - 21, 104 , 264, 266 1 дек. 1823 - 109 , 263 16 янв. 1837 - 234 , 262
Хитрово Е.М. -	14 янв. 1830 - 164-165 26 марта 1831 - 187 , 262
Чаадаеву П.Я. -	19 окт. 1836 - 80-81 6 июля 1831 - 187-188 , 259, 260

Ирина Юрьевна Юрьева

Пушкин и христианство

Обложка	Л.А.Бабаджаниян
Верстка	М.В.Вишневский, С.М.Цырульников
Оформление	М.В.Вишневский
Выпускающий редактор	М.В.Капризина

ЗАО ИД “Муравей”, 123363, Москва, а/я 81

ЛР № 064599 от 22.05.96 г.

Сдано в набор 03.08.97. Подписано в печать 03.12.97.
Формат 70х100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Гарнитура “Сувенир”.
Усл. печ. л. 17,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 1085.

Московская типография №6 Комитета по печати РФ.
109008 Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24

Книги Издательского Дома “МУРАВЬИ” к 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина

Леонид Аринштейн

ПУШКИН: Непричесанная биография

“Без биографии Пушкина, как без ключа, нельзя проникнуть в таинство самой поэзии”, - писал один из ближайших друзей поэта П.А.Плетнев. Но справедливо и обратное: лирика Пушкина раскрывает многие тайны его жизни...

Именно из такого понимания исходит автор этой книги. Биография Пушкина прочитана здесь через его лирические произведения. Отдельные главы посвящены личной жизни поэта, трагической преддуэльной истории, отношениям с Императором, интриге с подметными письмами.